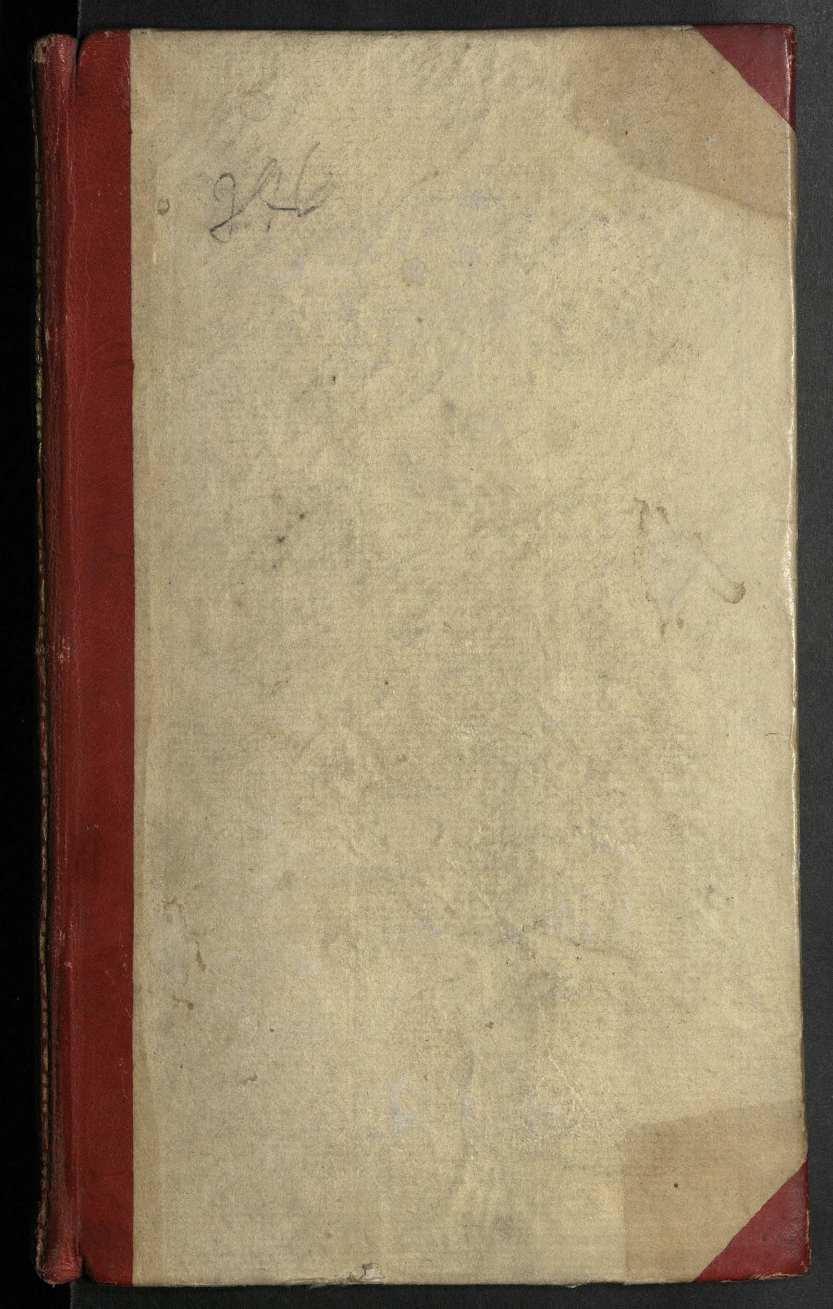

84

АГАТОНЪ,

или

КАРТИНА ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ

Нравовъ и обычаевъ Греческихъ.

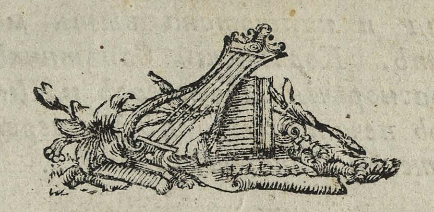
Сочиненіе г. Виланда.

Переведено съ Нѣмецкаго.

Quid virtus et quid ſapientia poſſit. т. е.

Что могутъ добродѣтель и премудрость.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.



Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова, 1783 года.

ОДОБРЕНІЕ

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Агатонъ, или картина Философическая, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ.*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Второй части.

КНИГА ПЯТАЯ.

)(уготов-

КНИГА ШЕСТАЯ.

КНИГА СЕДМАЯ,

КНИГА ОСЬМАЯ.

АГАТОНЪ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Глава первая.

Что упражняло по время ночи духъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ особъ.

Обволхвованіе души нашего витязя продолжало удерживать его въ томъ же возхищеніи. Онъ безпрерывно разсуждалъ о семъ мнимомъ совершенствѣ цѣлую ночь, которое воображеніе его съ обыкновеннымъ ему искуствомъ, и что онъ не примѣтилъ ослѣпленія, поставило на мѣсто прекрасной Данаи. Сіе ложновидѣніе ввергнуло духъ его въ столь пріятное и тихое положеніе, что онъ ни малѣйшаго изъ тѣхъ не имѣлъ чувствованій, которыми обыкно-

венно возвѣщается страсть. Безпокойство, желанія, сіе внутреннее броженіе, раждающееся отъ страха и надежды, не возмущали никакъ благополучной тишины, которою онъ наслаждался. Ему казалось, что желанія его всѣ уже изполнились.

Данае съ своея стороны возхищалась торжествомъ, которымъ она обязана своимъ прелестямъ; и хотя размышленія ея не столько были высоки, какъ ея младаго друга, но однако по крайней мѣрѣ столько же въ своемъ родѣ пріятны. Агатонъ ей понравился. Она была принятымъ о немъ мнѣніемъ довольна, и думала по примѣтамъ, что сіе первое свиданіе подало ей причину съ хорошимъ надѣяться основаніемъ сдѣлать изъ него по надлежащимъ степенямъ втораго Алкивіада, а можетъ быть и вѣрнѣе.

нѣе. Опытъ, который она покусилась сдѣлать, подкрѣпляла она столь пріятнымъ образомъ, что рѣшилась слѣдовать даже до конца разположенному плану. Это правда, что мысль заступить мѣсто танцовщицы пришла уже ей въ ту минуту, когда она оный изполнила; но она бы сему дѣйствительно не подвергнулась, естьлибъ она хорошее онаго дѣйствіе съ нѣкоторымъ родомъ извѣстности не предвидѣла. Она представилась ему, не употребя ни въ своемъ нарядѣ, ни въ своихъ поступкахъ ни единой вещи, которая бы могла противна быть при первомъ видѣ Агатону. Ей бы трудно было загладить противное впечатлѣніе, которое бы онъ о ней принялъ. Онъ долженъ былъ доведенъ быть до такой крайности, чтобы самаго себя невидимо обманывать. Когда надлежало произвести въ немъ чувствитель-

ность къ осязаемымъ прелестямъ, то надлежало только обольстить его воображеніе, чтобы онъ ихъ смѣсилъ съ тѣми, которыя оно ему представляло, и чтобы онъ думалъ, что онъ видитъ въ сихъ то же, что и въ первыхъ. Данае вѣдала довольно, что вразумительная красота не раждаетъ страсти, и что хотя бы добродѣтель сама, какъ сказалъ Платонъ, вдохнула любовь подъ открытымъ тѣломъ, то бы она обязана была симъ торжествомъ гораздо больше ослѣпляющей белизнѣ и пріятнымъ окружностямъ прекрасной груди, нежели невинности, которой онъ носилъ изображеніе. И такъ надлежало ему быть обмануту.

Мудрый Гиппіасъ имѣлъ довольную причину примѣчать при семъ случаѣ за Агатономъ такъ, чтобы ни малѣйшая вещь, которая казалась увѣрять его въ благопо-

луч-

лучномъ успѣхѣ его предпріятія, отъ него не избѣгнула. Но онъ ласкалъ себя много, естьли онъ надѣялся, что Калліасъ въ возторжномъ состояніи, въ которомъ онъ быть казался, повѣритъ ему въ своихъ чувствованіяхъ. Однако Агатонъ желалъ дать свободное теченіе своему возторженію; но лучше бы было, естьли бы онъ всегда хранилъ оное самъ въ себѣ, нежели дѣлалъ его участникомъ. Данае глазамъ его казалась весьма высокимъ предметомъ, и чувствованіе его къ ней было столь чисто и столь чуждо отъ скотскихъ помысловъ Гиппіасовыхъ, чтобы онъ думалъ осквернить одно и другое сыскавъ въ ней наималѣйшую довѣренность.

Глава вторая.

Небольшое Метафизическое (существенное) отступленіе.

Любовь перемѣняетъ свои склонности. Не невозможно любить въ одно время три или четыре особы такъ, чтобы ни одна изъ нихъ не жаловалась на невѣрность. Агатонъ на седмьнатцатомъ году своего возраста началъ чувствовать нѣкакое движеніе духа къ Дельфской жрицѣ; и сіе произходило отъ любви. Но сіе произходило ни отъ чего, какъ отъ той любви, которая услаждаетъ чувства; и сіе впечатлѣніе, котораго онъ самъ не умѣлъ довольно опредѣлить, уступило по нуждѣ нѣжности, которую въ него вдохнула Псише. Склонность, которую онъ къ сему любви достойному имѣлъ созданію, была любовь однонравія, согласіе сердецъ, тайный союзъ душъ, о которомъ

торомъ не могутъ дать тѣ никакого понятія, кои сего не чувствовали: чувства не имѣютъ въ томъ ни малаго участія. Сіе есть родъ союза, который дѣлаясь общимъ, и коего родъ человѣческій никакъ не долженъ опасаться, подаетъ всѣмъ смертнымъ нѣкоторое понятіе объ увеселеніяхъ, вкушаемыхъ небесными духами. — И такъ Агатонъ могъ говорить о сихъ двухъ родахъ любви изъ опыта, изъ коихъ одна противоположена другой. Но онъ не имѣлъ никакого понятія о любви успокоивающей чувства, духъ и сердце вмѣстѣ, и раждающейся отъ стеченія двухъ другихъ; но наисильнѣйшая, наиживѣйшая и наиопаснѣйшая изъ всѣхъ страстей ему была столько безъизвѣстна, какъ и ея припадки и ея дѣйствія. И такъ не удивительно, что сія страсть овладѣла всѣми его силами прежде, нежели

ему только взпало на мысль ей сопротивляться. Конечно все произходимое въ его душѣ, какъ онъ два или три дни прекрасной не видалъ Данаи, ниже о ней слышалъ что, могло бы учинить подозрительнымъ состоянiе его сердца безпристрастному зрителю; но онъ самъ была весьма далекъ отъ того, чтобы возъимѣть наималѣйшее недовѣриванiя на чистоту ея помысловъ. Есть ли что естественнѣе желанiя взирать безпрестанно на всесовершеннѣйшее и любви достойнѣйшее изъ всѣхъ существъ, увидя оное единожды? Не такъ ли разсуждаетъ страсть? — Конечно. — Но что сказалъ разумъ? — Разумъ? — О! ничѣмъ ничего. — Впрочемъ мы должны предувѣдомить въ извиненiе Агатона, что онъ о прекрасной Данаѣ ничего другаго кромѣ виденнаго не зналъ. Свойство, приписуемое ей свѣтомъ,

ни-

никакъ не доходило до его ушей; но онъ и не имѣлъ случая, а правду сказать и ни мало не желалъ, о семъ извѣщаться.

Глава третія.

Въ которой намѣренія дѣлаютъ достойный примѣчанія шагъ.

Осемь дней только протекло; а для молчаливаго, унылаго и нетерпѣливаго Агатона показались они осмью столѣтіями. Но какое удовольствіе для злобнаго Софиста, который сквозь явнаго спокойствія своего невольника примѣчалъ его желанія! Онъ пришелъ къ нему въ одно утро. Данаѣ, говорилъ онъ ему съ безпристрастнымъ видомъ, потребенъ надзиратель для ея садовъ и ея земель. Что ты скажешъ о мысли, которая мнѣ пришла посадить тебя на сіе мѣсто? Мнѣ кажется, что ты не неспособенъ

къ

къ отправленію сея должности? Нѣтъ ли у тебя охоты вступить къ ней во услуженіе? -- Рѣчь, которая въ одно время выражала изумленіе и чрезмѣрную радость, невѣріе и надежду, стыденіе и разпаленіе, была бы намъ весьма къ статѣ для изображенія смущенія, которое сіи слова произвели въ Агатонѣ. Оно было весьма велико, чтобы онъ могъ вдругъ отвѣчать; но глаза Гиппіаса, въ коихъ онъ читалъ часть злобы, которую мудрецъ старался скрывать, возвратили ему тотчасъ употребленіе языка. Ежели ты желаешъ свободиться отъ меня симъ образомъ, отвѣчалъ онъ со всякою осторожностію, сколько ему возможно было; то я имѣю только единое противопредложеніе. -- А имянно? -- Что я весьма худо разумѣю хозяйство. -- Это ничего не важитъ, отвѣчалъ мудрецъ. Тебѣ подчинятся такіе

люди,

люди, кои лучше разумѣютъ; а сего и довольно. — И я безъ стыда заступлю такое мѣсто, котораго я не достоинъ ни мало! — Изрядно; вотъ какія еще сомнительства у тебя! по истинѣ, ты меня смѣшишъ. Поди; не разсуждай свыше, какъ о своей собственной пользѣ. Впрочемъ я мню, что тебѣ въ семъ домѣ понравится. Ты любишъ полевую жизнь, и ты будешъ имѣть случай вкушать всѣ ея пріятности. Естьли ты доволенъ, то я иду сей часъ разпорядить сіе дѣло. — Ты имѣешъ право, отвѣчалъ Агатонъ, дѣлать изъ меня, что угодно. — Сказать правду, продолжалъ Гиппіасъ, что я не безъ жалѣнія теряю тебя, не смотря на небольшее несогласіе, существующее въ нашемъ съ тобою образѣ размышленія. Но Данае, кажется, желаетъ тебя, и я имѣю къ ней обязанности. Она,

не знаю отъ чего, поняла о твоей способности великое мнѣніе. Я тебя уступаю ей тѣмъ охотнѣе, что она моя пріятельница, что я буду имѣть случай видѣть тебя часто, и что я надѣюсь, что она внимать за тобою будетъ по твоимъ заслугамъ. Агатонъ сдержалъ довольно нарочито тонъ холодности предпринятой; а Гиппіасъ, которому стояло великаго труда удержаться отъ злобныхъ насмѣшекъ, оставилъ его, не давъ примѣтить того, что онъ думалъ о семъ притворномъ духоспокойствіи.

Поступокъ Агатона при семъ обстоятельствѣ могъ произвесть подозрѣніе, что онъ не ощущалъ смятенія въ своемъ сердцѣ. Предложеніе Гиппіаса, столь довольно благопріятствующее его желаніямъ, было безъ сомнѣнія такого свойства, чтобы показать его про-

противъ самаго себя. Но надлежитъ припомнить о предпріятомъ противъ сего Софиста упрежденіи. Въ семъ мнѣніи онъ не могъ лучше сдѣлать, какъ скрывать отъ него свои мысли, которыя бы такому неизправимому Антиплатонику показались невразумительными, или совершенно смѣшными. Радость, которой онъ предался, какъ скоро сталъ онъ быть единъ, показывала ясно, что онъ еще ни малѣйшаго не полагалъ недовѣриванія на свое сердце. Радость сія превозходила всякое выраженіе. Можетъ быть найдутся такіе любовники, кои могутъ оное себѣ въ мысляхъ представить; а для прочихъ сіе наше сказаніе было бы можетъ быть безполезно. Свидѣться съ божественною (несравненною) Данаею — да не только свидѣться, но и жить въ ея домѣ — слушать — говорить иногда

да съ нею — наслаждаться ея обхожденiемъ, а можетъ быть содѣлаться достойнымъ ея дружества. — При семъ то забылась его возхищенная сила воображенiя. — Надѣянiе обыкновеннаго любовника продолжило бы путь свой далѣе; Агатонъ былъ необыкновенный любовникъ. — Я люблю прекрасную Данаю, сказалъ Гiацинтъ, надѣяся получить все отъ нея. Для сего самого дѣйствительно не любишъ ты ее, отвѣчала бы ему Сократова Дiодима: любовникъ, который въ ту минуту, когда предметъ имъ любимый удостоиваетъ первымъ только поцѣлуемъ въ руку, желаетъ большаго благополучiя, не долженъ тщеславиться, что онъ любитъ.

Глава четвертая.

Перемѣна явленія.

Данае по щедротѣ Кира не только имѣла великолѣпный домъ въ Смирнѣ; но его благоволеніе не столько бы прославилось, естьли бы онъ въ то же самое время не подарилъ ей гордое мѣстоположеніе въ сосѣдствѣ сего города, лежащее въ наипріятнѣйшей округѣ, куда Данае обыкновенно отъ времяни до времяни прибывала для препровожденія нѣсколькихъ увеселенію посвященныхъ дней. Сюда надлежало отбыть Агатону для вступленія въ правленіе новой должности, и учинить нужныя приуготовленія къ принятію своея госпожи, предпріявшей остатокъ прекраснаго времяни препроводить въ деревнѣ. Мы сопротивляемся покушенію сдѣлать описаніе сему пріятному селенію, чтобы доставить читателю удовольствіе пред-

ставить себѣ оное толико пріятнымъ, толико великолѣпнымъ и толико осклабляющимся, сколько онъ самъ за благо разсудитъ. Все, что мы объ ономъ сказать намѣрены замыкается въ томъ, что тѣмъ, коихъ воображеніе имѣетъ нужду въ нѣкоторомъ подкрѣпленіи, довлѣетъ прочесть шестуюнадесять пѣснь Свобожденнаго Іерусалима, для представленія мѣста избраннаго сею Греческою Армидою театромъ побѣдъ, которыя надѣялась она надъ нашимъ одержать ироемъ.

Она не разсудила за благо, или не могла сама надъ собою выиграть заставить его долгое время ожидать своего прибытія. Она назавтрее отправилась въ свою деревню, и лишь только прибыла, то и приказала его призвать къ себѣ, и слѣдующимъ выраженіемъ ввергнула его въ пріятное изумленіе;

ніе: знакомства сведеннаго между намии за нѣсколько дней, говорила она ему, было довольно для убѣжденія меня, безъ свидѣтельства Гиппіаса, что ты не рожденъ для состоянія, въ которое ввергнулъ тебя досадный случай. Я люблю отдавать правосудіе особамъ, которыя мнѣ кажутся онаго достойными; а сіе самое внушило въ меня желаніе извлечь тебя изъ зависимости Гиппіаса. Вашъ обоихъ *разсужденія образъ* показывался мнѣ толико разноличенъ, что твое невольничество не укоснѣло бы тебѣ омерзѣть. Онъ вѣдая что мнѣ потребна была довѣренная персона въ домоправители моего дома, сдѣлалъ о тебѣ предложеніе. Я приняла его представленіе съ поспѣшностію, поелику оно подавало мнѣ средство извлечь заслугу подвергнутую ненависти изъ состоянія, въ которое ввергнулъ ее жребій, Ты способенъ,

бенъ, Калліасъ и самовластный господинъ дѣлать, что за благо разсудишъ. Я желаю, чтобы дружба, тебѣ мною представляемая, могла тебя побудить остаться со мною. Я тебя совершенно уволяю отъ отправленія должности твоего званія; но оно можетъ тебѣ служить титломъ въ глазахъ общества и оправдать противу его обличенія твое пребываніе въ моемъ домѣ. Я никакъ не хочу, чтобы ты себя принуждалъ, и чтобы признательность налагала на тебя новыя оковы. Ты можешъ сдѣлать совсѣмъ другой для спокойствія своея жизни разпорядокъ. Удовольствіе, съ которымъ я буду поспѣшествовать твоимъ намѣреніямъ, увѣритъ тебя о чистотѣ побудительныхъ причинъ, понудившихъ меня поступать такимъ образомъ въ разсужденіи тебя. — Благородная и непринужденная пріятность, съ ка-

каковою Данае произносила сіи слова совершила дѣйствіе, которое толико великодушное выраженіе надъ чувствительнымъ долженствовало учинить Агатономъ. Какой образъ разсужденія! какая душа! Могъ ли онъ меньше содѣлать, какъ повергнуться къ ея ногамъ, чтобы въ выраженіяхъ, коихъ смятеніе составляло все краснорѣчіе, придать побужденіе удивленію и *благодарности*, коихъ избытокъ, казалось, разторгалъ его *перси*? — *Не за что толико благодареній*, прервала Калліаса великодушная Данае. Ты мнѣ оными не долженъ. Что я сдѣлала, то это не значитъ ничего, и я бы равно для всякаго другаго обладающаго твоими заслугами почла себя обязанною быть таковою же. — Я не нахожу выраженій для моея чувствительности, достойная обожанія Данае! возопилъ возхищенный Агатонъ. Я принимаю

 твой

твой даръ, чтобъ наслаждаться удовольствіемъ быть твоимъ добровольнымъ невольникомъ. Эту честь не промѣняю я ни на какую корону въ свѣтѣ. Ахъ, божественная Данае! съ самаго того времяни, какъ я тебя увидѣлъ, я не знаю большаго блаженства, какъ на тебя взирать. Естьли услуги, которыя я могу оказать, довольны убѣдить тебя о неизрѣченномъ чувствованіи, которое я о твоемъ достоинствѣ имѣю; естьли я за свою ревность заслуживаю награжденъ быть единымъ воззрѣніемъ удовольствія, о Данае! кто бы тогда могъ быть благополучнѣе меня? —— Окончимъ, сказала кроткая Нимфа, разговоръ, настроенный стремленіемъ признательности твоего сердца до толико высокаго степени. Я тебѣ обьяснила, на какой ногѣ можешъ ты остаться здѣсь у меня. Я тебя почитаю за друга моего

дома; я знаю цѣну твоего достоинства; присутствіе твое будетъ меня всегда веселить; а услуги твои тѣмъ будутъ для меня дороже, что онѣ самопроизвольны и плодъ безкорыстной дружбы.

При сихъ словахъ Данае оставила благодарнаго Агатона. Я знаю, что въ выраженіяхъ его признательности нѣкоторыя особы нашли нѣсколько пышности и безумія, или по крайней мѣрѣ излишній огонь и возхищеніе. Но сіи посмѣятели изволили бы взпомнить, что Агатонъ былъ не въ толико спокойномъ, яко они, духоположеніи, и не зналъ точно того, что они отъ нашей нескромности ю прекрасной узнали Данаѣ. Мы конечно почти знаемъ, что намъ о ней довлѣетъ думать; но въ его очахъ казалась она богинею; а лежа у ногъ ея, а особливо при

обязанности, которую онъ къ ней имѣлъ, естественно не могъ онъ взирать на нее съ философскою, какъ мы, холодностію.

И такъ Агатонъ сдѣлался другомъ и собесѣдникомъ прекрасной Данаи, и при каждомъ днѣ оказывалъ новыя услуги, показывающія его щастія сего достойнымъ, которыя малое его внимание къ Гиппіасу препятствовало ему оказывать въ его домѣ. Не одна сельская жизнь доставляла ему пріятныя времяни провожденія. Сіи пріятныя услажденія, въ коихъ острота и Музы большее имѣютъ участіе, составляли въ семъ веселомъ учрежденіи главное его упражненіе. Всякое, такъ сказать, мгновеніе подавало ему случай блистать своими дарованіями. Возхитительное его воображеніе внушало ему столько изобрѣтеній, что онъ не имѣлъ никакого другаго труда, какъ выби-

бирать изъ нихъ тѣ, которыя ему свойственнѣе покажутся къ увеселенію своея госпожи и небольшей компаніи, состоящей изъ довѣренныхъ у нее бываемыхъ друзей. Однако сіе былъ самый тотъ Агатонъ, который за нѣсколько дней прежде почиталъ за маловажное упражненіе возхищать Іоническія уши въ лицѣ невиннаго читателя.

Въ самомъ дѣлѣ мы не можемъ долѣе скрывать, что сіе неописанное чувствованіе (какъ онъ называлъ обыкновенно вдохнутое въ него прекрасною Данаею), сіе, я не знаю что такое, что мы, хотя онъ не совсѣмъ признался, безъ всякаго зазрѣнія назовемъ любовію, въ теченіи не многихъ дней толико возросло, что у всякаго бы другаго, кромѣ Агатона, взирая на истинное состояніе его сердца, глаза бы потемнѣли. Но не смотря на то, что мы легко догадаться можемъ, что обстоя-

тельность нашего повѣствованія при сей части его исторіи величавымъ изъ нашихъ читателей весьма покажется скучною; однако мы не отстанемъ, не давъ сей быстрой перемѣнѣ точнѣйшаго отъ Какъ и Для чего? отчета. Всякое вниманіе, которымъ мы помянутымъ строгимъ читателямъ должны, не можетъ насъ удержать не сдѣлать представленія, что сія исторія можетъ быть впредь младому, еще не совсѣмъ созрѣлому Агатону въ руки попадется, который изъ точнаго описанія перемѣнъ, богинею Данаею мало по малу въ сердцѣ и образѣ размышленія нашего ироя подѣйствовавшихъ, могъ бы почерпнуть для себя извѣстныя наблюденія и осторожности, которыя благоупотребить онъ можетъ быть получитъ случай. И такъ мы думаемъ, когда мы сему будущему Агатону въ удовольствіе

ствіе на себя трудъ беремъ, страстямъ сего ироя отъ источника до неизвѣстнаго еще предѣла слѣдовать, тѣмъ скорѣе быть извинены, когда всѣмъ прочимъ критикамъ вольно, естьли покажется дурно, совсѣмъ не приниматься за чтеніе слѣдующей главы.

Глава пятая.

Картина Платонической любви.

Кто разумный не помыслитъ о толь пріятной матеріи? Любовь! душа природы! врожденное желаніе! неизчерпаемое начало существа! самовластное могущество все могущее, противу котораго ничто не можетъ, помощію котораго все дѣйствуетъ, все дышетъ и все обновляется! божественный пламень! отрасль вѣчности, которую Всемогущій разлилъ во всѣхъ дыханіемъ жизни! драгое чувствіе, могущее едино

толь-

только смягчить жестокія и оледѣнелыя сердца, проникнувъ легкимъ жаромъ! первая вина всякакаго блага, всякаго общества, соединившая безъ принужденія единымъ своимъ привлеченіемъ дикія и разсыпанныя естества! единый и обильный источникъ всякаго веселія, всякой забавы! любовь! ты утверждала всегда вниманіе устрашенныхъ Философовъ; они признали твое владычество; а естьли сыщутся непокорившіеся тебѣ, то тѣ по крайней мѣрѣ стараются проникнуть въ причины власти, простираемой тобою по всей природѣ. Зороастръ, сей мудрецъ мудрецовъ, не воображалъ начала всякаго блага и что огонь былъ предзнаменованіе божества, не почувствовавъ твоихъ впечатлѣній. И не отъ него ли мы знаемъ, что источникъ бытія любви существуетъ въ разсужденіи или въ воззрѣніи на предметъ обавающій наше

наше воображенie? Желанie взирать всегда на сей предметъ есть первый степень огня тобою вдыхающаго. Душа, привязанная къ сему возхитительному образу, открываетъ во ономъ безпрерывно новыя красоты и новыя къ своему удивленiю совершенства: она впадаетъ въ сладкое возторженie; а сильнѣйшiя ея способности и всѣ прочiя ея чувства кажутся быть въ *недѣйствiи* и такъ сказать погружены въ очарованiи сего единаго зрѣлища, и не видно стремительнаго теченiя времяни. — Но сiе состоянiе, будучи весьма сильно, не можетъ долго продолжаться: рано или поздно уступаетъ оно чувствiю неизрѣченнаго удовольствiя, того изступительнаго воззрѣнiя естественному слѣдствiю, и о которомъ намъ никакое веселiе или сластолюбiе не можетъ подать лучшаго понятiя. Блаженные Адепты, сохра-

хранители вѣчнэго огня вашего божественнаго Зороастра! вы сравниваете сіе веселіе съ его живымъ и чистымъ пламянемъ; а прочія веселія едва походятъ на мрачный и густый свѣтъ нашихъ свѣточей (факеловъ).

Сіе внутреннее удовольствіе, сія неизтолкуемая прелесть души открывается тотчасъ измѣненіями, дѣйствуемыми ею въ механической части нашего существованія. Съ какою бодростію она течетъ и струится въ нашихъ жилахъ! колико блистаетъ она въ нашихъ глазахъ! какая осклабляющаяся ясность разливается по нашему лицу! Всѣ наши движенія обновляются, всѣ наши дѣйствія становятся пріятнѣе и живѣе. Она возвышаетъ и настроиваетъ всѣ силы душевныя, оживотворяетъ играніе воображенія и остроты; понятія наши, кажется, при-

нимаютъ тонъ, блескъ и, естьли можно такъ сказать, самый цвѣтъ любви. Въ сіи минуты любовникъ превозходитъ обыкновеннаго человѣка. Онъ, какъ говоритъ Платонъ, изполненъ божества, изъ него глаголющаго и въ немъ дѣйствующаго. Нѣтъ совершенства, нѣтъ никакой добродѣтели и нѣтъ для него никакого толико великаго иройскаго дѣйствія, къ которому бы онъ въ семъ *возторженіи* и въ очахъ любезнаго своего предмета не былъ способенъ. Образъ ея, который, кажется, наполняетъ всю его душу, столько живъ, что чувствуешъ самыя тѣ же впечатлѣнія, будучи отлученъ отъ обожаемой красоты: не много времяни потребно, чтобы увидѣть то, чего болѣе не зрѣлъ; но душа едва возчувствуетъ ея отсутствіе, о сильная любовь! какая премѣна! сіе толь чистѣйшее блаженство,

ство, коимъ она наслаждалась, изчезаетъ со всею своею возхитительною свитою. Онъ изпытываетъ постепенно совсѣмъ противныя дѣйствія тѣмъ, которые произвели сіе возторженіе, и онъ, который не задолго предъ симъ казался быть чрезвычайнымъ человѣкомъ, кажется уже не тотъ; но едва видна въ немъ тѣнь его, безжизненна и бездыханна. Онъ дѣлается ни къ чему не способенъ, какъ въ безмолвныхъ, яко пугалище, блудить уединеніяхъ и начертывать на скалахъ возлюбленное своея богини имя, и издыхать свою тугу глухимъ деревьямъ. Плачевное истинно состояніе! Но какой новый возторгъ! Предметъ, коего отсутствіе погрузило въ сіи рѣдкія очарованія, появился; единое его воззрѣніе, наподобіе быстропролѣтающей молніи, возвращаетъ въ единое мгновеніе сей тѣни обратно тѣло, тѣлу душу,

а

а душѣ умоизступленіе, чрезъ которое она, не взирая ни на какія степени, изъ унынія и отчаянія переходитъ къ безконечной радости.

Агатонъ не ощущалъ можетъ быть всего сего столько же совершенно, сколько другой его рода любовникъ могъ бы онымъ быть тронутъ; но естьли онъ не изпыталъ въ толико же высокой степени, то довлѣетъ повидимому приписывать единственно втеченію, которое возлюбленная его Псише имѣла еще надъ всѣмъ тѣмъ, что произходило въ его сердцѣ. Но должно признаться, что сила, ею сохраненная, нечувствительно изнемогалась. Образъ ея не представлялся уже болѣе его воображенію съ тѣми блестящими цвѣтами, съ какими прежде начертавался, сіяніе ихъ мало по малу увядало, и тѣ без-

престанныя напоминанія, отвращающія его отъ всякаго другаго предмета, очистили мѣсто роду холодности, позволяющей ему съ трудомъ взпомнить по случаю, а наконецъ изчезла она совсѣмъ въ его понятіи. Психе престала существовать для него, и все то, что произходило прежде его знакомства съ прекрасною Данаею, разсыпалось въ его духѣ, яко бѣглый огонь, не оставившій никакого впечатлѣнія. И такъ легко можно понять, что весь его прежній образъ любить и первое его бытіе претерпѣло въ семъ забвеніи нѣкоторую перемѣну, и получило почти видъ и тонъ новаго предмета, съ толико неограниченною силою надъ нимъ господствуемаго и дѣйствуемаго. Важный его видъ очищалъ нечувствительно мѣсто нѣкоторой бодрости, которая ему многія вещи на которыя онъ прежде негодо-

валъ,

валъ, показала въ благосклоннѣйшій день. Нравоученіе его, прежде толико строгое, дѣлалось мало по малу вольнѣе и снизходительнѣе. Онъ взпомнилъ по истинѣ о своихъ прежнихъ друзьяхъ, наполняющихъ пространство небесной тверди; но съ какимъ приуготовленіемъ надлежало имъ показаться, чтобъ имѣть къ нему нѣкоторый доступъ? Ахъ, божественная Данае! надлежало, чтобы ты ссудила ихъ своими прелестными пріятностями. Обладательница его души! желая тебѣ понравиться, забылъ онъ, что онъ долженъ быть печальнымъ, трезвымъ и молчаливымъ въ удовольствіе невидимыхъ созерцателей его жизни. Онъ наслаждался, взирая на тебя, удовольствіемъ много превозходящимъ всѣ его вообраэенія; да и самое блаженство ефирныхъ душъ не столь казалось ему зависти достойнымъ.

Первое изъ его желаній изполнилось. Онъ хотѣлъ всегда присутствовать при прекрасной Данаѣ, то никакъ ее не оставлялъ. Второе, за симъ имѣющее послѣдовать, то есть снискать ея дружбу, сама она при началѣ великодушно предупредила: обязательный и довѣренный поступокъ, съ которымъ она безпрестанно нѣсколько дней съ нимъ обходилась, не оставилъ ему съ сея стороны ничего желать. Могъ ли онъ быть блаженнѣе сего? Но ахъ! еще нѣчто къ щастію его недоставало — онъ желалъ ея нѣжности. — — Ея нѣжности? — Агатонъ? — Конечно, онъ самъ. — Но мы не должны судить о немъ съ великою строгостію: чувствіе, которое онъ желалъ въ нее. внушить, было такое, какое только воображеніе единаго Агатона способно себѣ представить — однимъ словомъ, онъ примѣтя свою къ ней любовь, не естественно

но ли желалъ и ею быть любимъ, и чтобы она имѣла къ нему такую любовь, какую онъ къ ней чувствовалъ, любовь толико безкорыстную, сіе чистое дохновеніе души, и толико безпритворное желаніе, какъ будто бы она была Силфида? Отважное его желаніе простиралъ не далѣе, какъ быть съ нею въ тѣхъ симпатическихъ оковахъ, въ семъ толико тихомъ союзѣ душъ, который Псише заставила его изпытать. Колико должна быть, говорилъ онъ въ себѣ, сія симпатія! Она съ Псишею изполнена была утѣхами. Какой языкъ смертныхъ силенъ выразить возхищеніе, которое она должна причинить съ прекрасною Данаею? — Къ нещастію нашего ревностнаго Платоника забралъ онъ къ себѣ въ голову такія мысли, коимъ Данае, не помышляя никакъ сдѣлать изъ себя лице Силфиды, не столько

ко отдавалась, какъ онъ желалъ; поелику она продолжала всегда держаться съ нимъ въ границахъ дружества. Сказать правду, она еще была не столько остроумна, чтобы сдѣлать себѣ довольно ясное понятіе о сей чистой и вразумительной любви, о которой онъ ей толико хорошаго разсказывалъ; или казалось ей весьма смѣшно въ ея лѣта и съ такою фигурою играть роль, приличную однѣмъ только такимъ женщинамъ, которыя болѣе не принимаютъ никакихъ посѣщеній въ мыльнѣ. Но какъ изъяснить все сіе Агатону? какъ вразумить ему о вещахъ, толико отъ его образа разсужденія удаленныхъ? Не довлѣетъ ли скромному по крайней мѣрѣ при случаѣ убѣгать до послѣдняго слова, могущаго подать подозрѣніе о хитрости сея учтивости? Однако необходимо надлежало вести сіе воображеніе до дѣйстви-

ствительнѣйшихъ предметовъ. Любовь! ты притекла на взпоможеніе прекрасной Данаѣ; ты ей вдохнула все сіе малинькое нерадѣніе въ ея уборкѣ, всю сію небольшую разстройность въ цѣломудріи, ей съ толикою употребляемомъ хитростію. Воздухъ, колеблемый движеніемъ твоихъ крылъ, производитъ сей рѣзвый и издѣвочный зефиръ, который во время ея засѣданія на софѣ возлѣ Агатона играя съ ея весьма легкою уборкою, взпомоществовалъ нескромному воробью рѣзвящимся носикомъ теребить слабо надѣтое платье, сползшее къ его ногамъ, яко бы онъ шутилъ надъ ееирною нашей младой Силфіи страстію, и давалъ ему ободренія, коихъ бы другой меньше возхищенный любовникъ не потребовалъ. Она имѣла причину быть довольна всѣми дѣйствіями сея небольшей хитрости. Агатонъ, давно привыкшій разсу-

 ждать

ждать о тѣлѣ и о душѣ, яко о двухъ различныхъ существахъ, и видая всегда въ Данаѣ, по выраженію Гидіа (*), небесную красоту подъ земною завѣсою, смѣшивалъ оба сіи существа часъ отъ часу въ своемъ воображеніи. Въ самомъ дѣлѣ толико оживотворены были чувственныя прелести его богини, прелести ея души толико блестящія изъ-за внѣшности ея обманчивой завѣсы, что ему почти не возможно было представить себѣ одно безъ другаго. Это правда, хотя сіе особенное смятеніе не произвело почти никакой существенной въ его образѣ любви перемѣны, однако не смотря на сіе не мало споспѣшествовало ко вверженію его непримѣтно въ такое положеніе, которое, казалось, болѣе взпомоществовало

(*) Гиди, Италіанскій стихотворецъ, славный своею лирическою поэзіею.

вало хитрой Данаѣ, нежели отстрашало и удаляло отъ успѣха.

О ты, для котораго великодушное мое дружество заставило меня предпріять трудъ написать сію главу, тебѣ посвященную! остановись здѣсь и вопроси свое сердце. Естьли ты понимаешъ, о! нещастный молодый человѣкъ! къ чему клонится разположеніе, въ которомъ находится Агатонъ, и естьли обрѣтешъ Данаю, чтобы непоказалась твоимъ обманчивымъ глазамъ Мадамою Д*** самою? Но ахъ! ты понимаешъ заключеніе сея главы, такъ уже поздно мое предостереженіе, и ты погибъ. Бѣги въ сію минуту, чтобы ее не увидѣть, бѣги и угаси желаніе ее узрѣть вторично! Но естьли ты сего не можешъ, Когда ты, по данному мною тебѣ моему совѣту, не желаешъ сего; то я не имѣю больше тебѣ ни-

ничего сказать. Ты болѣе не Агатонъ; ты самый тотъ, что и прочiе; дѣлай что изволишъ, и нѣтъ нужды въ томъ, какимъ ты ни сдѣлается. Нечего въ тебѣ развратить.

Глава шестая.

Сочинитель обвиняетъ себя въ нѣкоторой легкомысленной нескромности.

Прекрасная Данае весьма далеко была отлучена отъ того, чтобы оставаться нечувствительною къ преимуществамъ Каллiаса; или, безъ закрытiя сказать, ей стояло дѣйствительно нѣкотораго труда, не взирая на ея твердость, скрывать отъ него свои мысли. Она хотѣла ему изъясниться, сколько она тронута его любовiю, и коль охотно желала бы на оную соотвѣчать. Но творенiе дѣлать изъ Агатона Алкивiада требовало не нѣсколько

дней: надлежало его постепенно безъ показанія себя въ семъ участницею, вести къ сей великой перемѣнѣ. Сіе было единое средство учинить ее долговѣчною. И такъ великое искуство состояло въ томъ, чтобы подъ личиною дружества оживотворить его вожделѣнія въ то время, когда она казалась отвращать оныя безпристрастнымъ удержаніемъ. Но и сія пружина казалась ей быть недовольна: она желала, чтобы онъ потерялъ силу противиться прежде, нежели пришелъ часъ, и она рѣшилась для достиженія сего изкусить на немъ всю силу своихъ прелестей. Нѣжная мягкость должна была овладѣть всею его душею; а чувства его, плавающія въ удовольствіи, долженствовало колебать сладкое безпокойство и сластолюбивое желаніе прежде, нежели она отважится сдѣлать опытъ, который будучи учиненъ

рано,

рано, легко бы могъ весь ея разстроить планъ. Но нашъ ирой предупредилъ ея хитрость. Волшебная сила Данаина воображенія избавила ее отъ половины труда, который она отъ излишней ревности употребить хотѣла, чтобъ скрыть отъ него превращеніе, помощію котораго расположилась она дѣйствовать надъ его душею. Единая улыбка сея божественной волшебницы возхитила его безъ удовольствія. Взоры ея, казалось ему, разливали небесное *сіяніе* по всѣмъ предметамъ; а дыханіе ея вдыхало духъ любви цѣлой природѣ. И такъ чему надлежало изъ него быть, когда она для совершенія своея побѣды употребляла все то, что и самаго наинечувствительнѣйшаго изъ всѣхъ смертныхъ человѣка могло повергнуть къ ея ногамъ?

Агатонъ не зналъ еще, что она играла на лютнѣ и гораздо

искус-

искуснѣе была въ музикѣ, нежели въ танцованіи. Желаніе ей нравиться и учинить ей пріятнѣйшимъ пребываніе въ деревнѣ заставило его умножить праздники и веселости, въ изысканіи коихъ острота его казалась неизчерпаемою. Ревность сія являлась благопріятствующею причиною Данаѣ для изполненія своихъ намѣреній. Она поняла намѣреніе праздника, который долженствовалъ ввергнуть его въ новое удивленіе, давъ ему знать о своихъ прежде отъ него сокрытыхъ дарованіяхъ. Я вижу, сказала она ему въ одинъ день, всѣ твои старанія о доставленіи мнѣ удовольствія, на которыя и я по справедливости должна по возвращеніи моемъ соотвѣчать празднествомъ моего изобрѣтенія. Я тебѣ дамъ сего вечера подвигъ Сиренъ и Музъ, часть сочиненія славнаго Дамона, оставшуюся еще отъ времянъ Аспа-

Аспазіи, которую знатоки почитают за славнѣйшую въ музикѣ. Приуготовленія къ тому уже сдѣланы. Ревность твоя всякую минуту видна: я хочу тебѣ показать свою, сколько я льщу твоему старанію. – Ты единъ будешь судья и слушатель собранія сего самаго зрѣлища. Никогда время Агатону долѣе не казалось, какъ немногіе часы препровожденные имъ въ ожиданіи сея обѣщанной забавы. Данае оставила его, и пошла прохладительною банею придавать своей красотѣ новый блескъ. Между тѣмъ ему казалось, что онъ въ своей нетерпѣливости щиталъ одинъ за другимъ изчезающіе закатающагося солнца лучи. Наконецъ назначенный часъ пришелъ. Прекраснѣйшій день далъ мѣсто пріятнѣйшей ночи, и сладкій сумракъ, сдѣлавшись темнѣе, покрылъ мрачною завѣсою всю дремлющую природу; какъ

вдругъ

вдругъ новый волшебный день, безчисленнымъ множествомъ искусно сокрытыхъ свѣтильниковъ произведенный, озарилъ прелестный театръ, воздвигнутый Сивиллою сего мѣста для сего зрѣлища. Отрогъ, осѣняемый лаврами, возвышался изъ глубины прозрачнаго, мраморомъ устланнаго и миртовою рощею окруженнаго озера. Небольшіе источники, выходя изъ подъ подошвы холма и извиваясь между *лаврами, текли съ такимъ журчаніемъ* и улыбкою въ озеро, по брегамъ коего въ разныхъ мѣстахъ видны были небольшія пещеры, украшенныя коралловыми раковинами и другими морскими произрастеніями, показывая изъ себя жилище нимфъ сихъ водъ. Небольшой чолнъ, въ видѣ перловой раковины, будучи подверживаемъ мраморнымъ Тритономъ, стоялъ противъ холма на берегѣ, и былъ мѣстомъ, съ котораго Агатонъ,

яко судья, долженъ былъ внимать сему спорному концерту.

Глава седьмая.

Волшебная сила музики.

Лишь только Агатонъ возсѣлъ, то начало раздаваться тихое колебаніе въ водѣ, которое, соединяясь съ отдаленною гармоніею, представляло наисладчайшее согласіе; а откуда оно произхопило, того никакъ не видно было. Любовникъ нашъ, ввергнутый симъ къ игрѣ вступленіемъ въ нѣжное возхищеніе, не смотря на то, что былъ предупрежденъ о сей игрѣ, покушался думать, что онъ слышитъ согласіе небесныхъ круговъ, о коихъ дѣйствительности съ нимъ нѣкогда Пиѳагорическіе разглагольствовали мудрецы; но какъ оно часъ отъ часу приближалось и становилось яснѣе, то увидѣлъ онъ въ одно время музъ выходящихъ изъ небольшой

лавровой рощицы, а Сиренъ изъ своихъ влажныхъ пещеръ. Данае выбрала самыхъ юнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ изъ своихъ невольницъ для представленія сихъ морскихъ Нимфъ, которыя, одѣты будучи въ самое тончайшее небеснаго цвѣта полотно и держа въ рукѣ цитры и свирѣли, возвышались на волнахъ и гордились съ любви достойною величавостію своего возраста безпорочными красотами въ глазахъ своихъ ревнивыхъ подругъ. Между тѣмъ, какъ малые Тритоны плавая около ихъ трубили въ извитые роги и поощряли ихъ рѣзвостію своихъ игръ, Данае посредѣ Музъ, блестя, яко Венера между Граціями или Діана между своими Нимфами, сходила на край небольшаго полуострова и не позволяла глазамъ своимъ останавливаться на другомъ предметѣ. Бѣлизною снѣгу подобное ея платье, перепо-

ясанное подЪ полуобнаженными персями сѣткою шитою золотомЪ, упадало на ея ноги небольшими волнистыми складками, которыя, казалось, ЗефирЪ оживотворялЪ своимЪ дыханіемЪ. Розовый вѣнокЪ, коимЪ она была укоронована, вился около ея локеновЪ, изЪ коихЪ часть сЪ естественною прелестью развѣвалась около ея выи. ВЪ правой же рукѣ, коея бѣлизнѣ и красотѣ могла бы поревновать Гомерова Юнона, держала она изЪ слоновой кости лютну, выкладенную эбеновымЪ деревомЪ. Прочія Музы, снабжены будучи разными струнными инструментами, сѣли кЪ ея ногамЪ. Она одна осталась вЪ неподражемо прелестномЪ положеніи, стоя внимала и улыбалась вызову, который Сирены воспѣвали ей сЪ гордостію сЪ противной стороны. Надобно признаться, что картина сія не была свойственна оставить вЪ

спо-

спокойствіи сердце и чувства нашего ироя. Но намѣреніе Данаи состояло въ томъ, чтобы предуготовить его чрезъ воззрѣніе къ увеселенію другаго чувства, т. е. слуха. Гордость ея требовала того, чтобы угасить въ душѣ его припамятованіе толико прелестнаго зрѣлища. Волшебная сила ея гласа и струнъ ея лютны долженствовали произвести сіе дѣйствіе. *Она себя не много ласкала. Сирены престали пѣть. Музы* отвѣчали ихъ вызову симфоніею, которая, казалось, выражала, сколько онѣ почитаютъ себя увѣренными въ побѣдѣ. Мало по малу теряясь бодрость и живность, господствующая въ сей симфоніи, уступила мѣсто постояннымъ и важнымъ концертамъ, которыя, дѣлаясь равногласнѣе, спустились наконецъ въ темный и глухій шумъ, и напослѣдокъ нечувствительно погрузились въ совершен-

шенное молчаніе. Общее вниманіе казалось, что предуготовлялось къ слушанію сего глубокаго молчанія, какъ оно вдругъ прервалось сладкопріятнымъ согласіемъ, вымaниваемымъ крылатыми и одушевленными перстами прекрасной Данаи изъ ея лютны. Гласъ, который казался способнымъ разлучить душу съ тѣломъ и самыхъ мертвыхъ оживотворить, сей волшебный гласъ оживлялъ сію прелестную бесѣду. Она возпѣвала о первенствѣ чувственной любви надъ любовію раждающеюся только отъ желанія. Ничто не могло быть трогательнѣе картины, которую сдѣлала Данае о любви чувствительныхъ душъ. „Ахъ! такими звонами, конечно „такими, сказалъ Агатонъ, разглагольствуютъ безсмертные „другъ съ другомъ о своихъ чувствіяхъ; нѣтъ другаго языка „достойнѣе сего для боговъ.„ Въ

воз-

возхищеніи, въ которое онъ былъ ввергнутъ, все время, препровожденное ею въ пѣніи, показалось ему мгновеніемъ; неудовольствіе овладѣло его душею, когда она вдругъ замолкла, и одна изъ Сиренъ, сопровождаема свирѣлями своихъ подругъ, осмѣлилась состязать о достоинствѣ съ своею богинею. Онъ негодовалъ на сію дерзость; но услышавъ ее вскорѣ принужденъ былъ перемѣнить чувствіе: все его *упрежденіе* въ угодность Музы не могло ему возпретить признаться, что почти непреоборимый обманъ изходилъ новыми ударенiями въ ея тонахъ, слухъ его уражающихъ; гласъ сей, котораго нѣжность и гибкость ничто не могло превзойти, казалось, выражалъ всѣ измѣненія возхищенія, къ которому чувственная любовь способна, и роскошное сопровожденіе свирѣльнаго свиста возвышало живность сего выраже-

 нія

нія до такого степени, который едва оставилъ разность между подражаніемъ и истиною. „Есть-„ли Сирены, мимо коихъ надлежа-„ло проѣзжать мудрому Улиссу, „возпѣвали такъ, помышлялъ самъ „въ себѣ Агатонъ; то онъ имѣлъ „довольную причину приказать „привязать себя за руки и за ноги „къ мачтѣ (щоглѣ) своего корабля.„ Едва Сирены окончали свое пѣніе, то поднялось изъ нѣдръ воды радостное рукоплесканіе, и малые Тритоны трубили въ свои роги, означая побѣду, которую, они думали, ихъ Нимфа одержала надъ Музами; но сіи не потеряли бодрость и надежду: торжество ихъ соперницъ тѣмъ болѣе ихъ ободрило. Онѣ начали симфоніею, которой первый строй казался быть насмѣшливымъ подражаніемъ пѣнія Сиренъ; но вскорѣ перемѣня родъ звона и виршъ, перешли къ Анданте, которое ни малѣй-

ша-

шаго не оставило слѣда впечатлѣнія, которое пѣніе Сиренъ могло возбудить въ сердцахъ слушателей. Сладкая задумчивость овладѣла Агатономъ. Онъ погрузился въ пріятное возторженіе. Невольные вздохи вырвались изъ его персей, и роскошныя слезы катились по его ланитамъ. Посредѣ сея возхитительной гармоніи вознесся гласъ прекрасной Данаи, которая, возбуждаема будучи ревнительными силами своея соперницы, все совершенство своего пѣнія и всю волшебную силу искуства употребила учинить побѣдителями музъ. Она изображала въ своемъ пѣніи трогательныя болѣзни истинныя любви, страсти находящей и въ самыхъ своихъ томленіяхъ смутное удовольствіе, ея постоянную вѣрность и воздаяніе получаемое ею наконецъ отъ нѣжнѣйшей взаимной любви. Впечатлѣніе, произведенное

ное ею въ Агатонѣ, превзошло все, что можно себѣ о семъ представить. Все его бытіе превратилось въ слухъ, и вся его душа разтеклась въ чувствіяхъ, господствуемыхъ въ ея пѣніи. Онъ не столь далеко отъ нея находился, чтобы она не могла примѣтить, что онъ былъ внѣ себя и сколько ему стояло удержать себя въ своемъ положеніи. Онъ употреблялъ всевозможное насиліе удержаться, чтобы не переплывать къ ней чрезъ воды, не соединиться съ нею и не повергнуть къ ногамъ возхищенія своея любви. Она сама была столько тронута положеніемъ, въ коемъ его зрѣла, что была принуждена для окончанія пѣнія отвратить отъ него свой взоръ, и рѣшилась сама въ себѣ не отлагать далѣе возмездія, должнаго толь совершенной любви. Наконецъ кончила она свою пѣснь, и сопровождающая ее симфонія то

же

же умолкла. Пристыженныя Сирены скрылись вЪ свои пещеры, Музы изчезли; а изумленный АгатонЪ остался единЪ, погруженЪ вЪ печальномЪ возторженіи.

Глава осьмая.

Отступленіе, предуготопляющее читателя кЪ слѣдующему.

Мы не можемЪ скрыть замѣшательства, вЪ которое ввергаютЪ насЪ обстоятельства, вЪ коихЪ мы оставили своего витязя: онѣ угрожаютЪ сему высокому характеру, который онЪ сЪ толико похвальною утверждалЪ твердостію ума, и которое безЪ сомнѣнія заслужило ему особенное у нашихЪ читателей почитаніе; онѣ возвѣщаютЪ паденіе, которое тронетЪ можетЪ быть тѣхЪ между ими, кои требуютЪ совершенной всегда добродѣтели вЪ ироѣ.

Но послѣ всего съ нимъ уже произшедшаго могутъ ли они естественно ожидать чего лучшаго?

Въ семъ случаѣ писатель романовъ имѣетъ преимущество предъ творцемъ обязавшимся оставаться всегда вѣрнымъ природѣ и истинѣ безъ пристрастія и предразсужденія. Онъ можетъ по своему произволенію украшать свойство своихъ ироевъ и возвышать ихъ отъ природнаго къ чудесному. Вся неизслѣдимость возможныхъ вещей разпростирается его глазамъ для свободнаго употребленія. Вымышленія по сильномъ прельщеніи высокаго и удивительнаго безопасны наше воображеніе и наше тщеславіе привлечь на свою сторону. Наималѣйшій видъ правдоподобія доволенъ для убѣжденія о возможности его воображенія. Онъ можетъ по своему произволенію перетворить всю природу, яко

яко новый Прометей, и по намѣренію, которое онъ на насъ имѣетъ, окамѣнить по своему мнѣнію мягкую матерію, изъ которой составляетъ онъ своихъ полубоговъ и своихъ Нимфъ. Но бѣдный исторіописатель видитъ себя принужденнымъ слѣдовать нога за ногу по узкой стезѣ, по стопамъ истины, ему предшествующей. Ему надлежитъ каждый предметъ, дуренъ ли онъ или хорошъ, *малъ или великъ*, изображать таковымъ, *какимъ онъ* его дѣйствительно обрѣтаетъ: онъ не можетъ ничего ни перемѣнить ни отмѣнить. Онъ обязанъ показывать намъ дѣйствія изъ ихъ истинныхъ причинъ и подвергать ихъ непреложнымъ законамъ природы. Изполнить свою должность съ точностію есть единое его удовольствіе; поелику по великихъ трудахъ онъ часто принужденнымъ находится

со-

согласиться, что находятъ его витязя наконецъ не дороже, какъ во что самый худый изъ его читателей обыкновенно цѣнитъ самъ себя.

Какое же безопаснѣйшее средство сдѣлаться знаменитымъ писателемъ? Безъ сомнѣнія сіе, чтобы водить съ собою безъ разума, безъ науки и безъ опыта по нѣсколькимъ томамъ, наполненнымъ чудными приключеніями людей, не имѣющихъ ни слабостей ни страстей, ни всякаго недостатка, и живущихъ съ ними въ подобномъ равенствѣ. Книга уже окончана прежде, нежели о томъ подумаешъ. Тонъ строгаго нравоученія, блестящихъ мнѣній, свойства и дѣйствія, которыя кажутся быть толикими образцами, снискиваютъ согласіе всѣхъ добросердыхъ людей, которые всякую книгу, выхваляющую добродѣ-

дѣтель, находятъ превозходною. Какой славы можетъ себѣ такое обѣщать сочиненіе, когда творецъ имѣетъ искуство, или природное дарованіе возвышать свой стиль до тона возторженія, и влюбясь въ прекрасныя творенія своего разгорячившагося воображенія, возрождать о себѣ мнѣніе, что сіе въ самой добродѣтели находится? Напрасно бы подозрительный и строгій критикъ кричалъ, что сочиненіе такого рода столько же безполезно, сколь мало талантовъ имѣетъ его творецъ.

Изъ всѣхъ чрезъестественныхъ свойствъ, баснословными нравоучителями доведенныхъ до извѣстнаго степеня почтенія, нѣтъ ни одного, которое бы имъ лучше удалось, какъ иройство въ великодушіи, мужествѣ и въ вѣрности любви. Отъ сего происходитъ, что всѣ сіи любовныя

исто-

исторіи кажутся намъ толико чрезвычайными, сіи романы толико чудными, книги сіи толико дерзновенными, которыя насъ наводнили со времянъ добраго Епископа Геліодора (*). И такъ вѣ-

(*) Геліодоръ урожденецъ Емизской изъ Финикіи. Онъ жилъ во время Императоровъ Ѳеодосія и Аркадія. Любовная исторія Ѳеагена и Харикдеи произошла отъ него. Онъ сочинилъ ее въ своихъ молодыхъ лѣтахъ. Сей романъ славенъ; но должно его читать или на Греческомъ, или преложеніе, преданное намъ Аміотомъ. Сей, появившійся уже за нѣсколько лѣтъ, есть столько холоденъ и столько невеселъ, да почти и несносенъ. Твореніе сіе служило образцомъ всѣмъ романамъ, сочиняемымъ съ того времяни въ семъ родѣ, который, вообще сказать, глупъ. Сочинитель сдѣлался Епископомъ Трикскимъ въ Ѳессаліи. Сказываютъ, что ему поставлена была въ порокъ сія его книга, и что его

вѣдайте, прекрасныя читательницы, но берегитесь кичиться сею побѣдою вашей волшебной силы, знайте, что Агатонъ пребывая долгое время въ состояніи духа, которое кисть единаго Томпсона или Геснера можетъ изобра-

---

его отрѣшили, когда онъ не хотѣлъ въ оной признаться. Въ сіи времяна обыкновеніе *было*, *что и женатыхъ мужей посвящали въ духовные. По видимому Геліодоръ не любилъ больше своея жены, поелику* онъ ввелъ въ обыкновеніе отрѣшать духовныхъ, учащающихъ во время своего посвященія въ духовенство. Однако можно думать, что его строгость сія произходила отъ любви къ непорочности. Естьли можно судить объ немъ по главному свойству его романа, то онъ любилъ сію добродѣтель: герой его велъ себя отъ начала до конца со всякою мудростію и всякою скромностію, какой самые избраннѣйшіе мудрецы могли бы требовать.

образить, опамятовался наконецъ отъ возторженія, въ которое онъ былъ погруженъ. Мы не знаемъ, изъ собственнаго ли движенія, или тайнымъ побужденіемъ какого Антиплатоническаго Геніуса, взялъ онъ путь свой къ небольшему стоящему на восточной сторонѣ сада посредѣ съ померанцовыми, гранатовыми и миртовыми деревьями рощи шатру, разкинутому на Іоническихъясписныхъ столпахъ. Нашедъ оной освѣщеннымъ, вошелъ въ него, и прошедъ наскоро залу, которой преузорочныя украшенія не остановили его ни на минуту, и два или три небольшіе покоя, достигъ до кабинета, который, казалося, былъ посвященъ богинѣ Пафосъ — О небо! какой предметъ открылся его глазамъ! и коль неописанно его возхищеніе! Онъ зритъ Данаю - онъ зритъ Данаю почивающую на лиловой атласной софѣ - онъ разсуж-

суждая объ ней долгое время въ неподвижномъ возхищеніи и съ нѣжностію, которой внутреннее чувствіе всякое плотское въ сладости превозходитъ увеселеніе, — наконецъ сверженъ будучи силою всемогущей любви, не можетъ себя удержать, бросается къ ея ногамъ на колѣни, лобызаетъ одну изъ прелестныхъ ея рукъ нерадиво простертую, и съ какимъ жаромъ и какимъ возхищеніемъ! — Но она не пробудилась. — Ахъ! можетъ быть нѣтъ любовника, который бы способенъ былъ оное себѣ представить. — Онъ пришелъ никѣмъ не видимъ, что онъ и хотѣлъ, естьли бы возможно было, также и удалиться; но прелесть сильнѣе его удержала его; а маленькая Псише, которая съ самыхъ пантомимовъ не извѣстно за что не была изъ его пріятельницъ видѣла своими глазами, что онъ чрез нѣсколько времяни по-

слѣ разсвѣта одинъ въ смущенномъ и безпокойномъ видѣ, изъ котораго весьма многое заключить можно было, вышелъ изъ павильiона ища сокрыться въ миртовой рощѣ.

Глава девятая.

Нужныя предупѣдомленія для изображенія разномыслія, которое бы могло родиться.

Добродѣтель, глаголетъ Горацій, есть между двумя разпутіями, коихъ обоихъ убѣгать равномѣрно довлѣетъ; средняя, по которой итти надлежитъ, дорога. Я хвалю писателя, который, задумавъ о важнѣйшемъ, нежели увеселять только своихъ читателей, намѣреніи, презираетъ необузданное своенравіе нѣкоторыхъ новѣйшихъ Французовъ и подражаетъ удержанной скромности Виргилія, который при такомъ случаѣ, гдѣ

бы

бы Ангола и Версоранъ разточили бы всѣ свои живописныя краски, думая, что они еще не довольно живы, ясны и выразительны, сказалъ намъ: „Дидо и съ своимъ Героемъ вошли въ пещеру.„ Но когда бы сія воздержность простиралась весьма далеко, и естьли бы темнота, которою онъ прикрываетъ нѣкоторый скользкій предметъ, удобный возродить подозрѣнія, могла подать поводъ къ разномыслію и заблужденію; то намъ кажется, что она бы переродилась въ ложный стыдъ. Въ такихъ обстоятельствахъ намъ кажется полезнѣе открыть завѣсу, нежели отъ чрезмѣрнаго разсужденія подбѣгать опасности, а можетъ быть и самую невинность подвергать неосновательнымъ догадкамъ. Я знаю, что есть такія читательницы, которыхъ сильная добродѣтель при одномъ имяни любви ввергаетъ въ огнь и пла-

пламя. Я знаю, что онѣ возмятутся при воззрѣніи на прекраснаго юношу у ногъ Данаи, въ самомъ снѣ дышущей любовію и сладострастіемъ. Не смотря на сіе, мы не можемъ удержаться, чтобы на нѣсколько минутъ не остановиться еще при семъ соблазнительномъ предметѣ. Всякій столько склоненъ въ такихъ случаяхъ воображенію своему послаблять поводъ, что мы бы смѣшными сдѣлались, естьли бы захотѣли утверждать, что Агатонъ во все время, которое онъ по объявленію малинькой танцовщицы препроводилъ въ павильонѣ, пребылъ въ одинакомъ почтительномъ положеніи, въ какомъ мы видѣли его при концѣ прежней главы; это бы невѣроятно было. Но мы не хотимъ также и того, чтобы ему приписывалось то, что отъ него не можетъ сбыться. Есть такіе люди, кото-

торые можетъ быть не побоятся никакъ подозрѣвать, что онъ глубокимъ сномъ, въ коемъ Данае погребенною быть казалась, могъ возпользоваться приличнымъ обыкновенно одному только Фавну образомъ. Самъ другъ нашъ Іоганнъ Іаковъ Руссо не подтвердилъ бы безъ оговорки, не смотря на остроумїе, съ которымъ онъ умѣетъ оправдывать то, что онъ въ примѣчанїи своего письма къ Даламберту называетъ *принудитъ молчаливое согласїе.* И по истинѣ мы бы не желали, чтобы кто осмѣлился столь несправедливо обвинять нашего ироя.

Прелестное положенїе спящей красавицы и благосклонная легкость ея одѣянїя, казалось, по истинѣ позволяли все его глазамъ, и видѣнное имъ можетъ быть уязвило бы его скромность;

 но

но могъ ли онъ противиться волшебной силѣ чувствованія, овладѣвшей всѣми его душевными силами? Ахъ! естьли ему не возможно было въ его обстоятельствахъ побѣдить себя; то мы можемъ смѣло увѣрять, что сіе сопротивленіе было бы еще невозможное всякому другому. И такъ оставилъ онъ душу свою совершеннѣйшему услажденію ея благороднѣйшаго чувства. Очарованный его взоръ воззрѣніемъ на Данаю и на всѣ красоты ею открытыя, которыя самое его идеальное далеко за собою оставили воображеніе, и, что только самые знающіе истинную любовь поймутъ, сіе воззрѣніе изполнило его сердце толико чистымъ, совершеннымъ и неописаннымъ удовольствіемъ, что онъ, казалось, забылъ всѣ желанія и всѣ предчувствованія еще большаго блаженства. Уповательно, что (поелику

елику мы не можемЪ о семЪ ничего сказать свыше положительнаго) прелести единаго предмета, сколько бы онѣ чрезвычайны ни были не произвели бы сего особеннаго дѣйствія; но сей предметЪ была его любовница. А сіе обстоятельство безконечно подкрѣпило удивленіе, каковое и самый холоднѣйшій человѣкЪ могЪ бы имѣть вЪ равномЪ случаѣ: оно возвысило красоту чувствій, коими онЪ былЪ одушествованЪ, и котораго никакой еще стихотворецЪ не могЪ описать, хотя думать можно, что сіи чувствованія большей части изЪ опыта извѣстны быть могутЪ. Сіе безЪимянное чувствованіе есть то самое, которое различаетЪ истиннаго любовника отЪ тѣхЪ, которые по ихЪ необузданнымЪ возхищеніямЪ походятЪ больше на СатировЪ, нежели на людей истинно тронутыхЪ. Сіе есть то самое

мое чувствованіе, которое, такъ сказать, разпростираетъ нравоучительную пріятность на то, что въ сихъ людяхъ нѣчто иное есть, какъ дѣйствіе побужденія и скотскаго глада. Который Сатиръ въ равномъ положеніи поступилъ бы противу Агатона? Потише, естьли вамъ угодно, и не обманитесь въ семъ. Легкою рукою Силвана накрылъ онъ спящую красоту шелковымъ платьемъ, которое Аморъ (любовь) изъ лукавства пооткрылъ, и кинулся обратно къ ногамъ ея софы, а доволенъ былъ повтореніемъ уже однажды учиненнаго: онъ прижималъ уста свои къ ея нерадиво разпростертой рукѣ; но съ такимъ жаромъ, съ толикою горячностію и возхищеніемъ, что самая бы нечувствительность могла пробудиться. – Наконецъ Данае проснулась. Но какъ она могла сдѣлать, чтобы далѣе являться неодушевлен-

вленною, когда ея прежній сонъ дѣйствительно былъ только притворный? Она желала изъ любопытства, которая побудительная причина можетъ въ разсужденіи ея положенія показаться безъ сомнѣнія естественною, видѣть, какимъ образомъ Агатонъ поступитъ въ семъ особенномъ случаѣ. Но сіе послѣднее доказательство совершенной любви, которая, не взирая на *ея опытность*, имѣла *для нее всѣ пріятности новости*, *столько ее тронуло*, *что* она, поражена будучи необычайнымъ и непреоборимымъ чувствованіемъ и удовольствіемъ быть любимою и любить истинно первый разъ, покорилась своимъ движеніямъ. Она открыла прекрасныя свои очи, очи, которыя утопая въ сластолюбивыхъ слезахъ любви, отверзли очарованному Агатону наибезконечносовершеннѣйшимъ образомъ все его

 бла-

блаженство, какЪ могло сдѣлать наичистосердечнѣйшее признаніе. „О КалліасЪ!„ возопила она наконецЪ звономЪ гласа, отЪ коего отдалось во всѣхЪ жилочкахЪ ея сердца, схватя его прекрасными своими объятіями, и прижимая кЪ своимЪ персямЪ наиблагополучнѣйшаго изЪ смертныхЪ: „ дражайшій любовникЪ! коль новое существо сообщаешЪ ты мнѣ! Наслаждайся, о! наслаждайся, ты наидостойнѣйшій любви изЪ смертныхЪ, наслаждайся всею неограниченною, тобою вЪ меня вдыхаемою, нѣжностію! „ - И тутЪ - но удерживать безполезно читателя для извѣщенія о всемЪ далѣе произходившемЪ. мы оставляемЪ кисть Коррегію - и уходимЪ.

Но мы начинаемЪ хотя поздно усматривать, что мы нашего друга Агатона извиняли на щетЪ его доброй пріятельницы. Легко предвидѣть

мож-

можно, сколь бы она мало нашла упущенія предъ судомъ достопочтенныхъ нашихъ читательницъ, которыя, хваляся строгою добродѣтелію, надѣются (въ чемъ имъ довлѣетъ и вѣрить) или по крайней мѣрѣ ласкаются, что онѣ бы въ равныхъ обстоятельствахъ совсѣмъ бы другимъ, нежели Данае, поступили образомъ. Развѣ мы также отдалены отъ того, чтобы не хотѣть намъ оправдывать сію наинѣжнѣйшую Нимфу, сколько бы явно любовь ни умѣла прикрывать свои преступленія. Однакожъ мы просимъ позволенія у вышепохваленныхъ Лукрецій, сію главу заключить съ небольшимъ пользоупотребленіемъ, къ которому онѣ можетъ быть не изволили приуготовиться. Госпожи сіи (это говорится со всякимъ должнымъ къ нимъ отъ насъ высокопочитаніемъ) весьма бы обманулись, естьли бы онѣ думали, что

мы

мы слабостямъ толико любви достойнаго созданія, какова прекрасная Данае, для того единственно измѣнили, чтобы имъ получить случай ея самолюбіе въ семъ пощекотать. Мы въ самомъ дѣлѣ не совсѣмъ новички въ свѣтѣ, чтобы допустили себя уговорить, что всякая, которая на поступокъ нашея Данаи изволитъ прогнѣваться, на ея мѣстѣ была бы разумнѣе. Однако мы крѣпко сомнѣваемся, чтобы тѣ, которыя немилостиво судятъ о Данаѣ, на ея мѣстѣ гораздо меньше опасному изкусителю, нежели Агатонъ, выцарапали глаза. А хотя бы онѣ сіе и учинили, то бы мы усомнились можетъ быть приписать ихъ добродѣтели то, что могло бы также быть механическимъ дѣйствіемъ непобудительныхъ чувствъ, или ненѣжнаго сердца. На васъ единственно, о прелестныя

созда-

созданія! на васъ, одаренныхъ природою прекраснѣйшими ея дарованіями, дарованіемъ нравиться, устремили мы взоръ свой — на васъ, природою насъ облагополучивать назначенныхъ. Но малѣйшая неосторожность при изполненіи сего изящнаго определенія можетъ удобно васъ онещастливить. Наидрагоцѣннѣйшее изъ вашихъ свойствъ, основаніе всѣхъ прочихъ, нѣжность самаго вашего сердца можетъ васъ низвергнуть въ *стремнину*. *Васъ* единыхъ силимся мы уговорить, сколь ваше воображеніе вѣроломно, когда оно вамъ ласкаетъ, будто всегда въ вашей состоитъ власти любви и ея требованіямъ положить границы. Да бдятъ безсмертные небесные духи, коимъ вы препоручены, непрестанно о невинности вашей! О естьли бы они васъ предостерегали заблаговремянно не вѣрять себя нѣжности, которая,

оча-

очарована великодушнымЪ удоволь-ствіемЪ, чтобы предметЪ своея любви ощастливить, можетЪ весьма легко сама себя забыть! Естьли бы они наконецЪ могли вЪ тѣ минуты, вЪ которыя воззрѣніе возхищенія, иЪ кое ввергать вы способны, могло бы захватить ваше благоразуміе, вамЪ сказать на ухо, что самЪ АгатонЪ не имѣетЪ довольно ни заслуги, ни любви, заслужить, чтобы успокоеніе его желаній стояло вамЪ спокойствія вашего сердца.

Глава десятая.

Что исѣ наши холостые читатели, по крайней мѣрѣ чтобы они не были весьма благополучны, или истинные Стоики, могутЪ жить.

Прекрасная Данае была не изЪ тѣхЪ женщинЪ, которыя то, что

что онѣ дѣлаютъ, дѣлаютъ только до половины. Она не прежде рѣшилась облагополучить своего друга, какъ уже совершила свое намѣреніе такимъ образомъ, что все, что онъ до сего ни называлъ блаженствомъ, превратила, такъ сказать, въ тѣнь и мечтаніе. Уповательно мы еще припомнимъ, что родъ любопытства, или лучше сущее своенравіе и желаніе изпытать силу своихъ прелестей надъ нашимъ ироемъ сначала было побудительною причиною намѣреній, которыя она наметила на его сердце. Личное знакомство оживотворило предпріятіе сіе вкусомъ, который она въ немъ обрѣла. Ежедневное обхожденіе и слѣдствіе онаго, тесная дружба, преимущества Агатона, и, что почти въ большей части случаевъ естьли не причиняетъ, то по крайней мѣрѣ облегчаетъ побѣжденіе надъ женскою добродѣтелію, сіе симпатическое дѣйст-

віе

віе влюбленнаго возторженія, которому божественный Платонъ приписываетъ по справедливости чудодѣтельныя силы; все сіе вмѣстѣ взятое перемѣнило наконецъ вкусъ сей въ любовь; а сія страсть сдѣлалась истиннѣйшею, нѣжнѣйшею, живѣйшею и сильнѣйшею, какой еще не бывало. Для единаго нашего ироя была сохранена честь внушить ей о сей ей несвѣдомой страсти, въ которой она, не смотря на то, что уже намъ открыто о ея исторіи, была еще новымъ человѣкомъ, каковы бываютъ, или должны быть, Весталки во всякомъ родѣ любви вообще. Однимъ словомъ, онъ единъ былъ опредѣленъ для побѣжденія отвращенія, которое обыкновенные любовники, прекрасные Гіацинты, сіи коверкающіеся шуты, на коихъ по ея собственному выраженію половина ея прелестей изтощена, начали ей внушать.

Боль-

Большая часть сего класса Физиковъ, которые съ Господиномъ Бюффономъ думаютъ, *что Физическое въ любви есть самое наилучшее изъ того*, согласятся безъ сомнѣнія удобно, что владѣніе, или, чтобы выраженіе мое точнѣе опредѣлить по ихъ идеямъ, наслажденіе толико же прекрасной женщины, яко Данае, разсуждаемое само по себѣ, заключаетъ въ себѣ наисовершеннѣйшій родъ увеселенія, къ которому чувства наши способны. Осмѣлятся ли они толико признанную, повсѣмственно подтвержденную и освященную тайнымъ согласіемъ всѣхъ языковъ и во всѣхъ времянахъ оспоривать истину? Самые Карнеады, Сексты, Корнеліи Агриппы, Боили не дерзали объ ономъ сомнѣваться.

Хотя мы по истинѣ не имѣемъ столько дерзости,

 чтобы

чтобы противъ достопочтеннаго доказательства, каково есть единодушное чувствованіе всего человѣческаго рода, приписывать явно увеселеніямъ любви, свойственнымъ душѣ, предъ тѣми, о коихъ мы разглагольствуемъ, преимущество; однако многія лица согласятся безъ сомнѣнія съ нами, что любовникъ, одаренный чувственною душею, вкусилъ бы, но не совершенно наслаждаясь прекраснѣйшею статуею изъ плоти и крови, сіе выхваленное новѣйшими Епикурами сладострастіе. При томъ всегда думали, что сіе чудное прельщеніе, изливаемое чувствованіемъ сердечнымъ на сіе услажденіе, было свыше всякаго описанія — пока наконецъ самъ Жанъ-Жакъ Руссо, Стоикъ, удостоилъ описать его въ сорокъ пятомъ письмѣ своея Новой Елоизы съ такимъ огнемъ,

и

и живостію, которая ясно показываетъ, какую оживотворяющую силу единое полуугасшее напоминаніе его благополучной юности должно имѣть на душу сего Шведскаго Епиктета. Безъ сомнѣнія это такіе любовники, какъ Сентъ Прексъ и Агатонъ, которымъ прилично о прикосновенномъ нами словопрѣніи учинить рѣшительное изрѣченіе. Они чрезъ тонкость и живность своего чувствованія столько же удобно искусными учинились разсуждать о тѣлесныхъ или Физическихъ увеселеніяхъ, какъ и чрезъ нѣжность своего сердца и внутреннее чувствованіе нравственной изящности быть чувствительными къ отвлечительнымъ увеселеніямъ любви. Имъ единымъ сія изящная притча кажется истинною и естественною:
„ Ахъ! удаляй отъ меня всегда
„ сіи упоющія возхищенія и удо-

„вольствія, за которыя бы я „жертвовалъ тысячею жизней; но „возврати мнѣ только все то, „что не онѣ, но въ тысячу ихъ „пріятнѣе.„ Она столько же невразумительна почитателямъ скотской любви, сколько Гетрузская надпись нашимъ ученымъ охотникамъ до старыхъ вещей.

Прекрасная Данае была столько остроумна и столько неизчерпаема въ искуствѣ умножать свои оказанія милостей (полагая, что можно бы дать сіе названіе только дѣйствію любви и природы) внутреннюю цѣну оныхъ возвышать пріятностями украшенія, сохранять при нихъ всегда свѣжій цвѣтъ новости, а все равногласное, все могущее отвратить прелести и открыть входъ отвращенію, разумно отдалять, что она, или другая ей подобная, можетъ

быть

быть довели Господина Бюффона до того, чтобы онъ о любви перемѣнилъ свои мысли, что бы всѣ Султанши, всѣ наши Маркизши и волшебницы Господина Кребиллона не безъ труда соединенно отъ него получили.

Сіи благополучные любовники не имѣли ни въ чемъ нужды, кромѣ своея любви, чтобы наслаждаться, по ихъ чувствованію и мнѣнію, *блаженствомъ равнымъ богамъ; они презрили теперь всѣ тѣ забавы*, въ которыхъ они прежде столько находили вкуса; любовь ихъ составляла всѣ ихъ упражненія и всѣ ихъ веселости; они ничего другаго, кромѣ ее, не чувствовали, ни о чемъ другомъ не помышляли и ни съ кѣмъ инымъ, кромѣ ее, не разглагольствовала. Однако и тутъ казалось имъ, что они въ первый разъ ви-

даются, въ первый разъ обнимаются, и разговариваютъ взаимно между собою въ первый разъ, что они любятся; и когда бы они отъ одной зари до другой ничего инаго не дѣлали, то бы они и тогда жаловались на недостатокъ времяни, которое имъ въ жизни, коей они для блага своея любви желали бы безсмертія, минуты вмѣняло за дни. – Какое состояніе, естьли бы оно могло продолжиться! — возопилъ здѣсь Греческій сочинитель.

Глава одиннатцатая.

Достопримѣчательное дѣйствіе любви, или о душесмѣшеніи.

Древній писатель, котораго конечно никто не обвинитъ, чтобы онъ поступалъ съ любовію весьма метафизически (methaphysique-

ſiquement) и что единое имя его удерживаетъ отъ подозрѣнія, чтобы онъ когда нибудь постигалъ то, что вещественныя души называютъ Платоническими бреднями; однимъ словомъ, Петроній, сей славный надзиратель мелкихъ Нероновыхъ разходовъ, нѣгдѣ употребилъ такое выраженіе, изъ котораго ясно усмотрѣть можно, что онъ влюбленное смѣшеніе душъ не только за возможное, но и за такое почиталъ *обстоятельство, которое самыя таинства богини любви естественно* сопровождаетъ обыкновенно. „Тѣла, говоритъ онъ, „смѣшавшись во взаимномъ „изліяніи, смѣсили также свои „души.„ И онъ еще нарочитѣе въономъ объясняется, говоря: „И „мы сдѣлали перелитіе блудящихъ „нашихъ душъ на нашихъ губахъ.„ Хотя бы онъ самъ вникнулъ во всю силу сего выраженія, хотя

бы онъ ему приписывалъ все значеніе и весь смыслъ, какой оно намъ представляетъ, или бы меньше; однако это такой вопросъ, о которомъ мы мало безпокоимся и весьма сомнѣваемся, а будемъ слѣдовать въ семъ большей части книготолковниковъ. Довольно, что мы находимъ сіи мѣста благосклонными къ положенію, которое мы намѣрены доказать. Трудно бы было безъ сего мнѣнія объяснить разныя явленія въ любви, и можетъ быть постигнуть, что между истинными любовниками въ извѣстныхъ обстоятельствахъ (какъ мнитъ одинъ изъ нашихъ добродѣтельнѣйшихъ стихотворцевъ (*) произходитъ не только размѣненіе, но и дѣйствительное смѣшеніе душъ.

Я

(*) Бодмеръ въ Ноахидѣ.

Я оставляю стараніе разсмотрѣть и изыскать причину возможности онаго тѣмъ мудрымъ и глубокомысленнымъ людямъ, которые въ пышной праздности и блаженномъ безмолвіи, отдѣляся отъ шума сего подлуннаго шара, упражняются въ толико полезномъ размышленіи, научая и открывая намъ, для чего все то, что дѣйствительно существуетъ, есть возможно. Довольно для насъ, что опытъ, подкрѣпляемый безчисленными примѣрами, увѣряетъ, что сей родъ любви, причисляемой Шафтесбуріемъ съ великимъ основаніемъ къ роду возхищенія, и противу котораго Лукрецій по самымъ тѣмъ же причинамъ съ толикою ревностію объясняется, производитъ сіи чудныя дѣйствія и оправдываетъ мнѣніе и выраженія самаго Петронія.

Агатонъ и Данае, подавшїе намъ поводъ къ сему примѣчанїю, препроводили ли едва пятьнатцать дней, или лучше по любовному календарю пятьнатцать минутъ, въ томъ блаженномъ умоизступленїи, въ которомъ мы ихъ въ прежней главѣ оставили; какъ помянутое душесмѣшенїе возвеличилось въ нихъ до такого степеня, что они казались быть оживотворенными общею душею. Перемѣна и разность ихъ дѣйствительнаго и настоящаго положенїя съ прежнимъ, въ которомъ они до сего находились, была дѣйствительно столько велика, что Алкивїадъ не узналъ бы своея Данае, а жрица Делфїйская робкаго и невещественнаго своего Агатона; что сей превращенный ирой изъ *Спекулатипнаго* Платоника сдѣлался **Практическимъ** Аристиппомъ; что онъ любомудрїе (Philo-

(Philosophie), составляющее наичистѣйшее блаженство въ видѣ невидимыхъ красотъ, промѣнялъ на любомудріе, ищущее онаго въ пріятныхъ чувствованіяхъ, а пріятныя чувствованія въ ближайшихъ ея источникахъ, въ природѣ, въ нашихъ чувствіяхъ и въ нашихъ сердцахъ; что онъ изъ всѣхъ полубоговъ, имъ прежде высокопочитаемыхъ, не зналъ больше никого, кромѣ только Грацій, Венеры и *Любви*; что сей Агатонъ, который прежде о своихъ минутахъ и о своихъ мгновеніяхъ могъ отдавать отчетъ мудрости, теперь сдѣлался склоннымъ (мы стыдимся сказать) цѣлые часы и цѣлые дни препровождать въ нѣжномъ піянствѣ. Все сіе, не взирая на сильное отпаденіе, можетъ быть покажется еще понятнымъ; но Данае? -- Данае? -- Какая разность! - Она видала у ногъ своихъ наи-

наипрекраснѣйшихъ людей, ироевъ наизнаменитѣйшихъ въ Греціи и въ Азіи, Князей и Намѣстниковъ, привыкшая первенствовать и сіять въ блистательнѣйшихъ собраніяхъ, видѣть окрестъ себя многочисленый дворъ всѣхъ тѣхъ, которые преимуществомъ поколенія, богатствами, разумомъ и дарованіями старались снискивать ея благоизволеніе. По сему кто бы помыслилъ, чтобы сіе божество бросало презрительные взоры на толико знаменитыхъ вельможъ и весь огромный свѣтъ, и не обрѣтало ничего пріятнѣе сельской простоты, ничего изящнѣе, какъ блудить по рощамъ, сплетать для своего пастушка цвѣточные вѣнки, засыпать въ объятіяхъ его при журчащемъ источникѣ, быть забвенною свѣтомъ и самой его забыть. Сіи забавы, сія горячесть,

сіи

сіи епиграммы, бывшія для нее неизчерпаемымЪ предметомЪ противучувственной любви, притупились. Тронута будучи до слезЪ нѣжными жалобами соловья, препровождала цѣлыя вЪ выслушаніи его ночи, не будучи отвлекаема другимЪ предметомЪ. Какую сладость вкушала она, когда, нашедЪ возлюбленнаго своего спящаго подЪ тѣнистыми вѣтвями, садилась возлѣ него и провождала неподвижно цѣлые часы вЪ нѣжномЪ забвеніи, и погружена вЪ наслажденіе своихЪ чувствованій, размышляла о немЪ сЪ безсиліемЪ, не дерзая его облобызать, боясь, дабы тѣмЪ не разбудить. Такова была сія ученица, или лучше подражательница, Гиппіаса, которая обыкновенно ничего смѣшнѣе не находила, какЪ чаяніе безсмертія и сладкихЪ мечтаній, преселяющихЪ чувствительныя души вЪ ща-

щастливѣйшіе свѣты. О любовь! гдѣ же твое владѣніе? Сія возлюбленная беззаконница, разпростершись на цвѣтахъ при пасмурномъ сіяніи луны по сторону Агатона, мнитъ себя быть безплотну и парящу въ благополучныхъ Елисейскихъ поляхъ и долинахъ. – Изъ среды упоенныхъ радостей любви духъ ея удобно вдавался въ сіи печальныя мысли, которыя, казалось, ихъ разбивали и вдыхали понятіе о сосудахъ и гробницахъ, и прижимая возлюбленнаго своего къ персямъ своимъ, нѣжнѣе взирала съ возхищеніемъ на изпещренное созвѣздіями небо и погружалась на цѣлые часы съ умоотлученіемъ въ разсужденія о нетлѣнныхъ красотахъ, о веселіи безсмертныхъ и о небесныхъ мірахъ; всегда проникаясь болѣе своею нѣжностію, она была въ сладкомъ увѣреніи, что она

вѣчна. Такіе-то были безъ сомнѣнія въ самомъ дѣлѣ чудеса любви; но чудеса, которыя только любовь единаго Агатона, только то смѣшеніе душъ, чрезъ которое ихъ обоихъ образъ разсужденія, понятія, вкусъ и склонности соединясь, произвесть могли.

Кто изъ нихъ при семъ смѣшеніи выигралъ или проигралъ, оставляемъ мы на рѣшеніе нашимъ читателямъ. Можетъ быть мыслящіе съ тончайшею нѣжностію присудятъ выигрышъ прекрасной Данаѣ; но кажется, что никто не сыщется толико несмысленный, или такой Стоикъ, который бы отрицалъ, что они щастливы — Felices errore ſuo — блаженны въ семъ сладкомъ заблужденіи, которому ничего недостаетъ быть самымъ блаженствомъ, котораго му-

мудрецы столь долго всуѣ искали, и которое не можетъ всегда продолжаться, какъ возопилъ еще здѣсь единожды съ сожалѣніемъ Греческій творецъ.

АГАТОНЪ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Глава первая.

Посѣщеніе Гиппіаса.

Случившіяся причины отозвали мудраго Гиппіаса на нѣсколько недѣль въ окрестности Смирны; а нѣжность нашихъ любовниковъ возросла во время его отсутствія прямо до высочайшаго степени, какого она могла достигнуть.

Обстоятельство сіе оставило ихъ совершенными господами времяни, которое они въ пользу любви и удовольствія такъ изрядно употребить умѣли. Они никѣмъ не были возмущаемы. Никто изъ прежнихъ почитателей Данаиныхъ не осмѣливался обезпокоить ихъ уединеніе; а до-

брыя ея пріятельницы, съ коими она коротко обращалась, по видимому будучи упражнены сами собственными своими дѣлами, не имѣли времяни помышлять и безпокоиться о чужихъ. Впрочемъ пребываніе ея въ деревнѣ не имѣло ничего чрезвычайнаго, и общій духъ (genius) града Смирны былъ весьма благосклоненъ къ вольности въ разсужденіи избранія забавъ, чтобы Данае, отъ которой и безъ того не требовали острой добродѣтели, не имѣла опасаться жестокаго о своихъ разсужденія, хотя бы онѣ и открылись.

Но Гиппіасъ лишь только возвратился съ своего путешествія, то первымъ имѣлъ попеченіемъ въ собственной персонѣ своей извѣститься о успѣхѣ начертанія. которое онъ вмѣстѣ съ нею о обращеніи чрезмѣрной Платонической добродѣтели Агатона

тона содѣлалъ. По крайней довѣренности, продолжающейся между ими болѣе десяти лѣтъ, имѣлъ онъ изключительное право входить къ ней въ разплохъ и въ самыя тѣ минуты, въ которыя она впрочемъ никому не казалась. И такъ онъ елико можно поспѣшилъ къ ней въ загородный домъ. Тогда единымъ только воззрѣніемъ или мигомъ могъ онъ усмотрѣть, что во время его отсутствія произошло между нашими любовниками. Нѣкоторое принужденіе и нѣкоторое удержаніе, родъ робкой цѣломудренности, которая ему особливо въ возпитанницѣ Аспазіи казалась почти смѣшною, было первое, что встрѣтилось его глазамъ. Истинная любовь (какъ уже давно примѣчено) столько же старается скрывать свое блаженство, сколько хладная любовь, дѣтище кокетства или отвращенія, жадничаетъ разгласить свои побѣды. Но сіе

было ни единственная, ни главная причина воздержанія, которое наши любовники, не взирая на все употребляемое стараніе, не могли скрыть отъ толико проницательнаго наблюдателя. Что привело духъ ихъ въ замѣшательство и что веселымъ лицамъ во всей Іоніи придавало нѣкій пасмурный видъ, который всякой другой, кромѣ Гиппіаса, почелъ бы за знакъ, что его присутствіе непріятно; то было воображеніе превращенія, которому они подвергнулись, страхъ показаться смѣшными въ его глазахъ и претерпѣть его издѣвки, коихъ ожидали они отъ него при каждомъ его воззрѣніи и при каждомъ его осклабленіи. Но не примѣчая перемѣны въ ихъ лицѣ, онъ зналъ столь изрядно употребленіе свѣта, что тотчасъ привелъ ихъ въ спокойствіе. Онъ показывался, что онъ очень мало примѣча-

чаетъ за ихъ положеніемъ, сдѣлался толь естественно неподражаемымъ и задумчивымъ, имѣлъ столь много болтать о своемъ путешествіи и о тысячѣ пріятныхъ вещахъ, умѣлъ разговору и обращенію непримѣтно дать столь вольный и добрый видъ, что они получили все потребное время обратно успокоиться и пріити въ непринужденное положеніе. Сей видъ холодности, столько успокоившей Агатона, увѣрилъ его, что онъ во мнѣніи, принятомъ имъ въ подозрѣніяхъ на Софиста, обманулся; но напротивъ того хитрѣйшая Данае далеко была отъ того, чтобы допустить себя хитростями его ослѣпить. Она его довольно тонко знала не читая въ его душѣ. Она предвидѣла, что надлежало дойти съ нимъ до объясненія; а безпокоилась только о томъ,

 ка-

какимъ бы образомъ ей можно было извиниться въ томъ, что она, стараясь изправить и переобразить свойство и характеръ Агатона, потеряла почти совсѣмъ свой. Сими мыслями она упражнена была цѣлый часъ, посвящаемый ею обыкновенно послѣобѣднему отдохновенію, и не успѣла согласиться сама съ собою до какой степени довѣренности довѣрять ее Софисту, какъ онъ вошелъ безъ доклада въ ея покой и съ откровенною доброхотностію стараго друга открылъ ей, что любопытство извѣститься о успѣхѣ и впечатлѣніи тайнаго ея предпріятія, учиненнаго надъ Агатономъ, привлекло его къ ней такъ скоро по его возвращеніи. „ Блаженство Калліаса, промолвилъ онъ, блистаетъ чрезвычайно живо въ его глазахъ и во всѣхъ его поступкахъ, и оживотворяетъ его скромность, чего для надлежало мнѣ, что-

чтобы въ ономъ увѣриться, сдѣлать ему излишніе вопросы, которые по крайней мѣрѣ старался я употребить для того, чтобы возвеличить болѣе розановый прелестныхъ его ланитъ румянецъ. И такъ по видимому, прекрасная Данае, находишъ ты его достойнымъ труда, принятаго тобою на превращеніе его?,,

,,Труда? сказала Данае со осклабленіемъ: я клянусь тебѣ, что для меня въ жизни моей не было легче труда, какъ быть любимой наидостойнѣйшимъ любви смертнымъ, какого я не запомню. Вотъ весь трудъ, который мнѣ надлежало принять, и —,,

,,Нѣтъ, нѣтъ! прервалъ ее Гиппіасъ: естьли ты столько искренна быть хочешъ, какъ требуетъ наше дружество, то ты согласишся на другомъ. Я подлинно

но знаю, что онѣ будучи въ твоемъ домѣ не помышлялъ ни о какомъ притворствѣ, и перемѣна, мною въ немъ усматриваемая, столько велика, простирается столько по всему его лицу, сдѣлала его столько неизпытаннымъ, что самая Данае, на коей губахъ обитаетъ увѣреніе, меня никакъ днесь не увѣритъ, чтобы толико возхитительное душепретвореніе могло произойти во снѣ. Повѣрь мнѣ, прекрасная Данае; къ чему такія осторожности? Дѣйствія показываютъ о ихъ причинахъ, и великая работа предполагаетъ великія приуготовленія. Когда я взираю на Калліаса, что онъ до того доведенъ, что онъ изукрашенъ, яко наищастливѣйшій любимецъ Венеры, что онъ Сибаритскимъ языкомъ о пріятности и смакѣ кушаньевъ и вкусѣ напитковъ разсуждаетъ, что онъ проситъ о повтореніи роскошныхъ сотла-

гласiй, дышущихъ въ пѣснѣ любовiю, съ возхитительнымъ рукоплесканiемъ, и принимаетъ рюмку, изъ которой онъ пьетъ, изъ рукъ Нимфы младой Черкашенки съ обнаженными персями, съ такою же холодностiю, съ какою погружается въ мягкiе пуховики Персидской софы. — По истинѣ, я все сiе, изящная Данае, называю превращенiемъ, изполненiя котораго, а особливо въ толико короткое время, я бы не надѣялся отъ всѣхъ безсмертныхъ богинь.„

„Я не знаю, отвѣчала Данае съ притворнымъ разсѣянiемъ духа, что ты чрезъ это сказать хочешъ. Ничто не кажется мнѣ столько естественно, какъ все то, чему ты притворно удивляешся. Положимъ, что ты въ твоемъ о Каллiасѣ разсужденiи обманулся; то виноватъ ли онъ? Я тебѣ признаюсь откровенно, что ничто

не можетъ сравниться съ Калліасомъ, котораго ты мнѣ изобразилъ, и съ тѣмъ, котораго я нашла. Ты мнѣ описалъ его, яко глупца, яко педанта, который долженствовалъ быть вѣчнымъ предметомъ нашихъ издѣвокъ. А я — сколько бы ты надо мною ни смѣялся, но я повторяю то, что Алкивіадъ въ вѣснѣ своего возраста и въ цвѣтѣ всѣхъ своихъ прелестей былъ не любодостойнѣе того, котораго ты мнѣ далъ, яко смѣшное существо и средоточіе между вздорнымъ и изтуканомъ. Естьли есть разность между Калліасомъ и тѣми, къ которымъ я имѣла слабости и снизхожденіе изъ признательности, вкуса, или легкомысленности; то она служитъ вся въ его пользу. Это для того, что онъ благороднѣе, чистосердечнѣе и нѣжнѣе, когда онъ меня тогда любитъ, когда другіе самихъ себя во мнѣ лю-

любили, и мои удовольствія облагополучивают҃ его болѣе, нежели его собственныя; что онъ обладаетъ наивеликодушнѣйшимъ и признательнѣйшимъ сердцемъ, соединеннымъ съ блистательнѣйшими преимуществами духа, и всемъ тѣмъ, что придаетъ прелести обхожденію. — „

„Ахъ, какой похвалъ и краснорѣчія источникъ! возопилъ Гиппіи съ злобною усмѣшкою Фавна. Ты говоришъ не иначе, какъ будто бы за него противу меня хотѣла говорить защитительную рѣчь! Но когда же я говорилъ что другое? Не описалъ ли я его любви достойнымъ? Не сказывалъ ли я тебѣ, что онъ тебѣ сдѣлаетъ несносными всѣ сіи Гіацинты и всѣ сіи бездѣльныя окружающія тебя бабочки? Но перестанемъ состязаться, изящная Данае. Я вижу что Купидонъ

здѣсь

здѣсь болѣе понесъ труда, нежели ему поручено было. Ему довлѣло только споспѣшествовать тебѣ подчинить Калліаса; но своевольный мальчикъ почелъ за величайшую честь тебя самое побѣдить. Онъ захотѣлъ отмстить сей красотѣ, которая до сего только шутила его стрѣлами. - Признайся, Данае — „Конечно, сказала она прервавъ его, я признаюсь, что я люблю, какъ будто бы я еще никогда не любливалась, что все, называемое мною прежде блаженствомъ, едва заслуживаетъ имя существованія. Я въ семъ признаюсь, Гиппіасъ, и симъ горжусь. Я оставлю, естьли награждена буду тѣмъ, чтобы я могла всегда наслаждаться однимъ блаженствомъ, конечно я оставлю для Калліаса все, чѣмъ я ни обладаю; всѣ Смирнскія увеселенія, всѣ требованія нравиться, всѣхъ моихъ обожателей и все могу-

гущее ласкать суетѣ отвергну, яко орѣховую скорлупу, и соглашусь жить съ нимъ въ крытой соломою хижинѣ и приуготовлять сими, ни весьма бѣлыми, ни чрезвычайно нѣжными, руками млеко, которое ему, по возвращеніи его съ нивъ, поелику я ему сама принесу, покажется вкуснѣе Нектара, подносимаго ему руками Гебеи богини любви.„

„О! это нѣчто другое; вскричалъ Гиппіасъ, захохотавъ громко, отъ чего онъ не могъ удержаться. Когда Данае говоритъ въ этомъ тонѣ, то я не имѣю больше ничего сказать. Но, продолжалъ онъ, протерши себѣ глаза и принявъ прежній видъ лица, въ самомъ дѣлѣ, любезная моя пріятельница, я смѣюсь не къ статѣ. Дѣло важнѣе, нежели я при первомъ воззрѣніи думалъ, и я теперь опасаюсь вправду, что Калліасъ,

сколько бы онъ тебя по видимому ни обожалъ, не имѣетъ однако довольно любви соотвѣчать твоей."

„Я оставляю сіе попеченіе Гиппіасу, сказала она ему съ насмѣшливымъ усклабленіемъ, придавшимъ ей отмѣнныя прелести. — Однако не безкокойтесь; это мое дѣло. — Мнѣ кажется, что Гиппіасъ обращавшійся столько въ искуствѣ цѣнить дѣйствія причинами, долженъ быть спокоенъ отъ страха, мною въ немъ усмотреннаго, чтобы Данае, какъ четырнатцатилѣтняя дѣвушка, допустила себя уловить."

„Да избавятъ меня боги любви и радости, отвѣчалъ онъ, чтобы слова мои заключали въ себѣ злопровозвѣщательный смыслъ! Ты любишъ, изящная Данае, ты любима. Купидонъ никогда не

со-

соединялЪ никакой четы достойнѣе и способнѣе кЪ облагополученію себя. Почерпайте все, что любовь прелестнаго ни имѣетЪ! Пѣйте всегда помаленьку новыя возхищенія изЪ ея сЪ НектаромЪ сосуда, и да продолжится по нить вашея жизни сіе зависти достойное очарованіе!

Глава вторая.

Изпытаніе талантамЪ, или дарованіямЪ, любовника.

Снизходительный СофистЪ настроилЪ свой разговорЪ до сего пріятнаго и высокаго тона, какЪ АгатонЪ вошелЪ сЪ предложеніемЪ итти прогуляться вЪ вертоградЪ, вЪ которомЪ онЪ хотѣлЪ сдѣлать себѣ удовольствіе напасть на нихЪ тайно приуготовленною забавою. Предложеніе его сЪ угодностію принято, и по обозрѣніи Гип-

Гиппіасомъ ряда новыхъ картинъ, коими галлерея была приумножена, сошли они въ вертъ, въ которомъ, по Персидскому вкусу, огромные цвѣтники, аллеи изъ высокихъ деревъ, малинькіе пруды, водометы, рощи, искуствомъ содѣланные вертепы, бесѣдки, гроты и пещеры, въ пріятномъ между собою безпорядкѣ разбросанныя, представлялись зрѣнію.

Обхожденіе здѣсь началось паки безпристрастное; но Гиппіасъ умѣлъ сдѣлать всему своему разговору толико особенный оборотъ, что Агатону непримѣтно подалъ поводъ измѣнять стократъ своему обращенію, которое получило его воображеніе. Между тѣмъ солнце склонялось къ своему захожденію, и сіи были тѣ минуты, которыя Агатонъ назначилъ для начатія своего малаго праздника. Какое возхищеніе для Гип-

Гиппіаса и Данаи, когда при входѣ въ небольшой, изъ миртовыхъ и цитроновыхъ деревъ состоящій, лѣсъ, гдѣ искуство, казалось, нимало не участвовало, и къ которому онъ ихъ привлекъ безъ всякаго принужденія, приняты были сокровеннымъ концертомъ подражающимъ природному пѣнію всякаго рода пѣвчихъ птицъ. Изъ каждой вѣтви и изъ каждаго листочка казалось особливый вырывался гласъ, и вся сія вкупѣ музика, подражая безъискусной природѣ въ явной безправильности своихъ ударенiй и блудящихъ звоновъ, раждала наипріятнѣшее и никогда неслыханное согласіе. Прелесть изящнѣйшаго сумрака и собственная пріятность самого мѣста соединились нарочно съ тѣмъ, чтобы сей увеселительной рощѣ дать видъ очарованія. Данае около нѣсколькихъ недѣль получа совсѣмъ новое ощущеніе къ велелѣпію при-

роды и удовольствію воображенія, взирала съ возхищеніемъ на своего дражайшаго любимца съ такими очами, кои, казалось, ему говорили, что единое только присутствіе Гиппіаса возпящаетъ ей разпростертіемъ своихъ прелестныхъ объятій повергнуться на его выю. Они думали, что вымышленное имъ торжество слышаннымъ уже и кончилось. Но нечаянно увидѣли изъ рощи выступающую толпу Купидоновъ и Фавновъ, изъ коихъ первые слегка прикрыты были серебрянымъ развѣвающимся флеромъ вышитымъ розами, а послѣдніе обнажены и препоясаны только плющевымъ, желтыми гвоздиками переплетеннымъ, вѣнкомъ, закрывающимъ ихъ бѣлизною млеку уподобившіяся стегна, и обвившимся около ихъ малыхъ позлащенныхъ роговъ, выставившихся изъ ихъ черной космaтой шерсти.

сти. Всѣ сіи малинькіе Геніусы, разстилая предъ Данаею изъ прекрасныхъ изъ серебреной проволоки держащихъ въ рукахъ корзинокъ прелестные цвѣты, провождали ее танцуя въ средину рощицы, гдѣ купины жасминовъ, розъ и терновыхъ стручьевъ (acacia) представляла родъ полукружнаго амфитеатра, на которомъ приуготовленъ стоялъ для Данаи прекрасный изъ листьевъ и украшенный цвѣточными вѣнками тронъ. Едва лишь она на ономъ возсѣла, то между тѣмъ пока разпростирали Купидоны при ногахъ ея Персидскій коверъ, малинькіе Фавны, раздѣляясь, одни разставливали по землѣ золотые и кристальные сосуды, а другіе пресмыкаясь шли подъ бремянемъ кожаныхъ мѣховъ наполненныхъ виномъ, и проходя увеселяли мудраго Гиппіаса тьмою забавныхъ тѣлодвиженій, или рѣзвыхъ игръ. По томъ вдругъ вы-

ли изъ миртовой кущи подъ видомъ Грацій три младыя сестры, коихъ полуразцвѣтающую красоту подъ шелковымъ флеромъ легкій Зефиръ, казалось, болѣе разкрывалъ, нежели закрывалъ, и окружили свою прелестную обладательницу, изъ коихъ единая налагала на ея чело вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, а прочія двѣ подносили ей съ колѣнопреклоненіемъ въ золотыхъ сосудахъ избраннѣйшіе плоды и пріятнѣйшія прохлажденія; а между тѣмъ Фавнами плющемъ увѣнчаннаго Гиппіаса Купидоны окружа, изливали на него всякія благовонныя масти. Оба они къ сему небольшому зрѣлищу, составляющему наипріятнѣйшую въ свѣтѣ картину, оказали крайнее свое удовольствіе:; какъ вдругъ нѣжная симфонія свирѣлей, которой гулъ, казалося, снизходилъ изъ воздуха, обратилъ вниманіе ихъ очей на новое

явле-

явленіе. Фавны, Купидоны и Граціи изчезли; а разверзлось противу Данаи лѣсное явленіе для показанія самаго Купидона, сѣдящаго на златозарномъ облакѣ, поддерживаема крилатыми Зефирами и паряща надъ розовыми кущами. Пронырливая улыбка играла на его пріятныхъ губахъ, и тѣмъ, казалося, предостерегала сердца не обольщаться и не ввѣрять себя его безвиннымъ игрушкамъ. Наконецъ сей божекъ запѣлъ тихимъ гласомъ пѣснь, содержаніе которой выражало его радованіе, что онъ напослѣдокъ нашелъ способный случай отмстить прекрасной Данаѣ.

„Подобно богинѣ любви, (такъ пѣлъ онъ) господствуетъ она неограниченно надъ всѣми сердцами и простираетъ общую любовь окрестъ себя. Одушевленна воззрѣніями ея, природа обращается къ

ней, яко къ своей богинѣ, и украшается, когда она усклабляется, а увядаетъ и дѣлается печальною, когда она отъ нея отвращается. Оставленны стоятъ Пафскіе жертвенники; вздохи любовниковъ лѣтаютъ только противу ея. Неблагородная! тогда, когда ея побѣдоносныя очи торжествуютъ надъ всѣми сердцами, смѣется она надъ моими стрѣлами, и ея нечувствительныя перси презираютъ силу, отъ которой трепещутъ всѣ боги. Однако не долѣе она будетъ упорствовать! Вотъ остроконечная стрѣла, сильная разторгнуть мраморную грудь и наихладнѣйшую душу разтопить въ любовный пламень. Трепещи, безразсудная красота! въ сію минуту Купидонъ отмститъ и своей матери. Съ глубоковздохновеніемъ возпрянешъ ты, на подобіе младой лани, почувствующей крылатую охотничью стрѣлу, заснувъ

снувъ подъ розами. Проникнута болѣзнію и безутѣшна должна ты будешъ скитаться въ безмолвныхъ лѣсахъ, и на пустыхъ стремнинахъ сидя, умножать слезами отжосновенное теченіе тихо журчащаго источника.,,

Тако пѣлъ Купидонъ, и не успѣлъ окончать, какъ натянулъ злобно усмѣхаясь свой лукъ. Уже стрѣла была наложена, и уже направлена была на легко прикрытыя ея перси; но вдругъ отскочилъ съ громкимъ крикомъ переломилъ свою стрѣлу, бросилъ свой лукъ, и прилетѣлъ къ ногамъ сея красавицы съ нѣжнобоязненными движеніями. ,,О богиня! прости, просилъ онъ ее поючи, обнявъ ея колѣна: ,, прости, изрядная мати, прости заблужденію моихъ очей! Коль удобно было обмануться! Я почелъ тебя за Данаю.,,

Въ самую минуту его возпѣванія появились паки Граціи,

Купидоны и Фавны, и окончали сіе явленіе танцами и пѣніями въ похвалу красотѣ, сочтенной толико лестнымъ образомъ за богиню любви. Сія учтивость, имѣвшая еще тогда прелесть новости, (наши новѣйшіе стихотворцы не изтощили сего на своихъ Ирисъ и на своихъ Аминтъ) казалося, ее возхитила и сдѣлала ей удовольствіе; а вдвое услажденный и очарованный Гиппіасъ признался, что его младый другъ весьма изрядно научился употреблять свое воображеніе. „Не имѣлъ я причины думать Калліасъ, сказалъ онъ ему, потрепавъ его легонько по плечамъ, что ты мѣсяцъ пребывая въ глазахъ прекрасной Данаи изцѣлился отъ твоихъ предразсужденій, коими ты противу моихъ правилъ былъ объятъ? Я вижу, что ты уже довольно искусно научился въ нихъ упражняться!„

Оста-

Остатокъ вечера былъ препровожденъ столькоже пріятнымъ образомъ, пока наконецъ Гиппіасъ, которому на другой день по утру рано надлежало возвратиться въ Смирну, былъ отнесенъ малыми Фавнами на постелю въ такомъ состояніи, въ которомъ онъ больше походилъ на отца Силена, нежели на мудреца.

Агатонъ ни о чемъ больше не убѣждалъ прозьбою Данаю, какъ только, чтобы она сдѣлала его участникомъ обращенія, которое она имѣла съ Гиппіасомъ и предмета ихъ разговора. Конечно можно простить сію красавицу въ томъ, что она не довела чистосердечіе своего повѣствованія до того, чтобы признаться своему любовнику въ умыслѣ, который она на мѣрѣ положила съ Софистомъ, и котораго слѣдствіе въ отношеніи къ ней сдѣлалось

весьма различнымъ съ первымъ планомъ. Нѣжнѣйшая и довѣреннѣйшая любовь не мѣшаетъ хранить небольшія тайны, при открытіи которыхъ самолюбіе больше бы потеряло и обманулось. Итакъ она удовольствовалась только ему отвѣчать, что Гиппіасъ говорилъ объ немъ много хорошаго, и ее увѣрялъ, что онъ нашелъ противу прежняго гораздо живѣе, веселѣе и учтивѣе; что она довольно поняла, что онъ болѣе хотѣлъ говорить, нежели то, что слова его сами въ себѣ, казалося, выражали; но что она столько же мало помышляла о томъ, чтобы повѣрить ему тайну о любви къ Калліасу, сколько находила причины, скрывать вниманіе, котораго личнымъ заслугамъ Калліаса никакъ приписать не не можно; что впрочемъ бодрость его приписывала она времяни, обезсиливающему возпоминаніе его неща-

щастія и совершеннѣйшей вольности, которою онъ наслаждается въ ея домѣ.

Сіе повѣствованіе не только успокоило Агатона; но какъ его воображеніе заводило его обыкновенно далѣе, нежели онъ имѣлъ въ мысляхъ, то онъ послѣ долгаго о семъ разговора почувствовалъ въ себѣ столько бодрости, что не усматривалъ никакой трудности отвѣчать безъ запинанія равнымъ тономъ шуткамъ Гиппіаса, естьли онъ когда вздумаетъ издѣваться надъ его дружбою къ Данаѣ. Сіе постановленіе, хотя онъ сего не примѣтилъ, предполагало въ самомъ дѣлѣ болѣе безстыдства, нежели бы самый продолжительный успѣхъ въ его заблужденіяхъ могъ внушить Агатону.

Глава

Глава третія.

Судорожныя движенія паки ожи-вотворяющейся добродѣтели.

По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ посѣщенія Гиппіасова, наступилъ праздникъ, уставленный имъ ежегодно для угощенія своихъ друзей. Онъ никакъ не забылъ къ сему случаю пригласить прекрасную Данаю съ своимъ другомъ. Естьли бы дружество въ семъ не управляло его намѣреніемъ; то онъ имѣлъ другую побудительную причину, которая казалася безъ сомнѣнія быть довольнымъ побужденіемъ. Наши любовники не желали бы туда итти; но не имѣли никакой довольной причины къ извиненію своего отсутствія. И такъ они пожаловали въ назначенный день, и Агатонъ прибылъ туда съ живностью, которую ему сама надежда придавала, что онъ чудесно будетъ защищаться противу

тиву всѣхъ нападеній, ожидаемыхъ отъ пронырства Софиста. Гиппіасъ ничего не забылъ, что могло умножить великолѣпіе его праздника, и естьли взпомнить то, что мы говорили о правилахъ, образѣ жизни и богатствахъ сего мужа, то читатели наши могутъ вообразить себѣ все то, что онъ при семъ случаѣ сдѣлалъ, и не удержатъ насъ излишними описаніями отъ важнѣйшихъ предметовъ, требующихъ нашего вниманія.

Агатонъ въ продолженіи всего стола игралъ весьма изрядно роль остроумнаго человѣка, шутилъ съ такою пріятностію и тонкостію, измѣнялъ столько ясно при многихъ случаяхъ мысленнымъ воображеніямъ, обладающимъ тогда его душею, что Гиппіасъ не могъ удержаться, чтобы не выразить ему всея своея радости въ

ту

ту минуту, когда они находились наединѣ. „Я весьма радуюсь, Калліасъ, сказалъ онъ ему, что ты, какъ я усматриваю, сдѣлался однимъ изъ нашихъ. Ты совершенно оправдываешъ доброе мнѣніе, которое я принялъ о тебѣ при первомъ воззрѣніи. Я говорилъ всегда, что толико огненной душѣ, какова твоя, недоставало только въ дѣйствительныхъ предметахъ, чтобы безъ труда образумиться отъ химеръ, къ коимъ ты за нѣсколько недѣль казался быть столь сильно прилѣпленъ.„ – Къ щастію добраго Агатона подоспѣли нѣкоторыя особы изъ компаніи, которыя избавили его отъ замѣшательства окончать начатый имъ косноязычный отвѣтъ; но ничто не могло избавить его отъ безпокойства, которое сіи нѣсколькія слова Софиста посѣяли въ его душѣ. Все прилагаемое имъ стараніе, всѣ забавы, коими онъ

зрѣлъ себя окруженна, были довольно слабы извлечь его изъ смятенія, которое еще болѣе умножалося отъ воззрѣнія прекрасной Данаи. Онъ принужденнымъ нашелся подъ видомъ нѣкоторой слабости удалиться на нѣсколько минутъ изъ бесѣды, уединиться въ отдаленномъ кабинетѣ и углубиться въ размышленія, коихъ теснящееся множество отнимало у него долгое время всю способность различить одно отъ другаго. Наконецъ онъ пришелъ до того въ себя, что онъ нашелъ довольно силъ помочь своему щемящемуся сердцу слѣдующимъ часто прерывающимся съ самимъ собою разглагольствіемъ. – „Какъ? – Я весьма радуюсь, что ты сдѣлался однимъ изъ нашихъ – сказалъ онъ. – Возможно ли это? Одинъ изъ его! – подобнымъ Гиппію! – ему, котораго правила, котораго жизнь, и котораго мнимая

мая мудрость внушали въ меня всегда столько отвращенія! – И столько ли велико превращеніе, чтобы оно ему никакого не оставляло сомнѣнія? Безсмертные боги! гдѣ вашъ Агатонъ? – Ахъ! это превозходитъ самую извѣстность, что я самъ уже не тотъ самый! – Какъ? безпечными ли я, или пріятными взираю очами на всѣ предметы, встрѣчающіеся въ семъ домѣ, отъ коихъ мятущаяся душа моя съ омерзеніемъ и гнушеніемъ прежде отвращалась? – на сіи сластолюбивыя и гнусныя картины, – на сіи грубыя и поползновенныя Нимфы, – на сіи обращенія, въ коихъ все то, что для человѣка должно быть велико и достопочтенно, представлено въ смѣшномъ свѣтѣ, – на сіе разточеніе времени, – на сіи съ великимъ трудомъ изобрѣтенныя и всегда свыше требованій природы разпространяемыя забавы – Небо!

гдѣ

гдѣ я? на какой неприступной стремнинѣ нахожу я себя самого! какая пропасть подо мною! – О Данае, Данае! – „ Здѣсь остановился онъ: спасительныя втеченія, и волшебныя образы, которыя единое имя сіе произносило въ его душѣ, разлили въ ней спокойствіе, утишившее волнующееся ея мученіе, и быстрымъ прехожденіемъ изъ смутной горести къ живѣйшему возхищенію пролетѣла она тогда всѣ сіи явленія любви и блаженства, всѣ сіи благополучные дни, протекшіе яко минуты; напитаясь чрезъ сіи припамятованія пріятнымъ сластолюбіемъ не хотѣла, или можетъ быть не могла, она сносить мыслей, чтобы ввергнувшись въ сіе зависти достойное состояніе, сошла она ниже самое себя. „ Божественная Данае! „ возопилъ бѣдный недугующій въ усилившемся обморока своего припадкѣ. „ Мо-

жетЪ ли это вмѣниться вЪ порокЪ, любить возлюбленнѣйшую изЪ всѣхЪ созданій? Преступленіе ли это, быть благополучнымЪ? - „ Любовь, которую ПлатонЪ весьма правильно называетЪ наивеличайшимЪ изЪ всѣхЪ Софистов продолжала тѣмЪ безпрепятственнѣе распѣшествовать ему вЪ сихЪ вдохновеніяхЪ, что самолюбіе пришло кЪ нему на помощь и свое дѣло присоединило кЪ его. Ибо естьли что непріятнѣе, какЪ на самаго себя доносить и обвиниться вЪ одно время? СЪ какимЪ удовольствіемЪ внимаемЪ мы гласу самое себя защищающей страсти! Сколь основательнымЪ находимЪ мы каждый притворЪ, которымЪ она судейское разсужденіе кЪ ложному поднимать приговору старается! АгатонЪ слушалЪ сію обманчивую оборонятельную риторшу сЪ такою охотою, что ей удалось паки успо-

коить

ходить его духъ. Онъ самъ себя увѣрялъ, не взирая на перемѣну его образа разсужденія, что онъ при помощи Божіей разсуждаетъ пресовершенно и думаетъ найти разность между собою и Гиппіасомъ еще столько велику и столько существенну, какой никогда не бывало. И такъ онъ скрылъ слабую свою сторону подъ добродѣтели, кои онъ думалъ, что имѣетъ, и наконецъ совершенно успокоилъ себя идеальнымъ начертаніемъ сразмѣрной своимъ собственнымъ правиламъ жизни, къ которой, никакъ несумнѣвался, чтобы его возлюбленная Данае не была готова; только бы ей предложить объ оной безъ дальнѣйшаго отлагательства, а она приметъ безъ всякаго усомнительства. И такъ онъ теперь, отсудствуя наединѣ почти около часа возвратился, чтобы соединиться съ компаніею собравшеюся въ одной въ саду

изъ залъ. Онъ показался съ толико веселымъ лицемъ, что Данае и самъ Гиппіасъ увѣрились, и приписали прежній его припадокъ, для котораго онъ ихъ оставлялъ, скоропреходящей болѣзни. Тогда забавы возпослѣдовали за забавами и столько быстро перемѣнялись, что отягченная душа не имѣла времяни отдать себѣ отчета о своихъ чувствованіяхъ; и въ сихъ кипящихъ веселостяхъ препровождена цѣлая ночь до занятія зари. Присутствіе любви достойной Данаи дѣйствовало всею своею волшебною силою на нашего ироя; но не смотря на сіе онъ впадалъ отъ времяни до времяни въ разсѣяніе мыслей, изъ котораго она его, какъ скоро примѣтитъ, старалась извлекать. Но предметы, озлобившіе прежде нравственный его вкусъ, находились здѣсь въ великомъ числѣ, такъ, что посредѣ бѣглыхъ увеселеній,

съ которыми они быстро проходили по поверхности его души, тайное чувствованіе его унынія не долженствовало на нѣсколько минутъ ланиты его покрывать стыдившимся самаго себя румянцемъ, вѣстникомъ возвращающейся добродѣтели. Сіе приключилось особливо ему при зрѣлищѣ пантомическаго танца, которымъ Гиппіасъ большую часть изъ Бахусомъ разгоряченныхъ гостей довольное еще время по полуночи старался удерживать отъ дреманія. Прелестная танцовщица, которая не взирая на свою крайнюю молодость, была уже давно посвящена сладкимъ таинствамъ Венеры, изображала въ танцахъ басню Леды. Сіе было примѣрнымъ дѣйствіемъ совершеннѣйшаго и роскошнѣйшаго танцовальнаго у древнихъ искуства, о которомъ Іювеналій наивеликолѣпнѣйшее сдѣлалъ въ одной изъ своихъ Сатиръ описаніе, досто-

примѣчательное болѣе по силѣ, нежели по благонравію. Гиппіасъ и всѣ почти гости оказали чрезмѣрное удовольствіе точности, съ каковою сія младая дѣвица сію попозновенную исторію при роскошномъ согласіи двухъ свирѣлей нѣмымъ выраженіемъ движенія, преходя изъ явленія въ явленіе, умѣла всѣ черты до самаго изтолкованія приключенія объяснить. „Нѣтъ! кричали они: чаровство „цвѣтовъ и стихотворенія, упо„требленное Зевксомъ и самимъ „Гомеромъ, не могло бы чище и „и яснѣе представить сіе при„ключеніе, какъ сія младая тан„цовщица своими тѣлодвиженія„ми.„ Дамы думали, что онѣ довольно сдѣлали, показавъ, что онѣ не внимали сему зрѣлищу, у котораго однако, не взирая на ихъ притворное разсѣяніе, не отняли онѣ ни малѣйшей красы и тѣни; но Агатонъ противное впе-

впечатлѣніе и отвращеніе отъ онаго, въ немъ произведшіяся, едва только съ трудомъ могъ самъ въ себѣ заключить: онъ дѣйствительно напрягался сказать нѣчто; чтобы не могло въ такой компаніи, въ какой онъ находился, произвести никакого великаго дѣйствія; но трусливое воззрѣніе на самаго себя, а можетъ быть и страхъ навлечь издѣвки и побудить язвительнаго Гиппіаса къ отмщенію, погасили слова его на самыхъ его губахъ и премѣнили самыя первыя опорочительныя рѣчи, которыя онъ уже выговорилъ, на принужденное соглашеніе, касательное до удовольствія. Онъ до тѣхъ поръ не успокоился, пока не побудилъ Данаю съ одною изъ своихъ пріятельницъ уйти изъ компаніи. „Ты довольно видишъ, „говорилъ онъ ей, что самыя „Граціи начинаютъ со стыдомъ „убѣгать.„ Негодованіе сіе чрезъ

 весь

весь ихъ возвратный путь домой изливалося въ жестокую сатиру изпорченнаго вкуса Софиста, которая до тѣхъ поръ продолжалась, пока они на разсвѣтѣ дня прибыли обратно въ загородный домъ Данаи. „О горе! сказалъ онъ: „ мы принуждены употреблять на поправленіе спокойствіемъ и сномъ утомленной забавами природы время, опредѣленное намъ на жизненныя упражненія.„

Глава четвертая.

Сны не всегда обманываютъ.

Стоики, сіи строгіе основатели нравоучителинаго крутаго ордена, котораго уничтоженіе высокій Монтескіо почитаетъ для человѣческаго рода урономъ, имѣли между прочими отмѣнностями великое мнѣніе о природѣ и силѣ сновъ.

сновъ. Оно ихъ довело такъ далеко, что приняли на себя трудъ написать о сей матеріи толико же великія книги, какими въ наши дни нѣкоторые неутомимые мудрые монахи одарили ученый свѣтъ о высокомъ искуствѣ изпытывать и прогонять привидѣнія. Они раздѣлили сны на разные роды, начначили имъ тайныя ихъ знаменованія, дали къ тому ключь, и нимало не усомнились нѣкоторые роды оныхъ со всякою возможною повѣренностію приписать втеченію всѣхъ тѣхъ духовъ, коими они столь богато населили всѣ части природы. Въ самомъ дѣлѣ въ разсужденіи сего, кажется, поступаютъ они просто по общей легковѣрности, которая хранилась изкони между всѣми народами и во всякое время, и то привели въ форму, или образецъ, ученой теоріи, или разсужденія, что у ихъ бабушекъ могло быть

непорядочнымъ смѣшеніемъ преданія, воображенія и слабости духа. Какъ бы то ни было, но то не оспоримо, что мы иногда имѣемъ сновидѣнія, въ коихъ иногда столько находится связи и отношенія къ нашимъ прошедшимъ и настоящимъ обстоятельствамъ и къ нашему положенію, хотя всегда съ небольшимъ прибавленіемъ чуднаго и непостижимаго, что мы для сихъ знаковъ истины находимъ себя склонными въ семъ послѣднѣйшемъ искать нѣчто таинственное и предзначащее. Но произходятъ ли сего рода привидѣнія отъ духовъ внѣ насъ, или должно ихъ приписывать, какъ дѣлали Пиѳагорейцы, извѣстной пророческой силѣ, или предсказанію нашея души, которая во время погруженія въ глубокій сонъ чувствъ, говорятъ они, имѣетъ болѣе вольности изъясняться: все сіе мало насъ безпокоитъ, и мы оставляемъ съ

охотою тѣмъ, которые гораздо больше насъ успѣли въ благополучіи проницать въ причины вещей, о коемъ Лукрецій съ толикимъ говорилъ возторженіемъ. Однако мы постановили себѣ за законъ не презирать добраго совѣта нашея бабушки, которая намъ, когда мы еще ея наполненнымъ проницанія возпитаніемъ имѣли щастіе наслаждаться, подъ предводительствомъ множества фамильныхъ примѣровъ ревностно обыкновенно наказывала предосторожности и перстоуказатели сновидѣній не почитать никогда за безделицу.

Агатонъ, заснувши наконецъ въ смятеніи отъ несогласныхъ мыслей и движеній духа, видѣлъ сего утра сонъ, который можемъ мы смѣло причислить къ небольшимъ причинамъ, произведшимъ великія приключенія. Мы его разка-

кажемъ такъ, какъ нашли его въ нашемъ подлинникѣ; а читателю оставляемъ объ ономъ разсуждать. -- Ему видѣлось, что онъ забавлялся посредѣ прiятной равнины съ Нимфами и Купидонами. Данае находилась между ими. Она поднесла ему съ чародѣйною улыбкою, какъ Арiадна своему Бахусу, чашу наполненную нектаромъ, который онъ разомъ выпилъ, и вдругъ бросилась вся толпа около его плясать. - Онъ плясалъ тутъ же съ ними. Облако изъ сладкихъ изпаренiй, казалось, скрывало окрестъ его истинный видъ вещей, и тысяща прiятныхъ видѣнiй, лѣтая въ глазахъ его, почти столько же скоро изчезали, какъ и раждались. Онъ продолжалъ въ семъ пiянствѣ плясать и прыгать нѣсколько времяни; но вдругъ легкiе пары и вся радостная бесѣда изчезла. Ему показалось, что онъ пробудился изъ глу-

глубокаго сна, и едва лишь только разверзъ глаза, то увидѣлъ себя на высотѣ утесистыя стремнины, при подошвѣ которой быстрая рѣка съ великимъ шумомъ катила пѣнящіяся свои волны. Но сколько онъ возхитился увидя на противоположенномъ брегѣ рѣки возлюбленную свою Псишу! Она, стоя едина и печальна въ снѣжаномъ до ногъ ея простирающемся платьѣ, бросала на него взоры, прострѣлившіе его сердце. Онъ не разсуждая ни минуты бросился съ вершины скалы за рѣку и переплылъ ее съ великимъ трудомъ, и какъ скоро очутился на другомъ брегѣ, то спѣшилъ повергнуться къ ногамъ своея Псиши; но она ушла у него, яко тѣнь. Онъ стремился къ ней съ разпростертыми объятіями; но тщетно: ему не возможно было преодолѣть малаго разстоянія, его съ нею раздѣляющаго. Однако

ко она не престала его спускать съ своихъ очей. Все ея лице изображало свойство глубокой печали; а правою рукою показывала она ему въ дали золотыя башни и священныя рощи Делфійскаго храма, которыя онъ мнилъ видѣть ясно. Слезы при семъ зрѣлищѣ текли по его ланитамъ, и раздираемъ будучи угрызеніемъ совѣсти и раскаяніемъ, простеръ онъ свои объятія къ Псишѣ въ разположеніи виновнаго человѣка, просящаго прощенія. Но она, не внимая ему, убѣжала съ поспѣшностію къ ногамъ статуи добродѣтели, стоящей подъ развалинами обвѣтшавшаго храма невредимо въ величественномъ спокойствіи на неподвижномъ кубѣ. Псише, обнявъ сію статую, бросила еще на него глубокомысленный взоръ, и изчезла. Въ отчаяніи онъ хотѣлъ за нею слѣдовать; но вдругъ увязъ въ глубокой тинѣ, и усиливаніе вы-

драть-

драться изъ оной было столько стремительно, что онъ отъ того проснулся. Ручьи слезъ, облегчившіе нѣсколько стѣсненное его сердце были первымъ дѣйствіемъ глубокаго впечатлѣнія, которое сей особенный сонъ въ его пробудившейся, но совсѣмъ еще мечтаніемъ окруженной, душѣ оставилъ. Онъ плакалъ столь долго и столько сильно, что омочилъ всю свою подушку. — Псише! — о Псише! взкрикивалъ онъ отъ времяни до времяни, простирая объятія свои, какъ будто за ея образомъ — и потомъ вырвался новый источникъ слезъ изъ заплаканныхъ его очей. Гдѣ я? паки возопилъ онъ, и озирался, какъ будто изумился, нашедъ себя лежаща на мягкой постелѣ и въ горницѣ украшенной Персидскими блестящими обоями и тьмою другихъ драгоцѣнныхъ вещей обилующей. „О Псише! что „сдѣлалось изъ твоего Агатона?

„О

„ О нещастный день, вЪ который
„ ненавистные разбойники изтор-
„ гнули меня изЪ твоихЪ обЪ-
„ ятій! – „ ВолнуемЪ всѣми сими
воображеніями, и посредѣ сихЪ
возклицаній вскоча онЪ стреми-
тельно, бѣгалЪ сЪ сильнымЪ дви-
женіемЪ по горницѣ, бросился обра-
тно вЪ постелю, и пребылЪ дол-
гое время, яко изумленный, непод-
вижно углубяся вЪ мысляхЪ. На-
конецЪ возпрянувЪ паки тотчасЪ
одѣлся, и сошелЪ вЪ садЪ искать
вЪ уединеннѣйшей части рощи ну-
жнаго себѣ спокойствія, для раз-
мышленія о своемЪ сновидѣніи, о
настоящемЪ своемЪ состояніи и
о постановленіи рѣшенія. ИзЪ
всѣхЪ образовЪ, оставленныхЪ вЪ
душѣ его симЪ сновидѣніемЪ, ни
который его живѣе не трогалЪ,
какЪ представленіе Псиши, ка-
кимЪ образомЪ она сЪ важнымЪ
лицемЪ показывала ему перстомЪ
храмЪ и Делфскія рощи, сіи освя-
щен-

щенныя мѣста, гдѣ они въ первый разъ увидѣлись, гдѣ они столь часто клялись между собою вѣчною любовію, и любились чистою и добродѣтельною любовію, какою безсмертные боги наслаждаются въ Олимпѣ. Образы сіи представили ему нѣчто толико трогательное, печаль, которою они его проникнули, была столько облегчена живѣйшими напоминаніями прежняго его блаженства, что онъ чувствовалъ нѣкоторый родъ услажденія отдаться нѣжному сѣтованію, коимъ душа его была объята. Онъ сравнивалъ настоящее свое состояніе съ тѣмъ блаженнымъ спокойствіемъ сердца, съ тою всегда укла-бляющеюся ясностію души, съ тою кроткою и невинною радостію, которой по его воображенію безсмертные зрители давно соизволили, и нечувствительно

вмѣсто того, чтобы продолжать безпристрастно сіе соравненіе, отдался онъ тихой склонности своего раздраженнаго воображенія; ему казалось, что душа его печалилась послѣ сего Елисейскаго спокойствія, какъ будто послѣ своей врожденной стихіи. Ахъ! взкричалъ онъ вздохнувши, хотя бы это были привидѣнія и блуденіе мыслей, въ коихъ полусвободный и полуобоготворенный духъ мой зыблялся. — Какое блаженное умоизступленіе! какая разность между сими пріятными сновидѣніями и сими шумящими радостями, вовлекающими чувства мои въ пучину сладострастій, кои минуясь оставляютъ съ ужасной пустотою въ горестной душѣ стыдъ и разкаяніе.

Безъ сомнѣнія читатели наши многаго надѣются отъ происходившаго тогда въ душѣ нашего

ироя въ разсужденіи возвращенія къ добродѣтели; но мы съ сожалѣніемъ признаемся, что другая душа возстала въ его внутренности, которая дѣйствіе сихъ благихъ движеній въ скоромъ времяни сдѣлала паки безсильнымъ: а гласъ ли то былъ природы, или страсти, или обѣ соединились вмѣстѣ на примиреніе его съ самимъ собою и съ настоящимъ его состояніемъ безъ оскорбленія его самолюбія.

Въ самомъ дѣлѣ не возможно было, естьли разсудить живность, означающую всѣ понятія и движенія духа сего особеннаго человѣка, чтобы напряженная его страсть и состояніе, въ какомъ мы его видѣли, могли быть продолжительны. Сила его чувствованій терялась сама въ себѣ. Воображеніе его, всегда живое въ своемъ теченіи, шло по истинѣ столько далеко, сколько могло итти;

но при малой премѣнѣ принуждалось возвращаться вспять.

Итакъ онъ началъ себя увѣрять, что въ его печали и его отчаяніи больше находится умоизступленія и привидѣнія, нежели разума и истины. Онъ думалъ при ближайшемъ сравненіи вещей найти, что страсть его къ Данаѣ совсѣмъ оправдана совершенствомъ предмета, и что она была достойна такого же преимущества, какое казалось ему заслуживало блаженство его прошедшей Делфской жизни. Непорочная радость, ощущаемая имъ отъ первой его безопытной еще любви, казалась ему совсѣмъ безсущественною въ сравненіи съ тою, которую онъ изпыталъ въ объятіяхъ изящной Данаи. Единое возпоминаніе новаго сего благополучія кровь его превращало въ огонь, а душу его ввергало въ возхищеніе;

а воображенїе его приняло на себя трудъ показать ему совершеннѣйшее благополучїе. Псиша казалась ему совсѣмъ своимъ любодостоянїемъ ни къ чему иному быть опредѣлена, какъ чувствительность сердца его расторгнуть и сдѣлать его способнымъ ощущать преимущества несравненной Данаи. Онъ приписывалъ возвращенїю въ прежнее свое умоизступленїе слабость, что онъ отъ сновидѣнїя, которое онъ при всякомъ своемъ чудномъ состоянїи могъ бы почесть за ничто болѣе, какъ за игру воображенїя, пришелъ въ толико сильное движенїе. Единое только его безпокоило, а имянно выговоръ невѣрности противу Псиши, толико нѣкогда нѣжно имъ любимой и отвѣчающей ему взаимно нѣжною любовїю. Но невозможность не быть понуждену непреоборимою Данаею, (точка, о коей онъ столько же совершенно, какъ о сво-

своемъ собственномъ существованіи увѣренъ быти думалъ) и потеряніе всея надежды отыскать паки когда нибудь Психе (которое онъ безъ точнѣйшаго изслѣдованія принималъ за совершенное); оба сіи обстоятельства, представясь живо духу его, казались ему быть великой важности противу выговоровъ легкомыслія. Но наконецъ чтобы отъ онаго совсѣмъ избавиться, то онъ вообразилъ, что союзъ его съ Психею уподоблялся болѣе братской любви къ сестрѣ, чистой любви душъ, нежели тому, что въ собственномъ смыслѣ долженствовало назваться любовію. Открытіе сіе, сопровождаемое сравненіемъ припадковъ сихъ двухъ родовъ любви, казалось ему быть неоспоримымъ. Представленія сіи, соединясь съ сими нѣмыми свидѣтелями его блаженства, съ сими тѣнистыми вѣтвями, съ сими цвѣтниками, сими пещерами

ми и гротами, предъ взоромъ его существующими, возвысились въ духѣ его нечувствительно на высочайшій степень живности и возстановили тѣмъ въ душѣ его нѣкоторый родъ спокойствія; есть-ли иначе ослѣпленіе больнаго, который въ жару своея лихорадки возмнитъ себя быти здорова, можетъ заслуживать сіе имя. Однако онѣ не возпрепятствовали остаться на сей цѣлый день впечатлѣнію задумчивости и горести, въ душѣ его открывшейся, на самомъ его лицѣ. Образы Псиши и добродѣтели, давно имъ смѣшанныя, представлялись всегда паки его глазамъ. Тщетно старался онъ ихъ отдалить разсѣяніемъ: они нападали на него въ его работахъ, обезпокоивали его въ его забавахъ. Онъ желалъ ихъ избѣгнуть. Нещастный! онъ не примѣтилъ того, что сіе самое было рѣщительнымъ опытомъ и совер-

шеннымъ доказательствомъ, что онъ находился не въ толико изрядномъ положеніи, какъ самъ себя старался увѣрять.

Глава пятая.

Быстрая перемѣна.

Данае любила весьма нѣжно, такъ, что ей тайная печаль, разливающая (хотя пріятную) пасмурность по прекрасному лицу ея любовника, могла быть непримѣтна; но самое сіе имѣя она основаніемъ опасалась выспрашивать его весьма скоро о причинѣ толь неожидаемой перемѣны. Легко можно было видѣть, что его сердце страдало; но со всею проницательностію, собственною глазамъ любви, не могла она никакъ сама съ собою согласиться и дойти, какая бы тому была причина. Она прежде думала, что можетъ

жетъ быть какая нибудь шутка злобнаго Гиппіаса, далеко заведенная, его оскорбила. Но все то, что Гиппіасъ могъ ему выговорить, казалось ей недовольнымъ учинить столь глубокую рану, какую она въ его сердцѣ видѣть чаяла. Польза ея собственнаго привела скоро ее на другую мысль, къ которой бы она упователько не была способна, естьли бы любовь ея не перевѣсила суету, которая, какъ сказываютъ, въ большей части красавицъ есть истинный източникъ того, что онѣ намъ отдаютъ за чувствіе. „О небо! естьли любовь его, говорила она сама себѣ, начинаетъ простывать! простывать? Праведное небо! – Ахъ! естьли это возможно, такъ я скоро не буду больше любима! – „ Мысль сія была весьма ужасна для совершенно плѣненнаго сердца, такъ, что она его въ состояніи была немедлѣнно предать проклятію.

тію. Коль скромными дѣлаетъ истинная любовь! Она, привыкши читать во всѣхъ глазахъ вообще дѣйствія своихъ побѣдоносныхъ прелестей; она, не зная ни одной персоны между совершеннѣйшими изъ своего пола, которая бы могла поколебать ее хотя на минуту въ сладкомъ убѣжденіи, которое она имѣла о своихъ преимуществахъ; однимъ словомъ Данае, кичась и гордясь толико своими прелестями, начала съ содроганіемъ самое себя спрашивать: „Довольно ли она любви достойна удержать сердце толико чрезвычайнаго человѣка въ своихъ оковахъ?„ И хотя самолюбіе довольно успокоило ее со стороны личнаго ея достоинства; однако она опасалась, чтобы поступокъ ея не оскорбилъ въ чемъ нибудь особливое образа ея разсужденія, или благородную чувствованій ея нѣжность. Не многими

ми ли опытами доказывала она ему свою любовь? Не должна ли была она побѣду его надъ собою затруднить? Было ли надежно показать ему всю силу своея страсти, и для полученія его сердца положиться единственно на совершенное ему отданіе своего? Добрыя сіи творенія, коимъ кляненось вѣчною любовію, и кои мало о томъ печалятся, чтобы знать, сдержатъ ли имъ свое слово, найдутъ можетъ быть сіи вопросы сколько пустыми, столько удобными къ рѣшенію; но прекрасная Данае чувствовала важность сихъ вопросовъ во всемъ ихъ пространствѣ. Все то, что она могла сама себѣ на то сказать, не столько ее успокоило, чтобы она не почла за нужное найти благосклонную минуту и просвѣтиться во всѣхъ своихъ сомнѣніяхъ. Тщеславіе ея пришло ей въ то же мгновеніе на помощь

мощь и увѣрило ее, что ежели она откроетъ зло, то въ средствахъ оному помочь не недостанетъ. Агатонъ съ своея стороны не преминулъ ей въ тотъ же еще день подать къ тому случай.

Задумчивость и печаль умягчаютъ душу и отверзаютъ мало по малу къ ней доступъ всѣмъ мягкимъ и нѣжнымъ движеніямъ. Сіе положеніе столько истинно, что въ свѣтѣ тысяча любовныхъ союзовъ не имѣютъ никакого другаго начала. Любовникъ теряетъ предметъ, который онъ обожаетъ. Онъ изливаетъ жалобы свои въ нѣдро пріятельницы, къ прелестямъ которой онъ до того совершенно былъ холоденъ. – Она объ немъ сожалѣетъ, и онъ находитъ себѣ чрезъ то облегченіе, что можетъ жаловаться свободно и безпрепятственно. Красавица съ своея стороны возхищается, что она на-

шла

шла случай показать доброе свое сердце. Сострадание ея трогаетъ его. Она возбуждаетъ его внимание, и какъ скоро женщина начинаетъ участвовать, такъ скоро открываютъ въ ней прелести, коихъ никогда не видно было. Чувствія, ими обоими ощущаемыя, благосклонны къ любви: онѣ украшаютъ пріятельницу, а ослѣпляютъ глаза дружескія. Сверхъ сего печаль естественно ищетъ разсыпанія и склонна пристать ко всему тому, что ей обѣщаетъ утѣшеніе и облегченіе. Темное предчувствіе новыхъ удовольствій, воззрѣніе на предметъ, который дѣйствительно подаетъ утѣшеніе, благосклонное духоположеніе, въ которомъ оное усматривается - съ одной стороны тщеславіе, сіе сильное побужденіе женскихъ сердецъ, удовольствіе одержать, такъ сказать, побѣду надъ соперницею и совмѣстницею, поелику

весьма

весьма любви достойно награждать свою потерю, желаніе угасить самое ея возпоминаніе, может быть также благость человѣческой природы и удовольствіе облагополучить — съ другой стороны сколь многія обстоятельства соединяются на превращеніе нечувствительно друга въ любовника, а вѣрнѣйшую пріятельницу въ главнѣйшую ироиню новаго романа.

Агатон находился въ таком положеніи, как Данае, извѣстясь, что он цѣлый вечер препроводил въ уединеннѣйшей сторонѣ сада, не могла болѣе удерживаться, чтобы не итти его искать. Она обрѣла его на зеленой полутѣлом лежаща лавкѣ, оперша гося на руку, и въ таких глубоких мыслях, что она нѣсколько времяни перед ним стояла, не будучи им узрима. „Ты печален, Калліас!„ сказала она

она ему наконецъ трогательнымъ гласомъ, устремя на него взоръ свой, изполненный сострадательною любовію. „Могу ли я печалиться, когда тебя я зрю!„ отвѣчалъ Агатонъ со вздохомъ, который, казалося, отвѣчалъ на его вопросъ. Данае также не сдѣлала ему никакого на толико обязательную учтивость отвѣта; но продолжала, ничего не говоря, взирать на него съ лицемъ изполненнымъ души и очами наполненными слезъ, готовыхъ пролитися. Онъ всталъ, и разсуждалъ о ней нѣсколько времяни въ молчаніи, какъ будто бы желалъ взоромъ проникнуть до глубины ея души. Сердца ихъ казалося смѣсилися въ ихъ взорахъ. „Любишь ли ты меня?„ спросилъ наконецъ Агатонъ полузадушеннымъ нѣжностію и сѣтованіемъ голосомъ, закинувъ около ее свои объятія, и продолжалъ взирать на нее заплакай-

канными очами. – „Люблю ли я тебя!„ возопила она по нѣсколькомъ умолкновеніи. Она не могла болѣе выговорить; но выраженіе, употребительное ею въ семъ единомъ словѣ, не могло бы дополниться всемъ витійствомъ Димосѳена. „О Данае!„ отвѣчалъ Агатонъ: „я тебя о томъ не спрашиваю, поелику я сомнѣваюсь. – Могу ли я получать весьма часто изъ сихъ пріятныхъ губъ увѣреніе, отъ котораго все щастіе зависитъ моихъ дней? – Естьли бы ты меня не любила! –– естьли бы ты могла престать меня любить! – Какія помышленія, любезнѣйшій мой Калліасъ!„ сказала она ему, прервавъ его. „Сколько бы я была злощастна, естьли бы онѣ произходили изъ твоего сердца, и естьли бы оно тебѣ говорило, что толико нѣжная, какова наша, любовь можетъ кончиться!„ – Худо сокрытый вздохъ

со-

составлялЪ все, что онЪ могЪ отвѣтствовать. „Ты печаленЪ КаллiасЪ, продолжала она. Тайная печаль является на всѣхЪ твоихЪ чертахЪ. – Ты не понимаешЪ, нѣтЪ, ты не понимаешЪ, колико мучусь я, видя тебя печальна, не знавЪ тому причины. – Естьли моего имущества, моея любви и самой моея жизни можетЪ быть довольно для удаленiя отЪ тебя печали, о! возлюбленный мой; то не отсрочивай ни единаго мгновенiя открыть мнѣ всю твою внутренность. — Выраженiе, взоры, опущенiе голоса прекрасной Данаи тронули чувствительнаго Агатона до нѣмаго возхищенiя. ОнЪ охватилЪ ее своими объятiями, прижалЪ свое лице кЪ ея трепещущимЪ персямЪ, и могЪ долго говорить только слезами, коими онЪ ее орошалЪ.

Ничто не сообщается скорѣе, какЪ страсть души вЪ чувство

разтворяющейся. Данае, не вѣдая причины всѣхъ сихъ движеній, была столько тронута состояніемъ своего любовника, что она столько же безсловесно, какъ онъ самъ, симпатическія слезы смѣшала съ его. Явленіе сіе, которое для безпристрастнаго читателя не столько можетъ быть полезно, сколько для нашихъ влюбленныхъ, продолжалось чрезъ довольное время. Наконецъ Агатонъ, собравшись съ силами, сказалъ въ единомъ изъ сихъ нѣжныхъ разлитій души, гдѣ разсужденіе никакого не имѣетъ *участія*, и въ которыхъ нѣтъ никакого другаго намѣренія, какъ только стѣсненное облегчить сердце: „Я тебя
„весьма люблю, несравненная Да-
„нае, и весьма чувствую, что я
„тебя не могу любить довольно,
„чтобы отъ тебя скрывать до-
„лѣе, кто таковъ сей Калліасъ,
„котораго ты не знавши почла

„ достойнымъ своего сердца. Я
„ намѣренъ тебѣ открыть тайну
„ моего имяни и всю исторію мо-
„ ея жизни столь далеко, сколько
„ возмогу оную умомъ постиг-
„ нуть и припомнить -- И ко-
„ гда ты все узнаешъ -- (но я
„ знаю, что я могу открыть все
„ толико великой душѣ, какова
„ твоя) -- тогда можетъ быть
„ ты естественно увидишъ, что
„ легкомысленнѣйшей боязни поте-
„ рять твою любовь довольно учи-
„ нить меня бѣднымъ." Данае,
какъ можно себѣ представить,
изумилась при столь неожидаемомъ
предисловіи. Она взирала на на-
шего ироя съ такимъ вниманіемъ,
подобно какъ бы онаго его никогда
еще не видывала, и удивлялась
днесь сама себѣ: она не могла
постигнуть, какимъ образомъ она
не могла гораздо ранѣе постигнуть
премножество сокрытыхъ дарова-
ній, коими ея любовникъ одаренъ,

и что наставленія Гиппіаса и обстоятельства, въ коихъ начался ихъ союзъ, долженствовали бы ее заставить принять подозрѣніе. Она отблагодарила ему наинѣжнѣйшимъ образомъ за знакъ совершенной довѣренности, которую онъ ей сообщить намѣренъ, и по нѣкоторыхъ предуготовительныхъ, служившихъ вмѣсто введенія, ласканіяхъ, которыми она утвердила свою благодарность, Агатонъ началъ разсказывать слѣдующимъ образомъ свое повѣствованіе.

АГАТОНЪ.

КНИГА СЕДМАЯ.

Глава первая.

Первое юношество Агатона.

Я достигъ до осьмнатцати лѣтъ моего возраста, не имѣя ни малѣйшаго свѣденія о томъ, кому я бытіемъ моимъ имѣлъ благодарить. Съ самаго дѣтства возпитанъ будучи на освященныхъ Делфійскаго капища торжищахъ, пріобыкъ я взирать на жрецовъ Аполлона съ сими дѣтскими очами и съ сими чувствованіями, которыя мы обыкновенно въ первомъ возрастѣ имѣемъ къ тѣмъ, которые принимаютъ о нашемъ сохраненіи попеченіе. Меня еще

въ дѣтствѣ одѣли въ освященное платье, отличающее младыхъ рабовъ божіихъ отъ невольниковъ жрецовъ, и посвятили службѣ капища.

Кто видѣлъ Делфы (а), не удивится, что юноша, чувствительнаго сердца и возпитанный тамъ почти отъ самой колыбели, принимаетъ непримѣтно состояніе духа, отличающее его отъ обыкновенныхъ людей. Кромѣ особенной святосщи, приписываемой древнимъ предразсужденіемъ и мнимымъ присутствіемъ Пиѳійскаго Бога всѣмъ Делфійскимъ окрестностямъ, не было въ обширной окружности самаго капища и его зави-

(а) Храмъ Делфійскій былъ посвященъ Аполлону и прославился своими прорицаніями (Оракулами), своею Пиѳіею и своею Сивиллою. Онъ былъ препорученъ смотрѣнію Фокидянъ.

зависимостей ни единаго мѣста, которое бы не изполнено было какимъ нибудь достопочтеннымъ и блестящимъ предметомъ, или возпоминаніемъ какихъ чудесъ не препрославилось и не ввергало бы въ движеніе. Глаза мои были пріобучаемы къ воззрѣнію на толико чудныя вещи; а повѣствованіе всѣхъ удивленія достойныхъ приключеній, бывшихъ тому причиною или началомъ, было первымъ изустнымъ наставленіемъ, внушаемымъ мнѣ моими начальниками, приставленными къ моему возпитанію. Сей родъ наученія былъ для меня необходимъ, для изполненія должности мнѣ порученной. На меня положено было объяснять иностраннымъ, коими капище всегда наполнено было, картины, рѣзбы, образы, несказанное богатство подарковъ и дорогія рѣдкости, отъ коихъ своды и галлеріи онаго блистали.

Для новыхъ глазъ нѣтъ можетъ быть ничего ослѣпительнѣе, какъ взирать на чрезъ многія вѣки отъ толико многихъ государей, градовъ и особенныхъ богачей въ подарокъ во множествѣ собранныя сокровища, выработанныя изъ золота и сребра, драгоцѣнныхъ камней, слоновой кости и другихъ рѣдкостей (a). Но что касается до меня, пріобыкшаго взирать на оныя, скромная статуя Солонова (b) имѣла для меня больше прелестей, нежели всѣ блестящія досто-

(a) Гигесъ и Крезъ много споспѣшествовали неизчетнымъ богатствамъ, коими Делфійское капище было наполнено.

(b) Солонъ, одинъ изъ седми Греческихъ мудрецовъ, урожденецъ Аѳинскій и законодатель своего отечества. Онъ говаривалъ, что законы уподобляются паутинамъ, захватывающимъ только мушекъ; поелику наказываются только малые, а большіе спасаются своею довѣренностію.

стопамятности суевѣрной набожности, на которыя вскорѣ взиралъ я съ такою же презрительною холодностію, съ каковою обыкновенно взираетъ юношество на куклы и игрушки своего дѣтства. Хотя я еще былъ и неспособенъ дѣлать себѣ истинное понятіе о заслугахъ и истинномъ достоинствѣ обожаемыхъ ироевъ; однако часто остановляясь предъ ихъ образами, ощущалъ разсуждая объ нихъ, что сердце мое изполнено удивленіемъ и тайнымъ чувствованіемъ ихъ величества. Я не зналъ тому причины; но сіе было дѣйствіе внутренняго чувствованія, котораго я не могъ изобрѣсти начала. Великое множество различныхъ божествъ, подъ коими предки наши представляли сохранительныя силы природы, различныя совершенства человѣческаго духа и добродѣтели обходительной жизни, сдѣлали на меня силь-

нѣйшее еще впечатлѣніе. Я находилъ себя ими въ храмѣ и Делфійскихъ рощахъ отвсюду окруженна. Воображеніе, коимъ я былъ тогда оживотворенъ, приводило меня съ того времяни часто на разсужденіе, сколь много изящныя науки поспѣшествовать могутъ къ образованію нравоучительнаго человѣка, и сколь разумно поступили Греческіе жрецы, принявъ Музъ и Грацій, коихъ любимцы оказали имъ столь великія услуги, въ число самыхъ божествъ. Истинная польза религіи, сверьхъ того, что она соединена съ пользою церковнослужителей, кажется, зависитъ отъ силы впечатлѣній, которыя мы въ такихъ получаемъ лѣтахъ, въ которыя мы не способны еще дѣлать изысканія. Ежели бы изъ дѣтства не подавали намъ никакого понятія о богахъ и о ихъ богослуженіи; ежели бы, вмѣсто сбивчивыхъ и сомни-

мнительныхъ понятій, которыя мы о чрезъестественныхъ предметахъ получаемъ чрезъ басни и исторіи чудесъ, а въ постоянныя лѣта чрезъ музику и очарованіе подражанія, оставили чистымъ впечатлѣніямъ природы и разума изображаться единымъ въ нашихъ душахъ: то безъ сомнѣнія вѣроятно, что суевѣріе еще больше бы тогда имѣло труда преодолѣть разумъ, нежели сколько имѣетъ разумъ на прогнаніе суевѣрія въ такомъ случаѣ, въ которомъ большая часть находится людей, когда оно хотя единождьı овладѣло ихъ душами. Большая выгода, которую суевѣріе имѣетъ надъ разумомъ, зависитъ отъ того, что оно ему предшествуетъ. Но сколь легко ему очаровать тогда малолѣтную еще душу, когда всѣ сіи очаровательныя искуства, которыя, кажется, превозходятъ самое подражаніе въ подражаніи, соеди-

соединяютъ всѣ свои силы на овладѣніе возхищенныхъ чувствъ! Какъ мнѣ удержаться не вѣровать божеству Аполлона? Какое средство могло меня увѣрить, что я не чувствую дѣйствіе его втеченій и его присутствія? Возпитанъ будучи съ младенчества предъ его жрецами, посвященъ ему во услуженіе, изполненъ ихъ мнѣніями, капище его не должно ли возвѣщать мнѣ творенія и обиталище бога? Тому, который обыкъ видѣть предъ собою Аполлона Фидійскаго и свышечеловѣческое, которому знатоки толико удивляются, природѣ предмѣта, а не творческому приписывать духу! Я не знаю, справедливы ли понятія, которыя я имѣю о душѣ нашей; но мнѣ кажется, что въ каждой, достигшей извѣстнаго степеня просвѣщенія, мало помалу начертаваются понятія нѣкоторой мнимой изящности, которая, намъ непримѣтно

но; опредѣляетъ нашъ вкусъ и наше нравственное разсужденіе и дѣлается общимъ образцемъ, по которому наше воображеніе начертаваетъ особливые образы того, что мы великимъ, изряднымъ, высокимъ и превозходнымъ называемъ. А сіе мнимое изящество само раждается изъ сношенія и союза предметовъ, представляющихся намъ отъ начала жизни. По крайней мѣрѣ такъ я думаю, пока новые опыты не доведутъ меня до новыхъ и больше обширнѣйшихъ разсужденій. Оттуда, какъ опытъ кажется подтверждаетъ, столько находится различныхъ образовъ размышленія и чувствованія, сколько мы обрѣтаемъ различныхъ возпитаній и состояній въ человѣческомъ обществѣ; оттуда Спартанское иройство, Аттическая учтивость и Азіятская гордость; оттуда презрѣніе Геометра къ стихотворцу, или разсуди-

судительнаго купца къ разсужденіямъ ученаго, которыя кажутся ему безплодны, поелику онѣ не мѣняются ни на какіе Дарики (а), какъ его; оттуда глупая вещественность негоднаго рукомесленика, неученая стремительность мореплавателя, механическая нечувствительность воина и глупая хитрость поселянина; оттуда, наконецъ прекрасная Данае, бѣшенство сіе, которымъ мудрый Гиппіасъ попрекаетъ твоему другу Калліасу. Бѣшенство сіе, которое можетъ быть я вижу въ меньше возвышенномъ свѣтѣ съ того времяни, какъ я началъ думать, что я открылъ истинный источникъ, но которое я тѣмъ не менѣе почитаю за то состояніе духа, которое едино можетъ насъ подъ нѣкоторыми нужными ограничиваніями сдѣлать щастливѣе всякаго другаго.

Та-

(а) Золотая того времяни монета

Такимъ образомъ окруженъ предметами, возвышенными свыше человѣческой природы и самыми въ себѣ уже мнимыми, ты можешъ легко понять, прекрасная Данае, что сей вымышленный образецъ (модель), о которомъ я прежде упомянулъ, дѣлается также чуднымъ образомъ отвлачительнымъ, сколько былъ удаленъ отъ земнаго. Естественное дѣйствіе, которое сіе произвело надо мною, состояло въ томъ, что все, что я видѣлъ дѣйствительно въ возростшемъ возрастѣ, казалось мнѣ гораздо ниже того, что мое вообраэкеніе видѣть желало. Я былъ въ семъ положеніи духа, какъ одинъ изъ Делфійскихъ жрецовъ, изъ намѣреній послѣ открывшихся, предпріялъ великое дѣло, чтобы посвятить меня въ таинствахъ Орфеева любомудрія (философіи), единаго нашими священнослужителями высокопочитаемаго;

по-

поелику оно казалось, что самый разумъ привлекало на свою сторону, и вѣрѣ, отъ коея непоколебимой власти зависѣла ихъ, придавало твердѣйшее основаніе, нежели изустное преданіе и басни стихотворцевъ.

Жрецъ, въ которомъ я возбудилъ ревность, привезъ намъ изъ Египта тайную своего государства митологію. Ничто не сравнивалось съ возхищеніемъ, коимъ я тогда былъ объятъ, когда сей основатель нашего закона и учености ввелъ меня руками въ царство духовъ, и въ то время, когда уже высокія картины Гомера и Пиндара лишились своихъ для меня прелестей, посредѣ сего вещественнаго свѣта открылъ мнѣ новый свѣтъ, наполненный единственно безсмертными красотами и божествами.

Я былъ тогда въ томъ возрастѣ, въ которомъ мы, проснувшись изъ долгаго сновидѣнія дѣтства, думаемъ, что мы чувствуемъ себя самихъ въ первый разъ. О свѣтѣ насъ окружающемъ разсуждаемъ мы съ изумленными очами; мы ищемъ углубиться, и любопытствуемъ узнать собственную нашу природу и сіе зрѣлище, на которомъ видимъ себя безъ всякаго дѣла преселенными. Коль пріятна намъ въ семъ возрастѣ философія, которая пользу нашего любопытства съ сею склонностію къ чудному и съ сею трудобоязною вѣтренностію юношества соединяя, на всѣ наши вопросы отвѣчаетъ, объясняетъ всѣ загадки и рѣшитъ всякія задачи! Я былъ очарованъ. Философія сія тѣмъ болѣе сходствовала съ теплымъ и изполненнымъ чувствованія сердцемъ юношества, поелику она все нечувствительное

и мертвое изъ природы изгоняла, каждую пылинку творенія живо- творящимъ и воздушнымъ существомъ населяла, каждую точку времяни сокровенными приключеніями и великими явленіями, для будущихъ вѣчностей созрѣвающими, обогащала. Она представила мнѣ систему, въ которой показалось мнѣ твореніе столько же неизмѣримымъ, сколько его Творецъ. Я не видѣлъ въ явномъ смятеніи природы, кромѣ величественнаго согласія. Правленіе нравоучительнаго свѣта представляло мнѣ непремѣнный планъ. Что скажу тебѣ прекрасная Данае? Глаза мои не усматривали во всѣхъ сихъ классахъ и во всѣхъ сихъ родахъ безчисленнаго множества существъ ничего, кромѣ единаго состоянія, въ запутанныхъ движеніяхъ всѣхъ вещей, кромѣ общаго правила. Они видѣли въ душѣ нашей будущаго бога, въ разрушеніи нашего тѣла обно-

обновленіе въ наше первобытное совершенство, и наконецъ въ мрачной безднѣ будущаго ясные проспекты и безпредѣльныя веселія и блаженства.

Система сія хороша сама въ себѣ, лестна для нашей кичливости, весьма согласна съ нашими сокровенными желаніями и существеннѣйшими нашими побужденіями; чего для мнѣ долженствовало почитать ее при первомъ возрѣніи за истинную, а особливо въ такомъ возрастѣ, въ которомъ все великое и трогательное имѣетъ толико надъ нами власти. Единыя подозрѣнія и единыя желанія дѣлаются здѣсь опытами и сильнѣйшими доказательствами. Бросимъ только единое воззрѣніе на природу: какое величество! какое таинственное и божественное чудо! Можно ли когда опасаться помыслить о ней весьма велико?

 Вну-

Внутренняя сила, при каждомъ возмущающаяся сомнѣніи, заставляетъ меня чувствовать, что сіе согласіе съ нашими благороднѣйшими склонностями говоритъ ей въ угодность и есть истинное изображеніе правды. Я вижу въ сихъ сновидѣніяхъ, которыя кажутся столько дерзновенны вещественному человѣку, для нашея души болѣе дѣйствительности, болѣе содержанія и ободренія, обильнѣйшій источникъ спокойствія и радости и гораздо надежнѣйшее основаніе нашего собственнаго блаженства, нежели во всемъ томъ, что чувства намъ ни имѣютъ предложить пріятнаго и хорошаго. Однако я взпомнилъ, что сіе есть исторія моея души, къ которой я обязался, а не оправданія моего образа разсужденія. И такъ сего довольно, ежели я тебѣ скажу просто, что ученія Орфеевой и Пиѳагоровой философіи о богахъ, при-

о природѣ, о душѣ нашей, о добродѣтели и о всемъ составляющемъ высочайшее благо человѣческое, овладѣли совсѣмъ моимъ духомъ. Всѣ мои понятія основались на сихъ правилахъ. Онѣ оживотворили всѣ мои желанія, и весь мой поступокъ, такъ, какъ всѣ мои начертанія для будущаго, согласовались съ планомъ жизни, соразмѣренной по симъ правиламъ, и я былъ онымъ безпрестанно упражненъ.

Глава вторая.

Какъ боги разглагольствуютъ во время ночи съ душею.

Я былъ всегда предметомъ вниманія самаго жреца. Онъ мнѣ казался быть весьма довольнымъ чрезвычайнымъ вкусомъ, который находилъ я въ его высокихъ наставленіяхъ, и не преминулъ возхищеніе мое возвысить до тако-

го степени, который бы по его мнѣнію учинилъ меня способнымъ всему вѣрить и все сносить. Я былъ весьма молодъ и весьма простъ, чтобы имѣть хотя малѣйшее недовѣриваніе. Въ правотѣ собственнаго моего сердца приписывалъ я стараніе его благороднѣйшимъ намѣреніямъ. Прозорливость его поступила въ семъ такъ хорошо, что я наконецъ не могъ удержаться, чтобы не впасть самимъ собою и отъ своего собственнаго движенія въ увѣреніе, что я буду имѣть уже въ сей жизни сношеніе съ чрезъестественными духами. Мысль сія упражняла меня долго во мнѣ самомъ. Мы всегда находимъ то возможнымъ, чего съ крайнимъ желаемъ усердіемъ. Исторія первыхъ времянъ, казалось, укрѣпляла мою надежду. Боги открывались людямъ; они дѣлались чувствительными то въ сновидѣніи, то чрезъ явленія. Многіе изъ смер-

смертныхъ достигли уже до такой чести, что удостоились быть любимцами боговъ. Ганимедъ, Ендиміонъ, Адонисъ, и многіе другіе, были любимы божествами. Они всѣ мнѣ представились. Я сдѣлалъ о чемъ стихотворцы повѣствуютъ, изтолкованіе согласное съ высокими понятіями, которыя понялъ я о вышнихъ существахъ. Изящность и чистота души, отвлеченіе отъ предметовъ чувствъ, любовь къ безсмертнымъ и вѣчнымъ вещамъ казались мнѣ быть добродѣтелями, которыя лица сіи дѣлали богамъ пріятными и къ ихъ обхожденію способными. Я долго содержалъ тайно сіи мои мысли; но наконецъ открылъ ихъ Ѳеогитону (такъ назывался жрецъ). Онъ объяснился объ ономъ больше хитрымъ, нежели откровеннымъ образомъ, и тѣмъ любопытство мое раздражилъ, а не удовольствовалъ. Это таинства, сказалъ

 онъ

онъ мнѣ: но сколько бы я ни хорошее о тебѣ имѣлъ мнѣніе, однако еще не время оныя тебѣ открыть; я опасаюся ввѣрить твоему юношеству. Однако онъ къ тому примолвилъ, что возможность вещи никакому не подвержена сомнѣнію и совсѣмъ очаровалъ меня картиною, сдѣланною имъ о блаженствѣ тѣхъ, коихъ боги почли достойными допустить до своего тайнаго обращенія. Я просилъ его объ открытіи средствъ къ достиженію онаго; но таинственный и осмотрительный принятый имъ видъ побудилъ меня къ спокойному молчанію. Я рѣшился ожидать, пока онъ самъ за благо найдетъ объясниться объ ономъ пояснѣе. Онъ того не дѣлалъ; но возрождалъ столько случаевъ къ возпаленію моего оживотвореннаго уже любопытства, что я не могъ болѣе молчать. Я ему сдѣлалъ новые вопросы. Наконецъ

повелъ

повелЪ онЪ меня нЕкогда во глубину рощи, посвященной Аполлону. ОнЪ отворилЪ гротЪ, который жители земли издревле, имЕя обЪ ономЪ смЕшенное понятіе, почитали за жилище НимфЪ, коихЪ изтуканы, вырЕзанные изЪ Кипрскаго дерева и поставленные на раковинныхЪ подножіяхЪ, украшали по крайней мЕрЕ внутренность. Мы вЪ оный вошли со святымЪ почитаніемЪ.

ЗдЕсь посадилЪ онЪ меня на моховую лавку. „ Я хочу однако, „ сказалЪ онЪ мнЕ, сдЕлавЪ мнЕ прежде многообЕщательное предисловіе, „ я хочу тебЕ отверзть „ тайное божественнаго Гермесова „ и Орфеева любомудрія святилище. „ Тогда предписалЪ онЪ безчисленныя священныя умовенія, множество молитвЪ, куреній и другихЪ тайныхЪ обрядовЪ. Но духЪ мой окованЪ еще былЪ зем-

ными узами; то надлежало оныхъ свободиться и предуготовить его къ воззрѣнію на небесныхъ духовъ. Ежели я преминулъ единожды накурить благовоніями порядочнымъ образомъ, то уже я потерялъ всю надежду. — Притомъ не должно, примолвилъ онъ, чтобы ты щиталъ, не опуская ничего, что можно тотчасъ перенести блескъ божественнаго совершенства. Внимательные боги при началѣ закрываются вещественною завѣсою, а потомъ мало по малу пріобучаютъ насъ взирать на себя въ ихъ существенномъ видѣ. Безъ сего снизхожденія, означающаго ихъ благость, мы бы совсѣмъ истребились и уничтожились, что самые стихотворцы хотѣли дать знать чрезъ исторію Семелы. — Я былъ довольно простъ, что повѣрилъ, что всѣ сіи мнимыя таинства имѣютъ дѣйствительность. Я внималъ важному Θеоги-

гитону съ освященнымъ трепетомъ, и столько пользовался его наставленіями, что я день и ночь ни с чемъ другомъ не помышлялъ, какъ о чрезвычайныхъ вещахъ, о коихъ вскорѣ получу опытъ.

Ты можешъ себѣ представить, прекрасная Данае, было ли праздно въ сіе время мое воображеніе. Я бы не окончалъ, естьли бы я хотѣлъ все описывать, что тогда во мнѣ произходило. Какое очарованіе! Благополучные острова, толико Пиндаромъ описываемые великолѣпно, пиры боговъ, Елисейскія долины, жилище блаженныхъ душъ, Олимпъ, все сіе сдѣлалось моимъ удѣломъ.

Сколько бы сіе рѣдко ни казалось, однако то подлинно, что сила воображенія далеко превозходитъ все то, что природа ни представляетъ нашимъ чувствамъ.

Я скажу охотно, что она имѣетъ нѣчто блестительнѣе солнечнаго сіянія, нѣчто пріятнѣйшее самыхъ нѣжнѣйшихъ изпареній весны къ своимъ услугамъ, для вверженія внутреннихъ нашихъ чувствъ въ возхищеніе; она имѣетъ новые виды, высочайшіе цвѣты, совершеннѣйшія красоты, быстрѣйшія пріуготовленія, новое соединеніе причинъ и дѣйствій, другое время — однимъ словомъ, она творитъ новую природу и пересаждаетъ насъ дѣйствительно въ другіе свѣты, коихъ законы и правленіе совсѣмъ различны съ нашими. Побудительныя причины нашего собственнаго существованія не довольно намъ еще свѣдомы въ первомъ нашемъ юношествѣ, чтобы ясно вникнуть, что сіе видимое волшебство силы вооброженія въ самомъ дѣлѣ естественно. По меньшей мѣрѣ я былъ тогда довольно легковѣренъ, что при-

приписывалЪ сновидѣнія такого рода, коими я былЪ очарованЪ, чрезЪестественнымЪ втеченіямЪ и почиталЪ ихЪ яко за предвозвѣстниковЪ чудесЪ, которыя я скоро и бодрствуя изпытать надѣялся.

Я препроводилЪ осемь дней вЪ тайныхЪ обрядахЪ, предписанныхЪ мнѣ ѲеогитономЪ, и не пренебрегЪ ни малѣйшаго изЪ его посвященій, и прилагалЪ непрестанное стараніе отвлечь духЪ мой отЪ всѣхЪ внѣшнихЪ предметовЪ, и почиталЪ тогда, что я имѣю право ожидать нѣчто болѣе, нежели что со мною до сего приключилось. ВЪ глубокую ночь, когда все сномЪ покоилось, удалился я вЪ гротЪ НимфЪ. Я, пропѣвши нѣсколько высокихЪ и таинственныхЪ пѣсней и произнесши нѣкоторыя провозгласительные примѣры, возлегЪ обратясь лицемЪ кЪ

къ полной лунѣ, наполняющей свѣтомъ своимъ гротѣ, на лавку, и отдался воображенію, что бы со мною тогда было, естьли бы луна сошла съ своея серебряной сферы и сдѣлала меня своимъ Ендиміономъ. Посредѣ сихъ умоизступительныхъ представленій вздремалъ я нечувствительно; но — о небо! какое возхищеніе! - пріятный звонъ, который, казалося, парилъ надо мною въ нѣкоторомъ отъ меня разстояніи, разбудилъ меня нечаянно. Я тотчасъ узналъ, что онъ произходилъ отъ сего рода струннаго орудія, которое обыкновенно приписываютъ Аполлону, богу дня. Человѣку въ естественномъ своемъ положеніи показалось бы, что онъ слышитъ изрядную штучку искусной руки, и не обманулся бы. Но въ возторжномъ состояніи, въ какомъ я тогда находился, я бы почелъ можетъ быть совиный крикъ или

ква-

кваканье хора лягушекъ за пѣснь Музъ. Слышимая мною музика меня тронула, плѣнила, возхитила. Она превзошла въ моемъ мнимомъ воображеніи, поелику и воображеніе имѣетъ также свои чувствованія, все, что я слыхалъ. Аполлонъ единъ, отецъ согласія, онъ, который изобрѣлъ въ сферахъ сіе очаровывающее боговъ согласіе, онъ единъ могъ произвесть сіи чрезъестественныя ударенія. Душа моя, казалось, отъ того разлучилась съ своимъ тѣломъ и безъ ушей парила превыше облаковъ, какъ сія музика вдругъ замолкла и оставила меня въ замѣшательствѣ мыслей и душевныхъ движеній, не допустившихъ меня чрезъ цѣлую сію ночь сомкнуть очей.

Слѣдующаго дня разсказалъ я Ѳеогитону со мною приключившееся. Казалося, что онъ изъ то-

того не заключилъ никакого отмѣннаго приключенія; однако, разпрося меня обо всѣхъ обстоятельствахъ, согласился, что легко можетъ статься, что это былъ самъ Аполлонъ, или уповательно кто нибудь изъ Музъ Ты улыбнешся, Данае, естьли я тебѣ признаюсь, сколь молодъ я ни былъ, и не зная точно для чего, я бы желалъ, чтобы это была лучше которая нибудь изъ сихъ прелестныхъ сестръ. Я не пропустилъ ни единой ночи чтобы не побывать въ гротѣ, дабы услышать паки желаемую Музу. Но ожиданіе мое меня обмануло: это былъ самъ Аполлонъ. По нѣсколькихъ ночахъ, въ теченіе которыхъ я долженствовалъ довольствоваться нѣмымъ присутствіемъ Нимфъ кипарисныхъ деревъ, блестящее сіяніе, упавшее наконецъ въ гротъ и общею темнотою и моимъ умоизступленіемъ возхитившее

шее меня къ чрезъестественному свѣту, возвѣстило мнѣ о нѣкоторомъ чрезвычайномъ приключенiи. Разсуждай о моемъ возторженiи, когда я посредѣ ночи узрѣлъ предъ собою дневнаго бога, сѣдящаго на лучезарномъ облакѣ, который изъ любви ко мнѣ изторгнулся изъ объятiй прекрасной Ѳетиды. Златые власы вилися по его бѣлымъ раменамъ. Корона изъ лучей украшала главу его. Серебряная одежда, его прикрывающая, блистала тьмою драгоцѣнныхъ камней, и златая лира его лежала на его лѣвой рукѣ. ВообраЖенiе мое, споспѣшествующее мнѣ всегда кстатѣ, прибавило можетъ быть нужное къ совершенiю мнимой красоты. Но возторженiе и подобострастiе возпретили мнѣ мнѣ взирать пристальнѣе на видъ бога. Я думалъ, что ослѣплюсь и не перенесу сiянiя очей, всю освѣщающихъ подсолнечную.

 Онъ

Онъ собесѣдовалъ со мною. Онъ оказалъ свое удовольствіе къ моей услугѣ, похвалилъ горящее желаніе, съ которымъ я, презрѣвъ земныя вещи, посвятилъ себя небеснымъ. Онъ возбуждалъ меня продолжать итти симъ путемъ и отдаться страдательно втеченіямъ безсмертныхъ. Онъ меня увѣрилъ, что я определенъ умножить число благополучныхъ, коихъ онъ удостоилъ сдѣлать участниками особенныхъ своихъ милостей. Выговоря сіи слова изчезъ такъ нечаянно, что я ничего не могъ примѣтить. Но душа моя была столько предобладанна, что хотя бы Аполлонъ сыгралъ свою ролю много неискуснѣе, то и тогда бы не пришло мнѣ никакое противъ его божества сомнѣніе. Ѳеогитонъ, извѣщенный о семъ явленіи, пожелалъ мнѣ щастія. Онъ мнѣ къ сему случаю припомнилъ для усовершенія моего безумія всѣ при-

приключенія нашихъ древнихъ ироевъ, которые, бывъ нѣкогда любимцами боговъ, сдѣлались сами полубогами и имѣли жертвенники и священнослужителей. При концѣ не забылъ онъ дать мнѣ наставленіе, какъ поступить мнѣ съ богомъ при вторичномъ явленіи. Особливо увѣщевалъ онъ меня удерживать обо всемъ мое разсужденіе, ничему не удивляться и памятовать всегда о предписаніи нашей философіи, требующей отъ насъ совершеннаго недѣйствія, ежели боги соблаговолятъ на насъ дѣйствовать. Надлежало столько быть просту, какъ я былъ, чтобы не примѣтить змія, кроющагося подъ сими цвѣтами. Ничто, кромѣ разсмотренія сего освященнаго маскерада, не могло глаза мои разтворить. Я не могъ самъ собою подозрѣвать, чтобы склонность божества могла имѣть предметомъ корысть. Я болѣе во-

воображалЪ, что любопытство мое получитЪ изЪ того великія выгоды, и я буду больше, нежели человѣческими, одаренЪ преимуществами. Выясненія Аполлона удивили меня, а дѣянія его еще болѣе. НаконецЪ открылЪ я то, что ты уже за долго прежде предвидѣть долженствовала. Мнимый богЪ былЪ самЪ ѲеогитонЪ. Лишь только игра его открылась, то онЪ перемѣнилЪ языкЪ, не уничижая себя. ОнЪ старался меня увѣрить, что онЪ игралЪ сію комедію на тотЪ только конецЪ, чтобы убѣдить меня вЪ суетѣ богомудрія, кЪ которому примѣтилЪ что я побѣжденЪ любовію. ОнЪ вывелЪ изЪ того слѣдствіе, что все глаголанное о богахЪ было хитрыхЪ головЪ изобрѣтеніе, коимЪ они женщинЪ и легковѣрныхЪ юношей старались заманить вЪ свои мрежи. ОднимЪ словомЪ, чтобы не употребить вотще труда толико

лико благовыдуманнаго и толиками машинами подкрѣпляемаго обмана, онъ употребилъ, въ намѣреніи увѣрить меня въ своемъ добромъ предпріятіи, все то, что невоздержная страсть можетъ внушить безстыдному презрителю боговъ. Я ему за его злобу выговаривалъ съ гнѣвомъ, который мнѣ придалъ довольно силъ, чтобы отъ него отстать. Въ слѣдующій день имѣлъ онъ безстыдство продолжать священнослужительскія должности съ такимъ же лицемѣрнымъ благоговеніемъ, съ какимъ обманывалъ меня и всякаго другаго до сего. Онъ не допустилъ примѣтить въ своемъ противу меня поступкѣ ни малѣйшей перемѣны, и казалося, что онъ столь мало помнитъ о прошедшемъ, какъ будто бы выпилъ всю Летею. Поступокъ сей умножилъ весьма мое безпокойство. Я не могъ понять, чтобы были та-

кіе люди, которые бы посредѣ изступленія порока умѣли удержать спокойствіе и ясность, естественныхъ спутниковъ невинности. Но чрезъ нѣсколько по томъ времяни свободила меня неосторожность сего обманщика отъ страха, въ которомъ онъ съ исторіи въ гротѣ находился. Θеогитонъ изчезъ изъ храма и изъ Дельфъ, такъ, что никто не узналъ тому собственной причины; но изъ того, что между собою шептано было на ухо, началъ я догадываться, что Аполлону наконецъ наскучило допустить другаго играть свое лице. При томъ присказывали, что одинъ изъ моихъ молодыхъ сотоварищей, родственникъ великаго жреца, подалъ случай къ его удаленію.

Сіи приключенія довели меня естественно до многихъ новыхъ разсужденій; но склонность моя

къ

къ чудесному и любезныя мои воображенія ничего при томъ не потеряли. Онѣ выиграли, когда я ихъ заключилъ самъ въ себѣ и единыхъ безсмертныхъ содѣлалъ свидѣтелями того, что произходило въ моей душѣ. Я продолжалъ быть изправленію онаго по правиламъ Орфеева любомудрія моимъ главнымъ упражненіемъ. Я началъ вѣрить, что не возможно быти никакому другому сношенію между высочайшими существами и человѣками, кромѣ мнимаго общенія. Ничто, кромѣ чистоты и изящности нашей души, думалъ я, не можетъ содѣлать насъ предметомъ благоволенія того неизреченнаго, общаго и высочайшаго духа, отъ котораго всѣ прочія, яко планеты отъ солнца свой свѣтъ, и вся природа свою красоту и непремѣнный получаютъ порядокъ, и единственно въ согласіи всѣхъ нашихъ силъ, помышленій и тай-

нѣйшихъ склонностей съ великими намѣреніями и общими законами сего обладателя видимаго и невидимаго свѣта находится истинное таинство къ тому соединенію съ онымъ достигнуть, которое должно быть естественнымъ опредѣленіемъ и послѣднею цѣлію всѣхъ желаній безсмертнаго существа. Ту духовную изящность души и сіе высокое напряженіе ея дѣйствительности по намѣреніямъ законодателя существъ думалъ я безопаснѣйше получить чрезъ разсужденіе природы, которую я себѣ представилъ яко зерцало, изъ котораго сущее, нетлѣнное и божественное на нашъ духъ изпускаетъ лучи и его мало по малу проникаетъ и наполняетъ своимъ величествомъ, яко солнечные лучи проникаютъ водяный пузырь. Я повѣрилъ, что твердое соглядание премудрости и благости, выблескивающей какъ изъ особенной

ной природы каждой части творенія, такъ и изъ плана общаго благоустройства цѣлаго, есть истинное и подлинное средство сдѣлаться намъ самимъ мудрыми и добрыми. Я упражнялся во всѣхъ сихъ правилахъ. Каждая новая мысль, во мнѣ произходящая, дѣлалась чувствованіемъ моего сердца. Такимъ образомъ прожилъ я благополучно нѣсколько лѣтъ въ семъ тихомъ и свѣтломъ состояніи духа, о которомъ я никогда не могу взпомнить безъ печальнаго удовольствія. Не зная, но щастливъ чрезъ сіе невѣденіе, что сіе состояніе не могло продолжаться, поелику оно долженствовало со страстями созрѣвающаго перемѣниться возраста; да хотя бы сихъ не было, неизбѣжимое свобожденіе, перемѣны человѣческихъ вещей никакъ не согласны съ симъ продолженіемъ внутренняго спокойствія и ясности,

которая можетъ только быть участкомъ невещественныхъ существъ.

Глава третія.

Любовь въ разныхъ видахъ.

Между тѣмъ достигши я до осмьнатцатилѣтняго возраста, началъ тогда, посредѣ пріятныхъ и высокихъ чувствованій, коихъ мой образъ разсужденія и мои упражненія казались быть неизчерпаемымъ източникомъ, ощущать въ себѣ пустоту, которой никакое воображеніе не могло наполнить. Я взиралъ на непремѣнныя природы явленія, толико кратъ мною виданныя, яко новыми глазами. Изящности ея имѣли для моего сердца нѣчто трогательное, чего я впрочемъ никогда симъ образомъ не чувствовалъ. Пѣніе птицъ, которому я не

не зналъ причины, казалось говорило мнѣ то, чего оно мнѣ еще никогда не выражало, и новоодѣвшіяся листомъ лѣса приглашали меня отдаться въ своихъ тѣняхъ роскошной задумчивости, которою я часто посредѣ высокихъ разсужденій противъ моея воли былъ преодолѣваемъ. Нечувствительно впалъ я въ нѣжную бездѣйственность. Мнѣ казалось, что я былъ только до сего въ воображеніи благополученъ, и сердце мое желало съ усердіемъ сыскать такой предметъ, въ которомъ бы я могъ наслаждаться тѣми мнимыми совершенствами дѣйствительно, кои я доднесь вкушалъ только яко въ сновидѣніи. Тогда въ первый еще разъ представились мнѣ прелести дружбы въ нечувствуемой мною до того еще никогда живности. Другъ, (воображалъ я себѣ) другъ успокоитъ сіе тайное желаніе моего сер-

сердца. Воображеніе мое представило себѣ Пилада; а желательное мое сердце увѣнчало сей изящный образъ всемъ, что мнѣ казалось любодостойнымъ, самыми тѣми внѣшними пріятностями, которыя въ моей системѣ составляли естественное юности украшеніе. И такъ я искалъ сего друга между цвѣтущею меня окружающею юностою. Стократъ думало унылое мое сердце, что его обрѣло; но краткій опытъ убѣдилъ скоро меня въ моемъ заблужденіи. Между толь великимъ множествомъ избраннѣйшихъ юношей, носящихъ одѣяніе Делфійскаго бога, не было ни единаго, котораго бы природа толико совершеннымъ со мною купно опредѣлила, какъ тонкость моихъ понятій требовала.

Около сего времяни случилось, что я имѣлъ нещастіе вдохнуть

вѣ верьховную жрицу смѣшную склонность, несоотвѣтственную ни ея священному состоянію ни ея лѣтамѣ. Долгое время поступала она со мною сѣ отмѣнною милостію, которое вниманіе приписывалѣ я матернему чувствованію, и отвѣчалѣ со всякимѣ высокопочитаніемѣ, должнымѣ изтолковательницѣ Аполлона. Представь себѣ, прекрасная Данае, вѣ сію минуту наисовершеннѣйшій образецѣ изтукана удивленія; то ты вообразишѣ, что изѣ меня содѣлалось, когда сія достопочтенная особа уничижилась мнѣ открыться, что вся довѣренность, предполагаемая мною между ею и Аполлономѣ, не довольна поставить ее свыше слабостей простѣйшихѣ дщерей земли. Добрая сія госпожа находилась уже вѣ такомѣ возрастѣ, вѣ которомѣ смѣшно бы было захотѣть оспоривать сердце человѣка сѣ нѣко-

которыми опытами молодой сопернице. Но не урекая ей суетою, она могла почитать себя довольно прелестною подать первыя наставленія жадному всегда учиться новячку, за какого она меня почла основательно. Присовокупи къ симъ остаткамъ издревле преславной красоты видъ, въ какомъ обыкновенно изображается бѣлокурая Церера, большіе черные глаза, подъ коихъ притворною важностію роскошный тлится жаръ, и при всемъ томъ особенное попеченіе о себѣ самой, и хитрое искуство преимущества своихъ прелестей сопрягать со строгою цѣломудренностію своего жрицкаго одѣянія; то удобно уразумѣешъ по всѣмъ симъ чертамъ степень опасности, которой простота моея юности при сихъ ея подвергнулась подыскахъ.

Безъ сомнѣнія стояло ей великаго труда преодолѣть первыя

затрудненія, которыя болѣе почтенія, нежели любви, вдыхающая женщина находитъ въ непокорныхъ предразсужденіяхъ осьмнатцатилѣтняго юноши. Состояніе ея возбраняло ей объясниться откровеннѣе; а моя стыдливость не разумѣла языка, который она принужденною нашлась употребить. Это правда, что къ сему языку никакого другаго не надобно учителя, кромѣ своего сердца; но мое къ нещастію сердце ничего и за нее мнѣ не сказало. Надлежало ей имѣть всю долгоупражняемую терпѣливость пожилой жрицы, чтобы не отрѣкаться тысячу разъ отъ намѣренія вразумить свои намѣренія человѣку составленнному изъ единыхъ воображеній. Однако наконецъ нашлась она принужденною употребить единую хитрость, отъ которой въ подобныхъ случаяхъ ожидать можно подлиннаго дѣйствія. Она обладала еще прелестями,

стями, которыя могли ослѣпить необычайныя глаза новичка. Смятеніе, въ которое ввергнула она меня первымъ сего рода изкушеніемъ, казалось ей быть хорошимъ прознаменованіемъ, и можетъ быть, что она бы менѣе въ своемъ обманулась ожиданіи, естьли бы обстоятельство, о коемъ ей совсѣмъ неизвѣстно было, не придало моему сердцу больше обыкновенной силы.

Добродѣтель наша, или тѣ дѣйствія, которыя имѣютъ видъ произтекать изъ толь чистоводнаго източника, имѣютъ весьма часто тайныя побудительныя причины, которыя естьли бы были видимы, лишили бы насъ естьли не всея, то по крайней мѣрѣ знатной части нашей заслуги. Коль легко противиться изкушенію страсти, естьли оно уничтожается сильнѣйшею!

Не

Не задолго предъ помянутымъ прекрасною Пиѳіею физическимъ изкушеніемъ прилучился праздникъ Діаны, торжествуемый со всякимъ великолѣпіемъ, которымъ почитали себя обязанными сестрѣ Аполлона. Всѣ дѣвицы свыше четырнатцати лѣтъ пришли туда одѣты въ платьѣ бѣлизною подобномъ снѣгу, съ разпущенными власами, главы и руки обвиты вѣнками изъ цвѣтовъ, припѣвая гимны въ похвалу дѣвической богинѣ, заступницѣ ихъ невинности. Самыя полупогасшія очи оживотворились при воззрѣніи на толь многочисленное множество младыхъ красотъ, коихъ малѣйшая прелесть была наипрохладительнѣйшимъ цвѣтомъ юношества. Разсуждай, прекрасная Данае, могъ ли тотъ, котораго первый блескъ разцвѣтающаго луга ввергалъ въ нѣкоторый родъ возхищенія, при такомъ явленіи остаться нечув-

 стви-

ствительнымЪ? Взгляды мои блудили вЪ нѣжномЪ смятеніи между сими пріятностями изполненными красотами; но скоро утвердились они на одной, которой первое воззрѣніе не оставило сердцу моему никакого желанія взглянуть на нѣчто другое. МожетЪ быть иный едва бы отмѣнное между толикими красотами примѣтилЪ вЪ ней. Преизрядный ростЪ, сразмѣрнѣйшія черты, долгіе власы, коихЪ волнующіеся локены досязали до колѣней, и чистѣйшій юношескій румянецЪ, подобящійся розамЪ и лиліямЪ, имѣла она общія со всѣми своими подругами. Многія между ими превозходили ее вЪ нѣкоторыхЪ чертахЪ красоты, коими она не обладала. МожетЪ быть живописецЪ, которому бы поручено было для образца выбрать вЪ сей прелестной толпѣ прекраснѣйшую, ее бы прошелЪ. Но сердце мое не разсуждало по пра-

правиламъ искуства. Я чувствовалъ, или думалъ чувствовать, (что въ разсужденіи дѣйствія всегда едино,) что ничто не можетъ быть любви достойнѣе, кромѣ сея младой дѣвицы. Я не думалъ о томъ, чтобы ее сравнивать съ другими: она помрачала всѣхъ прочихъ въ моихъ глазахъ. Такой, помышлялъ я самъ въ себѣ, должна имѣть видъ невинность, ежелибъ она, чтобы быть видимою, заняла видъ; столько трогательны были бы черты ея лица, глаза ея изливали бы такую же пріятность, съ такою же бы нѣжностію улыбались ея ланиты, таковы же были бы ея взоры, ея походка и всѣ ея движенія. Сія минута произвела въ душѣ моей такую перемѣну, которая мнѣ, когда я въ слѣдствіи сдѣлался способнымъ размышлять о моемъ состояніи, казалась быть подобна прехожде-

 нію

нію вЪ новый и совершеннѢйшій родЪ бытія. Но тогда я былЪ чрезмѢрно поглощенЪ чувствованіями, чтобы мнѢ о себѢ самомЪ быть довольно свѢдому. Возторженіе мое простиралось такЪ далеко, что я ничего болѢе о великолѢпіи праздника не примѢтилЪ, и во первыхЪ, когда все совершенно изЪ глазЪ моихЪ изчезло, пришелЪ я обратно самЪ вЪ себя какЪ отЪ внезапнаго пораженія. Теперь я имѢлЪ трудЪ убѢдить себя, что я пробудился не отЪ сновидѢній, вЪ коихЪ воображеніе мое, возхищенно вЪ небесныя сферы, представляло мнѢ нѢкогда подобные предметы. Печаль лишиться толь сладкаго зрѢлища не могла никакЪ уменьшить совершеннаго удовольствія, коимЪ изполнена была внутренность моего существа. ЦѢлый сей вечерЪ и большую часть ночи всѢ силы моея души не имѢли никакого другаго упра-

упражненія, какъ начертавать себѣ мысленно сей любезный образъ до малѣйшихъ чертъ со всѣми его неизтолковательными прелестями, -- которыя можетъ быть я единъ въ подлинникѣ примѣтилъ -- и съ такою живностію, которая ему всегда придавала новыя изящности. Сердце мое украсило его всемъ, что природа ни имѣетъ пріятнаго, всѣми преимуществами духа, всякою нравственною красотою, всемъ, что по моему образу разсужденія было совершеннѣйшимъ и превозходнѣйшимъ. Какая та картина, которую любовь снабдѣваетъ красками! -- Но однако думалъ я всегда, что мало сдѣлалъ; напрягалъ всѣ силы моего воображенія сыскать нѣчто лучшее самаго изящнаго для совершенія понятій, которыя я въ мысли своей воображалъ о моей прекрасной незнакомкѣ, и превратить такъ сказать въ самый подлинникъ. Сія лю-

любви достойная особа примѣтила меня въ самое то мгновеніе, когда я ее узрѣлъ, и произходило нѣчто, какъ она мнѣ сама въ слѣдствіи призналась, съ движеніями моего сердца согласное въ ея сердцѣ. Я взпомнилъ, (и какъ бы могъ я предать забвенію самое малѣйшее ея движеніе?) что взоры наши встрѣчались нѣсколько разъ, и что она при каждомъ со стыдливостію, покрывающею все ея лице розовымъ цвѣтомъ, глаза свои потупляла. Я былъ неискусенъ и въ самомъ дѣлѣ также скроменъ заключать изъ сего обстоятельства нѣчто особенное въ мою пользу. Но однако взпомнилъ о томъ съ толико внутреннимъ удовольствіемъ, какъ будто бы предчувствовалъ, коль облагополучатъ меня слѣдствія онаго. Я не имѣлъ сея обыкновенно льстящей насъ суеты, что мы любезны; я ни

ѿ чемъ меньше не помышлялъ, какъ о средствахъ быть взаимно любиму. Но красота душевная, которую я зрѣлъ начертанну въ ея лицѣ, сія тихая ясность, усклабляющаяся изъ-за естественной важности ея чертъ, вдыхала въ меня надежду, что я буду любимъ. Какое небо благоденствія и веселія отверзала надежда сія предо мною! Какія перспективы! Какое возхищеніе, когда я себѣ представлялъ, что вся моя жизнь при ея зрѣніи и на ея потечетъ сторонѣ!

Толь живыя надежды предполагали, что я паки ее отыщу, и сіе моленіе влекло съ собою всеестественно желаніе знать, кто она такова была. Но кого могъ я спросить? Я не имѣлъ такого друга, которому бы я дерзнулъ открыться. О всякомъ другомъ думалъ я, что онъ при таковомъ вопросѣ всю мою тай-

ну въ моихъ глазахъ прочитаетъ; а любовь, сія весьма добрая совѣтоподательница, заставила меня уже проникнуть, коль великой то важности, чтобы до Пиѳіина слуха ни малѣйшей такой не дошло вещи, чтобы ей могло измѣнить состояніе моего сердца, или подать ей случай къ недовѣрчивому наблюденію моего поступка. И такъ я заключилъ мое желаніе во мнѣ самомъ и ожидалъ съ нетерпѣливостію, пока какой нибудь любви моей благопріятствующій духъ притечетъ ко мнѣ на помощь для споспѣшествованія сему вожделѣнному открытію. По нѣсколькихъ дняхъ случилось, что я, прохаживаясь въ одномъ изъ притворовъ капища, — коль небесное явленіе! — встрѣтился съ моею любезною незнакомкою. Страхъ быть кѣмъ нибудь примѣчену удержалъ меня въ самую ту минуту, когда я спѣшилъ на нее

и

и хотѣлъ открыть радость мою о семъ неожидаемомъ повстрѣчаніи движеніями и можетъ быть возхищеніями. Она, узря меня, остановилась на нѣсколько минутъ и взирала на меня. Я мнилъ видѣть на ея прекрасномъ лицѣ выступающее внезапное удовольствіе. Она зарумянилась, потупила паки глаза и спѣшила оттуда. Я не дерзнулъ за нею слѣдовать; но душа моя улетѣла съ нею, а глаза мои провождали ее въ слѣдъ елико можно было, и я увидѣлъ, что она пришла ко дверямъ, ведущимъ въ жилище жрицы. Я удалился въ рощу, чтобъ отдаться свободнѣе моимъ о семъ пріятномъ явленіи размышленіямъ. Послѣднее обстоятельство и ея одежда возродили во мнѣ подозрѣніе, что она уповательно единая изъ служанокъ Пиѳіи, коихъ сія госпожа великое имѣла множество, но которыя кромѣ особенныхъ

торжествѣ рѣдко видимы были. Открытіе сіе упражняло меня по всей важности, которую оно имѣло для меня, какъ я, дѣйствительно въ самое докучнѣйшее въ свѣтѣ время, былъ позванъ къ нѣжной жрицѣ. Надежда увидѣть можетъ быть паки при семъ случаѣ мою возлюбленную незнакомку дѣлала мнѣ съ начала приглашеніе сіе весьма пріятнымъ. Но радость моя скоро уступила мѣсто печальной мысли: коль трудно будетъ тогда чувствованія къ ней мои скрывать отъ глазъ соперницы! Искуство притворства было мнѣ неизвѣстно, и движенія моея души начертавались весьма скоро и ясно въ моей внѣшности, такъ, что я могъ почитать себя безопаснымъ при всѣхъ моихъ стараніяхъ быть осторожнымъ. Воображенія сіи придали мнѣ, какъ я думаю, нѣсколько смущенный видъ, когда предсталъ я предъ Пиѳіею.

Но

Но не нашедъ у нее никого, кромѣ малинькой лѣтъ девяти или десяти невольницы, прохладился я паки скоро. Сама она казалась быти упражненна своими собственными движеніями, чтобы за моими имѣть точное вниманіе; или (что по крайности столько же правдовидно) она изтолковала перемѣну, которую надлежало ей примѣтить въ моемъ лицѣ, въ угодность своихъ прелестей. Она могла упователько тѣмъ большаго отъ нихъ надѣяться дѣйствія, чѣмъ болѣе она старалась придать имъ весь ихъ блескъ и показать ихъ въ томъ свѣтѣ, который толь живо оживотворяетъ воображеніе въ пользу чувствъ. Она сидѣла или лежала (поелику она находилась въ среднемъ изъ сихъ положеній) въ богато серебромъ и жемчугомъ шитой отдыхальной постелѣ. Вся ея уборка имѣла сію изящную нерадивость, въ которую

рую скрадываетъ хитрымъ образомъ искуство, естьли оно не желаетъ быть почтено за то, что оно пришло на помощь природѣ Платье ея, котораго скромный цвѣтъ, сразмѣрный сколько ея собственной, столько ея достоинства благопристойности, хотя волнилося около ея во многихъ складкахъ; но оно и о томъ старалось, чтобы отовсюду и безъ принужденія изрядные сгибы того, что ими прикрыто было довольно ясно, чтобы привлечь глаза и возбудить любопытство. Прекрасныя ея объятія видны были почти всѣ въ широкихъ полуподобраннымъ рукавахъ; а движеніе содѣланное ею въ продолженіи нашего разговора какъ будто нечаянно, обнажило изъ-подъ легкаго ея покрова перси, довольно прелестныя помолодить лице ея двацатью годами. Наконецъ она примѣтила сію небольшую разстройность; но

средство, чрезъ которое она дѣла старалась приводить паки въ порядокъ, было сопряжено съ неудобствомъ, что чрезъ то показала ногу, которою прекрасная могла хвалиться Спартанка. Глубокая безпристрастность, въ которой меня всѣ сіи прелести оставили, была безъ сомнѣнія причиною, что я могъ дѣлать примѣчанія, къ которымъ бы тронутый зритель не имѣлъ вольности. Между тѣмъ родъ цѣломудренности, котораго жаръ чувствовалъ я вмѣсто доброй Пиѳіи на моихъ щекахъ, далъ мнѣ видъ смятенія, коимъ госпожа, (которая въ сомнительныхъ случаяхъ всегда разсуждала въ угодность своего самолюбія) казалось, нарочито была довольна. Она чаятельно приписывала сіе боязливой нерѣшимости, или стязанію между почтеніемъ и любовію, что я (не взирая на сильное впечатлѣніе,

ею

ею на меня содѣлываемое) ей никакого не подавалъ случая подвергнуть изкушенію нѣжность ея добродѣтели. Она угадывала, что я имѣлъ нужду въ ободреніи, къ которому бы и въ довольно упражнявшемся любовникѣ не можно было приступить. Но какъ? Искуство, приписываемое мнѣ въ чтеніи стихотворцевъ, послужило ей прикрытіемъ предложить мнѣ препровожденіе времяни, отъ котораго она могла надѣяться нѣкотораго въ семъ намѣреніи успѣха. Она увѣряла меня, что Гомеръ любимый ея творецъ, и просила меня сдѣлать опытъ моего почитаемаго въ чтеніи дарованія. Она взяла Гомера, который подлѣ ее лежалъ и притворилась искавши нѣсколько времени, будто бы для нее все равно, какая бы пѣснь ни была. Она подала мнѣ первую лучшую въ руки; но къ нещастію была та точно самая пѣснь,

въ которой Юнона, украшенна поясомъ Венеры, отца боговъ ввергаетъ въ толь живое возпоминаніе юности ихъ любви. Возторженна будучи стихотворческимъ огнемъ, въ сей картинѣ возпламеняющимся, и сладкимъ согласіемъ Гомеровыхъ стиховъ, не примѣтила, въ какой обманчивый безпорядокъ вверглась часть ея уборки отъ движенія чинимаго ею въ удивленіи. Она взяла отъ сея притчи поводъ учинить предметомъ разглагольствія неограниченную силу бога любви. Она, казалось, изъявила къ сему мнѣнію свою благосклонность, что мысль возжелать толико сильному противиться божеству можетъ родиться только въ весьма наглой душѣ. Согласіе, поданное ей мною на сіе мнѣніе, потеряло всю заслугу, которую оно могло имѣть въ ея глазахъ, чрезъ ограниченіе, коимъ я его проводилъ; поелику

я

я утверждалъ, что большая часть людей въ понятіяхъ, которыя они себѣ о семъ богѣ дѣлали, великой должности „ о божествѣ помышлять только достойнѣйшее и „ совершеннѣйшее „ весьма близко приступаютъ, и что стихотворцы чрезъ весьма роскошное скрытныхъ своихъ басней изображеніе въ сей части не сдѣлались виновными ни въ малѣйшемъ преступленіи. Нечувствительно вступилъ я въ сильное возторженіе, въ которомъ я по правиламъ моея таинственной философіи о духовной любви, которая есть путь къ воззрѣнію существенной изящности, о любви разправляющей крылья души, надмѣваетъ ее каждою добродѣтелію и каждымъ совершенствомъ и совлекаетъ ее наконецъ чрезъ соединеніе блага въ бездну свѣта, спокойствія и непремѣннаго веселія, въ которомъ она совершенно поглощается и въ то же

время уничтожается и обожается. Столь высокія, мнѣ самому по моему воображенію весьма ясныя, но прекрасной жрицѣ столь невразумительныя, сказалъ я вещи, что она въ такомъ же отношеніи, сколько мое воображеніе при томъ разгорячалось, мало по малу отъ того усыпилась. Въ самомъ дѣлѣ не могло ничто при воззрѣніи на толико прекрасныя перси, обнаженныя моимъ глазамъ, быть рѣже похвальной на духовную любовь рѣчи; и обманутая Пиѳія по такомъ опытѣ лишилась всея надежды, по крайней мѣрѣ въ сей вечеръ, настроить меня къ естественнѣйшему образу разсуждать и любить. Она говорила послѣ сего со мною о безпристрастныхъ вещахъ и не укоснила дать мнѣ знать, что я могъ ее оставить. Однако она, хотя двусмысленнымъ образомъ, дала уразумѣть, что она имѣетъ особ-

ливыя причины поступать со мною съ большимъ почтеніемъ, нежели съ другими причетниками Аполлона. Я уразумѣлъ изъ сказаннаго ею о томъ, что она родственница моего мнѣ самому еще неизвѣстнаго родителя, что ей уповательно скоро позволится открыть мнѣ тайну моего рожденія, и что я сіе долженъ приписывать сему ближайшему отношенію, когда она меня отличаетъ дружбою, которая бы мнѣ безъ сего обстоятельства можетъ быть могла показаться странною. Открытіе сіе, о коего истинѣ не заставлялъ меня видъ лица ея сомнѣваться, имѣло двойственное дѣйствіе: — увѣрить меня, что я могу въ моихъ мысляхъ о ея ко мнѣ обмануться чувствованіяхъ — и учинить ее вдругъ выгоднымъ для моего сердца предметомъ. Въ самомъ дѣлѣ началъ я съ тоя минуты, услыша о ея съ

мо-

моимъ отцемъ свойствѣ, взирать на нее совсѣмъ другими глазами, и уповательно что она бы отъ одного сего обстоятельства больше возпользовалась, нежели отъ всѣхъ хитростей, посредствомъ коихъ хотѣла она обладать всѣми моими чувствами. Но добрая госпожа или не вѣдала, сколько въ нѣкоторыхъ людяхъ выигрывается, естьли сыщешъ средство склонить сердце ихъ на свою сторону; или она страннымъ моимъ огорчилась поступкомъ, и думала, что она не можетъ лучше отмстить за презрѣнныя свои прелести, какъ естьли удалитъ меня въ ту же самую минуту, прочитавъ въ моихъ глазахъ, что я бы желалъ охотно остаться долѣе. Всѣ мои прозьбы о томъ, чтобъ она всѣ свои благости яснѣйшимъ открытіемъ тайны моего рожденія совершенными могла учинить, были тщетны: она меня отослала

отъ себя и имѣла довольно жестокости, что допустила протечи нѣсколькимъ недѣлямъ прежде, нежели могъ я предъ нею показаться. Во всякое другое время желаніе узнать тѣхъ, коимъ я имѣю благодарить за жизнь, учинило бы мнѣ сію отсрочку жестокимъ наказаніемъ. Но тогда потребно мнѣ было только на нѣсколько минутъ уединиться и предаться мыслямъ о моей возлюбленной незнакомкѣ для погашенія въ душѣ моей жрицы со всѣмъ ею мнѣ сказаннымъ и тѣмъ, что она мнѣ отказалась открыть. Мнѣ безконечно хотѣлось узнать, кто сія незнакомка и дѣйствительно ли (какъ я себя ласкалъ) чувствуетъ она то ко мнѣ, что я къ ней ощущалъ. Доколѣ я сего не зналъ, то я бы на открытіе быть королевскимъ наслѣдникомъ взиралъ съ холодностію. Взглядъ, который она сего вечера устре-

устремила на меня, казался обѣщать мнѣ такое благоденствіе, которое для моего сердца безконечно болѣе имѣло прелестей, нежели всѣ выгоды наиблестящей породы. Все мое бытіе проникнулось и озарилось симъ воззрѣніемъ, какъ чрезъестественнымъ свѣтомъ. Хотя я не различалъ ясно во мнѣ произходившее, но коль часто я ее ни представлялъ себѣ въ семъ положеніи, съ симъ воззрѣніемъ, съ симъ на пріятномъ лицѣ ея выраженіемъ, казалось, что сердце мое отъ любви и удовольствія разтоплялось въ чувствованіяхъ, для коихъ проницающей сладости не достало словъ къ выраженію. — Здѣсь былъ Агатонъ (котораго сила воображенія, разгорячась возпоминаніями прежней своея любви, начала брать изрядное, какъ видно, обращеніе) остановленъ довольно примѣтною въ лицѣ своея прекрасной слуша-

 тель-

тельницы перемѣною посредѣ течения своего безвремяннаго умоизступленія, и изъ своего осьмнатцатилѣтняго возраста, въ который онъ въ семъ маломъ возхищеніи былъ ввергнутъ, приведенъ былъ вдругъ паки въ Смирну, въ самого себя и предъ прекрасную Данаю.

Глава четвертая.

Продолженіе предыдущаго.

Старая примѣта, что женщинѣ то препровожденіе времяни не очень забавнымъ кажется, естьли разговариваешъ съ нею о впечатлѣніяхъ, содѣланныхъ другою на наше сердце. Чѣмъ болѣе въ такомъ случаѣ показываемъ мы жара, истины и краснорѣчія, тѣмъ лучше наши образы, тѣмъ лучше выраженіе, и тѣмъ извѣстнѣе ласкаемъ мы себя надеждою усыпить нашу слушательни-

ницу. Сіе наблюденіе тотъ особливо помнить долженъ, который дѣйствительно имѣющуюся у него любозницу исторіею своихъ прежнихъ любовныхъ чудесъ питаетъ. Агатонъ, будучи еще довольно далекъ отъ того, чтобы повелѣвать своимъ воображеніемъ, совсѣмъ опустилъ изъ глазъ сіе правило при разсказываніи нѣкогда своея прежней любви. Живость его напоминаній, казалось, премѣнила его въ чувствованія. Онъ никакъ не разсуждалъ, чтобы менѣе соблазнительно было разговаривать съ любовницею со всею метафизикою вразумительной любви, нежели съ толико въ возторженіе приводящими описаніями преимуществъ другой и чувствованій, кои она вдохнула. Нѣкоторый родъ средоточія между позевотою и вздохомъ, вырвавшійся у нее на мѣстѣ, гдѣ мы прервали его исторію, и нѣкое выраженіе скуки, изторгнувшее-

ся изъ принужденнаго вида удовольствіе приносящаго вниманія, дали ему наконецъ примѣтить свою безразсудность. Онъ пребылъ съ минуту въ изумленіи, лице его покрылось румянцемъ, и не много не дошло до того, что чуть не потерялъ отъ сего связь своея исторіи. Однако онъ довольно скоро пришелъ опять самъ въ себя и укрѣпился, чтобъ подать своему замѣшательству какую случайную причину, и продолжалъ свою повѣсть, твердо вознамѣрясь внутренно точнѣе примѣчать за самимъ собою и сократить сколько возможно свои описанія.

Пріятныя мечтанія, (продолжалъ онъ) въ коихъ сердце мое любило колебаться, не имѣли довольно дѣйствительности подкрѣплять долго мою душу въ семъ пріятномъ состояніи. Нѣжная задумчи-

думчивость, которая однако была не безъ рода услажденія, овладѣла толь сильно мною, что стояло труда ее скрывать отъ тѣхъ, съ коими я былъ обязанъ препровождать часть дня. Я искалъ уединенія; но не имѣя въ цѣломъ днѣ, какъ нѣсколько только часовъ, въ моей власти, началъ я паки въ рощахъ окружающихъ храмъ препровождать въ бодрствіи съ моими мыслями и образомъ моея незнакомки цѣлыя ночи. Въ одну изъ сихъ ночей случилось, что я нечаянно удалился отъ пути въ сторону лѣса, который имѣлъ видъ дичи, но наипріятнѣйшей, какую только можно себѣ вообразить. Посредѣ оной роща обвившись около себя представляла изогнутый лабиринтъ, украшенный высокими кипарисами и множествомъ кусточковъ, кои природа ихъ вынѣжившая чудесно разсадила. Едва же удалишся отъ

 пря-

прямой дороги, то проникнешь въ средину и найдешь открытое мѣсто, обложенное съ одной стороны дикими лаврами полукружіемъ, изъ коихъ каждый рядъ былъ другаго возвышеннѣе; другая же сторона увѣнчана была слегка только низкими миртами, серебаринникомъ и жасминами. Средина онаго упражнена была Нимфами изъ бѣлаго мармора, кои, казалось, спали на своихъ урнахъ, или сосудахъ подъ пріятнымъ журчаніемъ источниковъ, стремящихся изъ каждаго урна въ пространный изъ чернаго граненаго мармора бассейнъ, служащій лѣтомъ госпожамъ, живущимъ подъ покровительствомъ Делфійскаго Аполлона, вмѣсто купальни. Мѣсто сіе (по древнему преданію) было посвящено Діанѣ. Никакая мужеская нога не дерзала, подъ наказаніемъ навлечь на себя гнѣвъ сея неупросимой богини, отважить-

житься приближиться къ ея освященному мѣсту. По видимому сдѣлала богиня изключеніе изъ милости къ невинному бродягѣ, который (безъ малѣйшаго намѣренія нарушить ея спокойствіе, и при томъ не вѣдая, куда онъ шелъ) заблудился въ семъ освященномъ мѣстѣ. Ибо вмѣсто того, чтобы допустить меня возчувствовать свой гнѣвъ, удостоила меня явленіемъ, которое мнѣ стократъ милѣе было, нежели бы она сошла сама и приняла меня за Ендиміона. Поелику я въ самую минуту сего явленія взпомнилъ, что мнѣ часто для лучшаго избѣжанія дѣлано было описаніе о семъ очарованномъ мѣстѣ, на коемъ я находился: я его узналъ, и при первомъ воззрѣніи на красоту, поразившую мой взоръ, пришло мнѣ дѣйствительно на мысль, что это богиня, которая, утомясь можетъ быть на охотѣ, покоилась

коилась между своими Нимфами. Поколебанъ будучи освященнымъ трепетомъ, хотѣлъ было я отступить ногою, какъ при лунномъ съ стороны упадающемъ сіяніи и при помощи внимательнаго взиранія, примѣтилъ я, что это была дражайшая моя незнакомка. Я не хочу покуситься описывать, въ какомъ въ сію минуту веселіи находилась душа моя: оно было одно изъ тѣхъ, о коихъ я осмѣливаюсь только взпомнить, чтобы думать, что существо, которое способно наслаждаться таковымъ блаженствомъ, наслаждается дѣйствительно веселіемъ боговъ. Теперь естественно не могъ я болѣе помышлять. чтобы удалиться не давъ себя примѣтить. Единственнымъ моимъ попеченіемъ было любви достойную уединенку въ такое время и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она никакого не могла надѣяться свидѣ-

дѣтеля, а всего менѣе изъ мущинъ, внезапнымъ не ужасать нашествіемъ. Положеніе, въ коемъ она, опершись на одну изъ марморныхъ Нимфъ возлежала, давало знать, что она находилась въ глубокомъ размышленіи. Я о ней разсуждалъ довольно долгое время, не будучи ею примѣченъ. Обстоятельство сіе позволило мнѣ перемѣнить собственное мое положеніе и взять такое, чтобы она, какъ скоро разтворитъ глаза, меня конечно узнала. Предпріятіе сіе имѣло желаемое дѣйствіе. Она узрѣвъ меня хотя и изумилась, однако очень скоро узнала и взирала на меня не съ такимъ ужасомъ, каковый могъ бы вдохнуть въ нее нѣкакій Сатиръ. Присутствіемъ моимъ, казалось, она больше была довольна, нежели обезпокоена. Всякій другой, да и самый Сатиръ, имѣлъ бы въ готовности учинить какое нибудь ласко-

вое

вое привѣтствіе для выраженія своея радости о толико прелестномъ явленіи. Не надобно было лучше сего случая, чтобы почетши ее за богиню, или по крайней мѣрѣ за подругу Діаны, откланяться ей сразмѣрно сему заблужденію. Но я, проникнутъ будучи новыми никогда неощущаемыми и неописанными чувствованіями, не могъ выговорить ни единаго слова. Могъ бы я повергнуться къ ея ногамъ; но боязненность, которая съ первою любовію столь нераздѣльно соединена, удержала меня. Я опасался, чтобы она изъ таковой вольности не учинила вреднаго понятія о глубокомъ высокопочитаніи, которое я къ ней чувствовалъ. Но моя незнакомка была не столько робка. Она поднялась съ мѣста съ сею кроткою пріятностію, которая ей при первомъ взглядѣ въ моихъ глазахъ отдала преимущество предъ всѣ-

ми

ми ея подругами, и отошла ко мнѣ нѣсколько шаговъ навстрѣчу. Какими судьбами обрѣтаю я здѣсь Агатона? сказала она гласомъ, который думаю я еще слышать: столь пріятно и столь трогательно, казалось, она непосредственно вкрадывалась въ мою душу. Въ сладкомъ замѣшательствѣ, въ которомъ я находился, не обрѣталъ лучшаго отвѣта, какъ ее увѣрять, что я никогда бы не осмѣлился обезпокоивать ее въ уединеніи, естьли бы надѣялся ее здѣсь найти. Комплиментъ сей безъ сомнѣнія не столько былъ искусенъ, какой бы молодой Аѳинянинъ при таковомъ случаѣ сдѣлалъ; но Психе (такъ узналъ въ слѣдствіи, что названа была моя незнакомка) была слишкомъ безвинна, чтобы дожидаться комплиментовъ. Я признаю мою неосторожность, хотя нѣсколько поздно, отвѣчала она. Что поду-

думаетъ обо мнѣ Агатонъ, нашедши меня въ семъ отдаленномъ мѣстѣ и въ такой часъ единую? Но однако (примолвила она зарумянясь) къ щастію моему, естьли мнѣ и надлежало имѣть свидѣтеля моея неосмотрительности, что это былъ Агатонъ. Я ее увѣрялъ, что мнѣ ничто естественнѣе не представляется, какъ вкусъ, который она, кажется, находитъ въ уединеніи, въ тишинѣ толико прекрасной ночи и въ толико веселой странѣ. Я прибавилъ къ тому еще много о пріятности луннаго сіянія; говорилъ ей о величественномъ великолѣпіи звѣздами изпещреннаго неба; о возторженіи, которое торжественное молчаніе всея природы вдыхаетъ въ душу; о успокоеніи чувствъ и бдѣніи внутреннихъ таинственныхъ силъ и способностей нашей безсмертной части. -- Я не знаю, есть ли такія изъ

кра-

красавицъ, которыя бы посредѣ прїятной миртовой рощицы и въ приглашательномъ сумракѣ теплой лѣтней ночи слушали съ удовольствїемъ о таковыхъ прїятныхъ вещахъ. Но въ преизполненной чувствительностїю Псишѣ тронули онѣ ощутительныя струны ея сердца. Разговоръ, въ который мы непостижимо вступили, открылъ сходство въ нашемъ вкусѣ и въ нашихъ склонностяхъ, которое очень скоро столько же дружеское согласїе произвело между нашими душами, какъ будто бы мы уже нѣсколько лѣтъ любились. Мнѣ представлялось, какъ будто бы я все, что она ни говорила, чрезъ непосредственное воззрѣнїе читалъ въ ея душѣ; а съ ея стороны все то, что я ни говорилъ (сколько оно ни было отвлеченно, вымышленно и стихотворческо) казалось ей быть единымъ эхомъ, или отголоскомъ, соб-

 ствен-

ственныхъ ея чувствованій, или разверстіемъ такихъ понятій, которыя наподобіе зародышковъ лежали въ ея душѣ и имѣли только нужду въ нагрѣвательномъ дѣйствіи искуснѣйшаго духа, чтобы разкинуться и своею естественною красотою превзойти и остыдить самыя высокія мысли мудрыхъ. Время при семъ разглагольствіи показалось намъ такъ коротко, что мы думали, что мы не болѣе какъ около часа препроводили вмѣстѣ, какъ возходящая заря напоминала намъ о взаимномъ разлученіи. Изъ сего разговора узналъ я, что моя любезная столько же мало извѣстна была о своемъ рожденіи, какъ и я о моемъ. Все, что она могла мнѣ сказать состояло въ томъ, что она возпитываема была своею кормилицею въ окрестностяхъ Коринѳа до шестилѣтняго возраста; по томъ похищена разбойни-

камиё

ками и продана Делфійской жрицѣ, которая научила ее всѣмъ женскимъ художествомъ, и примѣтя въ ней особливую склонность къ чтенію, наставила ее и въ искуствѣ, какъ читать изправно стихотворцевъ, и послѣ сдѣлала ее свою чтицею. Обстоятельства сіи были не очень лестны для моей къ молодой Псишѣ любви. Но не безпокоясь ни мало о томъ, куда чувствованія, коими я былъ объятъ, въ своихъ слѣдствіяхъ наконецъ меня ни выведутъ, отдался я имъ со всякимъ добросердечіемъ юношеской невинности. Видѣть мою малинькую Псишу, ее любить, о семъ ей сказать, услышать изъ ея прекрасныхъ устъ, зрѣть въ ея изполненныхъ духомъ очахъ, что я взаимно ею любимъ — въ семъ днесь заключались всѣ блаженства мною желаемыя, опричь которыхъ я не предвидѣлъ никакихъ совершеннѣе. Я ей сказалъ

нѣчто о впечатлѣніяхъ, содѣланныхъ первымъ ея воззрѣніемъ на мое сердце. Она отвѣчала на сію откровенность признаніемъ, что общее почтеніе, пріобрѣтенное мною въ Дельфахъ, подало ей обо мнѣ благосклоннѣйшее мнѣніе. Но моя нѣжная и почтительная робкость не позволяла мнѣ осмѣлиться сказать ей обо всемъ мною къ ней чувствуемомъ. Выраженія мои были живы и огненны; но столько разнствовали отъ обыкновеннаго нарѣчія любви, что я менѣе думалъ сказать, выговорившй въ самомъ дѣлѣ безконечно болѣе, нежели обыкновенный любовникъ, обезпокоиваемый болѣе своими желаніями, нежели тронутый достоинствомъ своея любовницы. Но когда намъ надлежало разлучиться, то бы мнѣ преизполненное сердце мое измѣнило, естьли бы незнающее юношество прекрасной Псиши не лишило ее нѣкотораго

го невѣроятія въ чувствованіяхъ, о коихъ она по невинности своихъ собственныхъ разсуждала. Я утопалъ въ слезахъ и просилъ ее столь нѣжнымъ и побудительнымъ образомъ мнѣ обѣщать въ слѣдующую ночь притти опять на сіе мѣсто, что ей не возможно было отпустить меня отъ себя безъ утѣшенія. И такъ мы продолжали сіи ночныя свиданія, когда у насъ всѣ случаи видаться днемъ были пресѣчены, и любовь наша возрастала и украшалась видимо безъ помышленія нашего о томъ, что это любовь. Мы назвали сіе дружбою, и подъ симъ наимянованіемъ наслаждались чистѣйшими ея сладостями, не бывъ обезпокоиваемы никакими сомнѣніями, ревностію, или другими естественными знаками страсти. Псише желала себѣ другини, такъ, какъ я друга. Теперь думали мы оба, что нашли желаемое. Образъ нашъ

 раз-

разсужденія и благость нашихъ сердецъ вдохнули въ насъ взаимно совершенную и неограниченную довѣренность. Глаза, мои давно уже привыкшіе иначе смотрѣть, нежели какъ обыкновенно смотрятъ въ возрастѣ, въ какомъ я тогда находился, не зрѣли въ Псишѣ прелестную дѣвицу, но прекраснѣйшую и любезнѣйшую изъ душъ, коея духовныя прелести сквозь прозрачнаго флера земнаго одѣянія блистали; и любопытная Псише, которая никогда довольнѣе не была того, какъ когда я ей изъяснялъ высокія таинства моея стихотворческой философіи, воображала, что она слышитъ божественнаго Орфея, или самаго Аполлона, когда я говорилъ.

Такъ бываетъ въ существѣ любви (сколько бы она нѣжна и безплатна ни была), что она до тѣхъ поръ приращается, пока до-

достигнетъ цѣли, гдѣ природа, кажется, ее дожидается. И наша возрастала также, и прошла мало по малу чрезъ больше, нежели одно, превращеніе; однако пребывала всегда подобна сама себѣ. Но какъ имя дружества не казалось болѣе довольно сильнымъ къ выраженію того, что мы взаимно другъ къ другу чувствовали; то мы согласились, „что любовь „брата и сестры равно есть „сильнѣйшая и чистѣйшая изъ всѣхъ склонностей.„ Представленіе, нами объ ономъ содѣланное, возхитило насъ; и мы болѣзнуя очень часто, что природа отказала намъ въ семъ блаженствѣ, наконецъ удивлялись, какъ мы прежде не проникнули, что только отъ насъ зависѣло въ семъ случаѣ наградить ея скупость. И такъ мы были братъ и сестра, и пребывали въ ономъ состояніи нѣсколько времяни, не причинивъ ни

 ма-

малѣйшаго предосужденія ни довѣренностію, ни безвинными ласканіями, въ коихъ насъ имяна сіи уполномочили, добродѣтели, которой мы (по крайней мѣрѣ въ нашихъ глазахъ) клялись равно какъ любовію, такъ и вѣчною вѣрностію. Часто возторженіе наше бывало столь велико, что мы чаяніе, или болѣе простую возможность, быть можетъ быть столько близкими родственниками, какими мы желали, почитали за гласъ природы; а особливо когда дѣйствительное, или воображимое сходство нашихъ чертъ лица, казалось, оправдывало наше мнѣніе. Но какъ мы не всегда могли обманчивость сего мнимаго языка крови скрывать; то находили мы тѣмъ болѣе въ томъ удовольствія, чтобы отдаваться воображеніямъ естественнаго союза душъ и уже въ прежнемъ состояніи и въ лучшихъ мірахъ начатому знакомству,

ству, и его представить въ тысячѣ пріятныхъ мечтахъ. Но и при семъ степени обильное на вымыслы движеніе, вперенное любовію въ наши души, не остановилось. Мы напрягали всѣ силы нашего воображенія, чтобы представить въ мысли тотъ образъ любви, съ которымъ любятся между собою небесные духи. Ни единый другой, казалось въ то время, не могъ отвѣчать силѣ и чистотѣ нашихъ чувствованій, ни сходствовать съ существами, родившимися въ небѣ и опредѣленными туда паки возвратиться. Долженъ ли я тебѣ въ томъ признаться, прекрасная Данае? Едва еще теперь при возпоминаніи о семъ щастливомъ умоизступленіи перваго моего юношества могу удержаться отъ желанія, чтобы сіе очарованіе могло продолжаться вѣчно. Однако это было очарованіе, и нѣтъ ничего извѣстнѣе,

 какъ

какъ что сіи чрезмѣру духовныя чувствованія наконецъ изтребились бы, и природа (не теряющая никогда своихъ правъ) довела бы насъ наконецъ непримѣтно любиться обыкновеннѣйшимъ образомъ, естьли бы намъ прекрасная Пиѳія оставила столько къ тому времяни. Она пропустила нѣсколько недѣль, (по видимому) не взпомнивъ обо мнѣ, и я съ моей стороны въ это время такъ объ ней забылъ, что весьма удивился, когда пришли ко мнѣ съ объявленіемъ. что она меня опять къ себѣ зоветъ. Я скоро нашелъ, что богиня Пафская, которая можетъ быть хотѣла ей за какое нибудь прежнее озлобленіе ей нанесенное отмстить, не оставила ее въ сіе междувремяніе столько спокойною, сколько для нее и для меня желалось. Надобно думать, что она (какъ плачевная Федра) собрала всю свою женскую и жрическую

ческую гордость для побѣжденія страсти, коея непристойность конечно не возможно было скрыть ей отъ себя самой. Но можетъ быть могла она утѣшительными лжеключеніями, которыя Еврипидъ кормилицѣ сея нещастной Принцессы кладетъ въ ротъ, самое себя успокоить и наконецъ взять великодушное рѣшеніе уступить ея участи. Ибо увидя, что весь ея трудъ, употребленный на то, чтобы я угадалъ то, что она имѣла мнѣ сказать, былъ потерянъ, перервала она наконецъ молчаніе, котораго значеніе я столько же мало желалъ разумѣть, и открыла мнѣ съ темностію и жаромъ, которыя заставили меня закраснѣться и затрепетать, что она любитъ и взаимно желаетъ быть любима. Нарядъ и положеніе, въ коемъ она дѣлала сіе признаніе, казалось, были избраны для того, чтобы заставить меня возчув-

чувствовать цѣну предлагаемаго мнѣ щастія болѣе, нежели когда нибудь. Я долженъ еще теперь краснѣть, когда помышляю о смущеніи, въ коемъ я со всѣми моими высокими понятіями въ сію минуту находился, видя человѣческую природу столько униженною и имя любви толико оскверненнымъ. Въ самомъ дѣлѣ сама Пиѳія не могла быть видомъ, съ коимъ я сопротивлялся ея желаніямъ, чувствительнѣе остыжена и мучима, какъ я необходимостію встрѣтить ее такъ дурно. Однако я старался жестокость моихъ отвѣтовъ умягчить кротчайшими выраженіями, какія я только въ замѣшательствѣ найти могъ. Но я скоро узналъ, что сильныя страсти столько же мало, какъ бури, утишаются отъ словъ. Сія сама надъ собою болѣе не владычествующая жрица приняла за оскорбительную насмѣш-

смѣшку то, что сказалъ я изъ добраго, но конечно безвремяннаго, намѣренія, желая оживотворить умирающую ея добродѣтель. Она вошла въ ярость, начала заклинать и грозить, и чрезъ минуту по томъ слезы потекли у нее ручьями, и рѣчи ею ко мнѣ произносимыя были столько трогательны, что я почти довольно слабъ былъ съ нею заплакать. Я прибѣгнулъ наконецъ къ единому мнѣ оставшемуся средству, чтобы свободиться отъ сея безумной роли, которую я игралъ въ семъ явленіи: я ушелъ. Въ самую сію ночь увидѣлъ я паки возлюбленную мою Псишу на обыкновенномъ мѣстѣ. Духъ мой исторіею сего вечера такъ былъ обезпокоенъ, что я ей могъ изъ оной сдѣлать тайну. Мы хотя сожалѣли о жрицѣ, и коликаго труда намъ стояло представить сколько возможно свирѣпость и мученія любви,

ви, сходствующей столь мало съ нашею, но мы еще болѣе соболѣзновали о себѣ самихъ. Бѣшенство, въ коемъ я оставилъ Пиѳію, заставило насъ опасаться злѣйшаго. Мы трепетали взаимно о нашей безопасности, и опасаясь, чтобы она не провѣдала про наши сходбища согласились мы на нѣсколько времяни видаться порѣже. Это случилось въ первый разъ, что чистыя удовольствія нашей невинной любви были прерываемы страхомъ и безпокойствомъ, и мы прощались другъ съ другомъ съ щемленіемъ сердца. Мы какъ предчувствовали, что это въ послѣдній разъ видимся въ Дельфахъ. Мы повторяли стократъ: *прощай*, *прощай*, не могши изторгнуться одинъ изъ объятій другаго. Но наконецъ надлежало разстаться; однако мы условились между собою сперва повидаться въ третію ночь. Случай

чай привелЪ, что я вЪ сіе междувремяніе сошелся сЪ жрицею вЪ нѣкоторой бесѣдѣ. Это было естественно, что она вЪ присутствіи постороннихЪ людей своему противу меня поступку давала дружественный голосЪ того родства, которое между нами предположено было, и чрезЪ кое она за нужное почла обхожденіе свое со мною предохранить отЪ разсужденій строгихЪ нравоучителей. Однако при всемЪ томЪ примѣтилЪ я, что она нѣсколько разЪ, думая, что сего никто не наблюдаетЪ, бросала на меня нѣжные взоры. Я былЪ весьма добродушенЪ и не подозрѣвалЪ никакого притворства подЪ сими знаками возвращающейся любви; но вывелЪ напротивЪ того заключеніе, которое меня совсѣмЪ успокоило отЪ опасенія, чтобы она могла открыть обхожденіе мое сЪ Псишею. Я полетѣлЪ сЪ нетерпѣ-

пѣливою радостію на утвержденное нами мѣсто свиданія. Я дожидался столь долго, что меня почти захватилъ было день. Я обыскалъ всю рощу; но никакъ не нашелъ Псиши. Самое то же произходило въ слѣдующую и третію ночь. Болѣзнь моя была неизрѣченна, и сѣтованія мои превозходили всякое выраженіе. Тогда-то возчувствовалъ я въ первый разъ, что сила воображенія моего, которая доднесь упражнялась только для моего удовольствія, удобна сдѣлать меня столько же бѣднымъ, сколько облагополучивала. И такъ я болѣе не сомнѣвался, что жрица про нашу любовь провѣдала, и слѣдствія сего открытія для моея Псиши представились духу моему со всѣми страхами самаго себя мучившаго воображенія. Въ ярости моея болѣзни предпринималъ я тысящу жестокихъ намѣреній, изъ ко-

коихъ всегда одно поглощало другое. Я хотѣлъ итти къ жрицѣ и требовать отъ нея моея Псиши; я хотѣлъ — самое изступительнѣйшее, что только можно желать въ отчаяніи. Я думаю, что я въ состояніи бы былъ зажечь и изпепелить храмъ, естьли бы только надѣяться могъ чрезъ то избавить мою Псишу. Однако тѣнь надежды успокоила нѣсколько сильныя сіи движенія, и я ласкалъ себя, что какія нибудь случайныя причины возпрепятствовали можетъ быть ей сдержать свое слово. Сіе удержало меня отъ учиненія безразсуднаго поступка, который бы прямо вообразимое зло сдѣлать могъ дѣйствительнымъ и неизцѣлимымъ. Можетъ быть (помышлялъ я) жрица не знаетъ еще ничего о нашемъ таинствѣ, и колико бы я въ семъ случаѣ былъ безщастенъ, естьли бы я самъ былъ тому

 измѣн-

измѣнникъ! Разсужденіе сіе повело меня въ четвертый разъ на мѣсто отдохновенія Діаны. Ожидая тамъ тщетно около двухъ часовъ, повергся я въ безпамятствѣ печали и отчаянія къ ногамъ единой изъ Нимфъ. Я лежалъ нѣсколько времяни не бывъ самъ надъ собою властенъ. Пришедши немного самъ въ себя, увидѣлъ я свѣжій цвѣточный вѣнокъ, около выи и объятій Нимфы оплетенный. Я тотчасъ возпрянулъ, чтобы точнѣе о значеніи онаго извѣститься, и нашелъ письмецо пришпиленное къ вѣнку, въ которомъ Психе меня увѣдомляла, что я ее въ слѣдующую ночь безъ сомнѣнія найду на семъ мѣстѣ; что она отложила до сего свиданія сказать мнѣ, какіе случаи чрезъ все сіе время возпящали ей меня видѣть, или извѣстить меня о своемъ состояніи; впрочемъ, чтобы я былъ совершенно спокоенъ и точно увѣренъ,

ренъ, что жрица ничего не знаетъ о нашемъ знакомствѣ. Сильное хотѣніе, съ которымъ я желалъ, чтобы сіе письмецо писано было Псишею, не допустило меня о томъ думать, чтобы оному недовѣрять, не смотря на то, что почеркъ руки ея былъ мнѣ неизвѣстенъ. Тогда въ первый разъ я узналъ, что такое есть прехожденіе изъ крайняго степени печали въ крайнюю радость. Я обвилъ провозвѣщающій щастіе вѣнокъ около себя, облобызавъ на каждомъ его цвѣточкѣ невидимые слѣды милыхъ соплетшихъ его пальчиковъ. Каждое мгновеніе слѣдующаго вечера казалось мнѣ до опредѣленнаго времяни столѣтіемъ. Я пошелъ въ освященную рощу получасомъ ранѣе, чтобы отблагодарить благимъ Нимфамъ, возпріявшимъ любовь нашу подъ свое покровительство. Наконецъ чаялъ я зрѣть Псишу, выходящую между

мирповыми кустами. Ночь хотя освѣщалась только сiянiемъ звѣздъ; но я узналъ тотчасъ обыкновенное одѣянiе моея другини, и былъ уже первымъ шумомъ ея приближенiя возхищенъ, чтобы увидѣть, что видъ грядущей на меня имѣлъ болѣе роскошной баханки, нежели дѣвической гибкости Дiаниной подруги. Мы полетѣли другъ къ другу въ объятiя съ равнымъ желанiемъ. Нѣмое упiйство первой минуты никакъ не позволяетъ дѣлать примѣчанiя. Но сiе не долго продолжалось. Я тотчасъ возчувствовалъ по обнаженнымъ меня прижимающимъ персямъ, коихъ сильный и стремительный сердобой дѣлалъ великую разность съ невинною нѣжностiю Псиши, что это была не она, которая держала меня въ своихъ объятiяхъ. — Я узналъ столько же скоро жрицу, какъ и мое заблужденiе. — Я хотѣлъ изтор-

торгнуться изъ ея объятiй; но она удвоила силы, съ коими она меня охватила, купно съ своими роскошными ласкательствами, и въ усиливанiяхъ, которыя я употреблялъ, чтобы свободиться наконецъ отъ сея запальчивой жрицы, повергլись мы оба на землю. Я бы желалъ изъ высокопочитанiя къ прекрасному полу, который на мои глаза есть наидостойнѣйшая любви часть творенiя, чтобы я могъ явленiе сiе изтребить изъ моей памяти. Мнѣ потребенъ былъ весь мой разумъ, чтобы не потерять вниманiя, которымъ я по крайней мѣрѣ долженъ ихъ полу. Но я не сомнѣваюсь, чтобы всякая женщина, у которой еще хотя искра нравственнаго осталась чувствованiя, охотнѣе приняла бы смерть, нежели согласилась выдержать укоризны и злословiя, коими я ее, какъ рѣкою, наводнялъ. Она уви-

валась, заливаяся слезами, около ногѣ моихѣ. Я хотѣлѣ свободиться отѣ нея бѣгствомѣ; но она достигла меня, и просила меня лишить ее жизни. Я требовалѣ сѣ жестокостію, чтобы она возвратила мнѣ мою Псишу. Слова сіи, казалось, ввергали ее вѣ безуміе. Она мнѣ обѣяснила, что жизнь сея невольницы состоитѣ вѣ ея власти и зависитѣ отѣ рѣшимости, которую я предпріиму. Она примѣтила перемѣну, произведенную сею угрозою вдругѣ во всемѣ моемѣ существѣ. Мы пребыли нѣмыми оба нѣсколько времяни. Наконецѣ приняла она кроткій, но не менѣе рѣшительный голосѣ, чтобы увѣрить меня вѣ прежнемѣ ея изѣясненіи. Ревность заставила ее столь много говорить, что я получилѣ чрезѣ то время ободриться и находить угроженія ея меньше страшными, кѣ изполненію которыхѣ, по крайней мѣрѣ

изѣ

изъ любви къ самой себѣ, почиталъ, ее неспособною. И такъ я отвѣчалъ ей съ холодною кровію, что она, съ опасностію себѣ, можетъ разполагать жизнію моея младой другини. Однако я просилъ ее взпомнить, что она сама сдѣлала меня обладателемъ надъ своею и надъ тѣмъ, что ей долженствовало казаться милѣе еще самой жизни. Что касается до моей (примолвилъ я съ живостію), то она престанетъ съ тою минутою, въ которую Психе погибнетъ за меня; поелику у Бога, коего присутствіемъ сія святая земля преизполнена, никакая человѣческая сила меня не удержитъ ея милой душѣ въ лучшій свѣтъ послѣдовать, куда порокъ не можетъ за нами шествовать для возмущенія нашей освященной любви. Непоколебимость моя, казалось, унизила бодрость жрицы. Она сказала мнѣ

наконецъ: воображеніе, что въ моей состоитъ власти ее разорить до основанія, могло меня весьма обмануть. Я могъ дѣлать, что хотѣлъ; только надлежало мнѣ въ томъ быть увѣрену, что Псише за каждый шагъ, мнѣ ступленный, должна ей отвѣчать. Съ сими словами удалилась она и оставила меня въ такомъ состояніи, коего омерзеніе, слѣдуя чувствованію, которое я о семъ имѣлъ, превозходило всякое выраженіе. И такъ я увидѣлъ изъ сего приключенія, что жрица нашла средство открыть нашу тайну, и что вѣнокъ былъ искуство ея изобрѣтенія. Послѣ сея низкости заключилъ я, что нѣтъ злости, сколько бы она жестока ни была, къ которой бы я сіе чудовище не почелъ быть способнымъ. Въ разсужденіи меня самаго я ничего не опасался; но страшился всего для сея бѣдной Псиши, кото-

торую надлежало мнѣ оставить неистовствамъ такой соперницы, у которой вся моя къ ней нѣжность не подастъ къ освобожденію ее отъ нея силъ.

Глава пятая.

Агатонъ убѣгаетъ изъ Дельфъ и находитъ своего отца.

Препроводя нѣсколько дней въ жестокой неизвѣстности, что приключилось съ моею любезною, наконецъ узналъ чрезъ невольницу Пиѳіи, что ее болѣе въ Дельфахъ не стало. Все извѣстіе, которое я изъ нея вывѣдать могъ, состояло только въ семъ; но сего довольно было, чтобы сдѣлать мнѣ пребываніе въ Дельфахъ несноснымъ. Я не разсуждалъ ни минуты, что мнѣ надлежало предпріять; но выкрался въ слѣдующую ночь, не безпокоясь

о слѣдствіяхъ столь безразсуднаго поступка, или вѣрнѣе сказать, въ такомъ положеніи духа, которое не позволяло мнѣ разумныхъ дѣлать размышленій. Я плуталъ долгое время по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ надѣялся найти слѣды моея другини, воображая себѣ весьма безразсудно, что она гдѣ бы ни была повлечетъ меня за собою волшебною силою симпатіи нашихъ душъ. Но надежда моя обманула меня. Никто не могъ подать мнѣ о ней ни малѣйшаго извѣстія. Сдѣлавшись нечувствительнымъ ко всей бѣдности, которую мнѣ надлежало изпытать въ семъ безумномъ странствованіи, не ощущалъ я никакой другой болѣзни, кромѣ разлученія съ моею возлюбленною и неизвѣстности о ея участи. Я бы заплатилъ за увѣреніе, что она въ добромъ состояніи, съ охотою моею жизнію. Наконецъ слу-

случай, или сострадательное божество повело меня въ Коринѳъ. По захожденіи солнца прибылъ я, утомленъ будучи чрезвычайно безпокойствами путешествія и недостаткомъ въ кушаньѣ, къ которому я не привыкъ, ко одному двору изъ великолѣпнѣйшихъ помѣстій, украшающихъ берега Коринѳскаго моря. Я повергся подъ высокимъ кипарисомъ и терялся въ представленіяхъ естественныхъ, но въ жару страсти не предусмотренныхъ, слѣдствій моего изъ Дельфъ побѣга. Въ самомъ дѣлѣ положеніе мое самую великодушнѣйшую бодрость могло привесть въ уныніе. Изгнанъ будучи въ такой свѣтъ, гдѣ для меня все было странно, безъ друзей, безъ денегъ, и не зная какимъ образомъ сохранить свою жизнь, которой творецъ мнѣ никогда не былъ извѣстенъ, бросалъ я печальные окрестъ себя взоры.

Казалось, что вся природа меня оставила. На обширномъ пространствѣ матерней земли не зрѣлъ я ничего, что бы я могъ присвоять себѣ, кромѣ — гроба, естьли бы меня бремя бѣдствія наконецъ изнурило. И сего самаго могъ я только надѣяться отъ благочестія какого нибудь сострадательнаго странника. Сіи задумчивыя мысли отъ возпоминанія прошедшаго моего благополучія и отъ совѣсти, что я сего бѣдствія ни чрезъ какую злобу сердца и ни чрезъ какое безчестное преступленіе не заслуживалъ, дѣлали ихъ только болѣзненнѣе. Я обозрѣвалъ около себя съ наполненными слезъ глазами, какъ будто бы желалъ сыскать въ природѣ существо тронутое моимъ состояніемъ. Въ сію минуту узналъ я благотворительное втеченіе сего благополучнаго возторженія, которое, кажется, природа дала чувстви-

ствительнѣйшей части смертныхъ вмѣсто лѣкарствъ противу золъ, коимъ слабость ихъ сердецъ подвергаетъ ихъ. Я обратился къ безсмертнымъ, съ коими душа моя толь долгое уже время сопряжена была невидимымъ союзомъ. Воображеніе, что они были свидѣтелями моея жизни, моихъ мыслей, тайнѣйшихъ моихъ склонностей, влило облегчительный балсамъ утѣшенія въ уязвленное мое сердце. Я увидѣлъ возлюбленную мою Псишу подъ ихъ крилами въ безопасности. „Нѣтъ! возопилъ я: невинность не можетъ быть нещастна; порокъ не можетъ точно достигнуть до ея намѣреній. Въ семъ величественномъ вмѣстилищѣ, въ которомъ сферы и атомы съ равною преданностію по мановеніямъ премудрой и благодѣтельной силы двигаются, было бы безумно и нечестиво предавать-

ваться обезсиливающему малодушію. Бытіе мое служитъ тому доказательствомъ, что я къ чему нибудь предопредѣленъ. Развѣ я не одаренъ мыслящею душею и членами, данными ей вмѣсто невольниковъ для изполненія ея мыслей? Развѣ я не Грекъ? И естьли отечество мое не хочетъ меня признать, человѣкъ ли я? Земля не отчизна ли моя? И не подастъ ли мнѣ природа безпотерянное право на сохраненіе и на каждую существенную часть благополучія, какъ скоро я употреблю всѣ силы мои на изполненіе должностей, соединяющихъ меня съ свѣтомъ?,, — Мысли сіи остыдили мои слезы и оживотворили сердце мое. Я началъ разсуждать о средствахъ, которыя я имѣлъ въ моей силѣ для приведенія меня въ лучшія обстоятельства. Будучи таковыми упражненъ размышленіями, увидѣлъ средняго воз-

возраста мужа на меня грядущаго, коего видъ и обликъ вдыхали въ меня почтеніе и довѣренность. Я вдругъ возпрянулъ съ земли и рѣшился со мною самимъ, подошедъ къ нему, вступить съ нимъ въ разговоръ, открыть ему мои обстоятельства и спрашивать его совѣта. Онъ меня предупредилъ. Ты кажешся быть утомленнымъ отъ путешествія, младый странникъ, (сказалъ онъ мнѣ такимъ голосомъ, который тотчасъ трепещущее сердце мое привлекъ къ нему) и когда я нашелъ тебя подъ благотворною сѣнію моего древа, то надѣюсь я, что ты не откажешъ мнѣ въ удовольствіи препроводить наступающую ночь въ моемъ домѣ. Говоря сіе, разсматривалъ онъ меня съ особливымъ вниманіемъ, въ коемъ казалось сердце его участвовало. Я признался ему съ откровенностію, которая показала малое мое познаніе

свѣта,

свѣта, что я намѣревался просить его о томъ, о чемъ предлагалъ онъ мнѣ толь благороднымъ образомъ. Я не знаю, что его плѣнило въ мою пользу. По крайней мѣрѣ не одѣяніе мое могло быть тому причиною; поелику я, боясь чтобы меня не узнали, Делфійское мое платье промѣнялъ на худшее, которое въ моемъ странствованіи довольно поизносилось. Онъ мнѣ повторилъ, коль ему пріятно, что случай привелъ меня больше къ нему, нежели къ иному изъ его сосѣдей. И такъ я послѣдовалъ ему въ его домъ, коего пространство, образъ строенія и великолѣпіе возвѣщали, что господинъ онаго весьма богатый и съ великимъ вкусомъ человѣкъ. Зала, въ которую мы сперва вошли, были изукрашена картинами славнѣйшихъ мастеровъ, многими статуями, и поясными портретами Фидія и Алкамена. Я люблю,

какъ

какъ тебѣ извѣстно, творенія хорошихъ художествъ до безумія, и долгое мое пребываніе въ Дельфахъ подало мнѣ о томъ нѣкоторое познаніе. Я удивлялся нѣкоторымъ частямъ, въ другихъ иное похулилъ, называлъ художниковъ, коихъ руку и пріемы узналъ, и нашелъ случай говорить о другихъ превозходныхъ твореніяхъ, которыя я чрезъ нихъ видалъ. Я примѣтилъ, что хозяинъ мой взиралъ на меня съ удивленіемъ, какъ будто бы возхищался, слыша молодаго человѣка, котораго онъ въ толико мало обѣщавающемъ одѣяніи нашелъ лежащаго подъ древомъ, разговаривающаго съ толь многимъ познаніемъ о художествахъ. Чрезъ нѣсколько времяни было должно, что вечернее кушанье было поставлено. Онъ повелъ меня въ небольшую залу, коея стѣны съ великою нѣжностію писаны были однимъ изъ лучшихъ уче-

учениковъ Парразія. Мы ужинали одни. Столъ, приборы, слуги, все сообразовалось съ понятіемъ, которое я уже представилъ о вкусѣ и состояніи господина сего дома. Въ продолженіи кушанья вошелъ молодый невольникъ, весьма недуренъ и изрядно одѣтый, и прочиталъ частичку изъ Одиссеи съ великимъ искуствомъ. Хозяинъ мой сказалъ мнѣ, что онъ при столѣ сей родъ услажденія духа предпочитаетъ танцовщицамъ и игрицамъ на свирѣляхъ, коими обыкновенно забавляются при столахъ Грековъ. Похвалы, приписываемыя мною его чтецу, подали поводъ къ разговору о лучшемъ образѣ чтенія и о Греческихъ стихотворцахъ, при которомъ подалъ я хозяину моему случай вторично изумиться. Удивленіе, съ коимъ онъ обо мнѣ разсуждалъ, смѣшивалось видимо съ нѣжнѣйшимъ движеніемъ. Онъ увидя, что

я это примѣтилъ, сказалъ мнѣ: удивленіе, съ коимъ онъ обо мнѣ отъ времяни до времяни разсуждаетъ, меньше бы показалось мнѣ страннымъ, естьли бы я зналъ чрезвычайное сходство моего облика и вида съ одною особою, которую онъ нѣкогда знавалъ. Ты самъ долженъ о томъ разсуждать, примолвилъ онъ, начавъ между тѣмъ говорить о другихъ вещахъ, пока ставили вино и плоды. Вскорѣ мы вставъ изъ-за стола вошли въ галлерію, поддерживаемую двоякимъ рядомъ Коринѳскихъ марморныхъ столповъ и великолѣпно освѣщенную. Проходившись по оной нѣсколько времяни, повелъ онъ меня въ кабинетъ, въ коемъ столикъ для письма, книгохранительница, нѣсколько креселъ, и картина естественнаго роста, которую я не скоро примѣтилъ, составляли все украшеніе. Онъ меня посадя и посмотря на образъ,

висящей прямо противу его, нѣсколько времяни съ смятеніемъ, говорилъ мнѣ такъ: „ Юность твоя, любезнѣйшій странникъ, образъ начатія нашего съ тобою знакомства, свойства въ тебѣ мною въ сіе короткое время примѣченныя, и склонность, которую я въ моемъ сердцѣ къ тебѣ обрѣтаю, оправдываютъ мое желаніе извѣститься о твоемъ имяни и обстоятельствахъ, удалившихъ тебѣ въ такомъ возрастѣ изъ твоей отчизны и приведшихъ тебя въ сіи чужія земли. Впрочемъ у меня нѣтъ такой привычки, чтобы кого нибудь при первомъ предупреждать воззрѣніи. Но я тебѣ признаюсь, что при первомъ съ тобою свиденіи не могъ противиться тайному привлеченію. А ты въ сіи немногія минуты столько оправдалъ быструю мою склонность, что я самъ себя поздравляю симъ, что ея послушался.

И такъ удововьствуй мое желаніе, и будь увѣренъ, что надежда быть тебѣ можетъ быть полезнымъ имѣетъ въ томъ гораздо болѣе участія, нежели нескромное любопытство. Ты видишъ во мнѣ друга, которому ты, не взирая на короткое продолженіе нашего знакомства, можешъ открыться со всякою довѣренностію стараго и изпытаннаго дружества и обхожденія.,, Я былъ сею рѣчью столько тронутъ, что глаза мои наполнились слезами. Я не могъ нѣсколько времяни ни слова на сіе промолвить; однако думаю, что онъ изъ сихъ слезъ видѣлъ отвѣтъ ему сердца моего. Наконецъ открылъ я ему, что я иду изъ Дельфъ; что я тамъ былъ воспитанъ; что меня звали Агатономъ, и что я никогда не могъ узнать, кому я за жизнь обязанъ благодарностію. Все, что я о томъ знаю, заключается въ томъ,

что я пяти или шести лѣтъ возраста моего принесенъ во храмъ, возпитанъ съ другими юношами посвященными на службу Аполлону, и достигши зрѣлаго возраста, почитаемъ былъ жрецами съ преимущественнымъ вниманіемъ и наставляемъ былъ во всемъ, что до возпитанія вольнорожденнаго Грека потребно. Стратоникъ, (такъ назывался мой хозяинъ) при семъ повѣствованіи много положилъ труда, чтобы показаться спокойнымъ; лице его перемѣнялось; онъ хотѣлъ начать говорить, но удерживался и просилъ только меня сказать, для чего я оставилъ Дельфы. Сколько впрочемъ ни естественно было сердцу моему прямодушіе, однако мнѣ на сей разъ не возможно было преступить чрезъ разсужденія, которыя заграждали мнѣ уста о моей любви къ Псишѣ. Другу въ мои лѣта, которымъ

рымъ сердце мое нашлось бы столько же объятымъ, какъ и Стратониномъ, я бы никакъ не усомнился открыть внутренность моего сердца, какъ бы скоро могъ надѣяться, что онъ способенъ разумѣть мои чувствованія. Но здѣсь удержало меня нѣчто такое, коему я самъ себѣ причины не могъ опредѣлить. И такъ я возложилъ всю вину моего изъ Дельфъ побѣга на Пиѳію, извѣстя его столько пространно, сколько моя юношеская цѣломудренность позволяла, о всѣхъ искушеніяхъ, коимъ подвергала она мою добродѣтель. Онъ казался весьма доволенъ быть моимъ поведеніемъ, и какъ я довелъ мое повѣствованіе до самой той минуты, въ которую я его въ первый разъ узрѣлъ, и до того, что я къ нему, увидя его, тотчасъ почувствовалъ; то возсталъ онъ съ живымъ движеніемъ, кинулъ

объятія свои около моей шеи и говорилъ со слезами радости и нѣжности на своихъ очахъ: -- ,, Ахъ! любезный мой Агатонъ, зри твоего отца! -- Здѣсь (примолвилъ онъ, обратя меня тихонько и показавъ на картину, къ которой я до сего стоялъ спиною) здѣсь, въ семъ образѣ признавай твою мать; зри возлюбленныя сіи черты, кои при первомъ воззрѣніи въ твоемъ обликѣ тронули меня и родили сіе движеніе, которое я теперь признаваю за гласъ природы. ,, Ты меня довольно знаешъ, любодостойнѣйшая Данае, чтобы тебѣ не представлять, что чувствованія мои были въ сію минуту гораздо живѣе, нежели я ихъ могъ описать. Таковыя мгновенія не способно описывать; для таковыхъ радостей языкъ не имѣетъ выраженій, природа цвѣтовъ и самое воображеніе образовъ. -- Всего лучше,

лю-

любезная другиня, молчать и слушателя оставить его собственному сердцу. Отецъ мой казался чрезъ возхищеніе мое, которое долгое время выражалося только слезами, безсловесными обниманіями и прерывающимся голосомъ, вдвое быть благополучнымъ. Удовольствіе, съ коимъ призналъ онъ меня за своего сына, казалось, обратило его паки въ благополучнѣйшія минуты его юношества и возбудило обратно возпоминанія, коимъ присутствіе мое придавало новую жизнь. Какъ онъ не могъ сомнѣваться о томъ, что я полюбопытствую съ жадностію знать причины, которыя могли побудить родителя, признавшаго меня съ толикимъ удовольствіемъ за своего сына, содержать меня столь многіе годы въ отторженіи и изгнаніи отъ себя, далъ онъ мнѣ на то всѣ изъясненія, какія я только же-

лать могъ, чрезъ обстоятельное повѣствованіе исторіи его любви къ моей матерѣ. Знакомство его съ нею началось случайно въ такомъ возрастѣ, когда онъ еще совсѣмъ находился въ родительской власти. Отецъ его былъ глава одного изъ благороднѣйщихъ поколѣній въ Аѳинахъ. Мать моя прибыла въ Аѳины весьма молода, весьма прекрасна и столько же добродѣтельна, сколько пригожа, подъ смотреніемъ старой женщины, которая называлась ея матерью. Строгая уединенность, въ коей она печально своимъ рукодѣліемъ жила, сохраняла младую Музаріонъ отъ глазъ и изкушеній праздныхъ богатыхъ юношей, заобыкшихъ молодыхъ дѣвицъ, не имѣющихъ никакого другаго защитника, кромѣ своея невинности, и никакого инаго богатства, кромѣ своихъ прелестей, почитать за свою естественную до-

добычу. Не смотря на сіе не могла она избѣгнуть того, чтобы не быть извѣстною случайнымъ образомъ моему отцу, который своими нравами отличался отъ знатной части молодыхъ Аѳинцовъ своего времяни. Добродѣтельное его свойство не защитило его противу прелестей младой Музаріонъ; но онъ сдѣлалъ, что любовь ея свойство его характера приняла: она была добродѣтельна, скромна, и чрезъ то самое сильнѣе и продолжительнѣе. Онъ ей дѣлалъ тайныя посѣщенія, которыя всегда часъ отъ часу умножилась. Ни она, ни ея надзирательница точно не переносили бы оныхъ; но состояніе его, добрая о немъ слава, воздержный его поступокъ противу невиннаго предмета его любви, вдыхали имъ всякую довѣренность, какую онъ заслуживалъ. Ничто не можетъ быть естественнѣе, какъ не

не мочь сносить того, чтобы любимое подвержено было какому нибудь недостатку. Но также нѣтъ ничего двоезначущее въ глазахъ свѣта, какъ щедрость молодаго человѣка противу такой персоны, которая имѣетъ нещастіе возбуждать зависть чрезъ свои пріятности, а чрезъ свою бѣдность презрѣніе отъ большаго числа людей. Не можно себя увѣрить, чтобы въ такомъ случаѣ тотъ, кто надѣляетъ, не имѣлъ корыстолюбивыхъ намѣреній, или та, которая получаетъ, не доказывала *своея благодарности* на щетъ своея невинности. Стратоникъ хотя употреблялъ крайнюю предосторожносить, чтобы благодѣянія, коими онъ малое сіе семейство отъ времяни до времяни подкрѣплялъ, скрывать отъ всего свѣта и отъ нихъ самихъ; однако онѣ открыли наконецъ своего неизвѣстнаго благотворителя,

ля, и сiи новые опыты благороднаго его образа чувствованiя совершили впечатлѣнiе, которое онъ уже долго содѣлывалъ на неискусное сердце нѣжной Музарiонъ, и выиграли ему оное совсѣмъ. Никогда бы любовь, которой соотвѣчаемо было нѣжнѣйшею любовiю, не содѣлала двухъ сердецъ благополучнѣе, естьли бы обстоятельства младой красавицы не заградили дорогу къ законному соединенiю, которыя всякой другой, какъ любовникъ, почелъ бы за пренеоборимыя. Наконецъ Стратоникъ былъ столько щастливъ и открылъ, что любовница его дѣйствительно была Аѳинская гражданка, дочь одного небогатаго, но честнаго мужа, потерявшаго жизнь свою на Пелопонесской войнѣ славнымъ образомъ. Тогда отважился онъ открыть тайну своея любви отцу своему. Онъ употребилъ все на полученiе его на

то

то согласія; но старикъ, который прелести и добродѣтели не почиталъ за размѣрную замѣну богатству, въ которомъ у нея недоставало, остался неумолимымъ. Стратоникъ любилъ ее весьма горячо, не удовлетворяя повелѣнію отца своего, чтобы далѣе не помышлять о своей любовницѣ. Онъ бы почелъ самаго себя за недостойнѣйшаго между смертными, естьли бы онъ былъ способенъ лишить ее хотя малѣйшаго изъ своихъ чувствованій. Нещастія и препятствія, съ коими любовь его долженствовала *сражаться*, производили болѣе противоположное дѣйствіе. Они соединили огонь взаимный, ихъ склонности и сей пламень, который, доколѣ питаемъ былъ надеждою, пылалъ три года тихо и ясно, перемѣнился въ сильнѣйшую и живѣйшую страсть. Сердце ослабѣваетъ наконецъ отъ продолжитель-

тельнаго съ сладчайшими своими движенiями боя; оно теряетъ силу сопротивляться; и чѣмъ долѣе оно подъ игомъ мученiй гонимой и неудовольствованной любви стѣнало, тѣмъ сильнѣе тоскуетъ оно по блаженствѣ, котораго единой минуты довольно угасить возпоминанiе о всѣхъ претерпѣнныхъ страданiяхъ, чувствованiе настоящихъ изтребить, и очи, сладкимъ пьянымъ благополучной любви напиткомъ помраченныя, учинить слѣпыми ко всякой будущей нуждѣ. Сверьхъ сего имѣла Музарiонъ еще побужденiе благодарности, отъ коея угнѣтающаго бремяни сердце ея искало облегчиться. Словомъ, они клялись другъ другу вѣчною вѣрностiю, оставили себя симпатическимъ чувствованiямъ своихъ сердецъ, и употребили силу, которую имъ дала любовь, на взаимное облагополученiе. Благополучiе, коимъ

одинъ

одинъ другому былъ обязанъ, питало и укрѣпляло нѣжное соединеніе ихъ сердецъ вмѣсто того, чтобы ихъ ослаблять или совсѣмъ разрушить; ибо никогда еще наслажденіе не бывало гробомъ истинной нѣжности. Я, прекрасная Данае, былъ первымъ плодомъ ихъ любви. По щастію досталась отцу моему тогда же по послѣдней волѣ и завѣщанію его дѣда небольшая деревня на одномъ изъ острововъ находящихся подъ владѣніемъ Аѳинянъ. Она служила матерѣ моей убѣжищемъ. Я тамъ родился, и наслаждался три года собственнымъ ея воспитаніемъ, пока не отторгнута она была отъ меня сестрою, которой рожденіе стояло возлюбленной Музаріонѣ жизни. Страшоникъ дѣлалъ между тѣмъ покушенія смягчить сердце своего отца; но всѣ труды его оставались тщетными. И такъ ему ничего не

не оставалось, какъ содержать въ тайнѣ свое сопряженіе съ моею матерію и слѣдствія онаго. Ея преждевремянная смерть уничтожила начертанія благополучія, содѣланныя имъ для будущаго, не послабляя никакъ нѣжной вѣрности, которую онъ ея посвятилъ возпоминанію. Попеченія о оставшемся послѣ нея удерживали его предаваться совершенно печали, которая долгое время дѣлала съ нимъ то, что онъ былъ равнодушенъ ко всѣмъ забавамъ жизни и скучалъ всѣми упражненіями ему въ оной порученными. Храмъ Делфійскій казался ему наиудобнѣйшимъ мѣстомъ къ сокрытію меня и содѣланію въ то же время участникомъ хорошаго возпитанія. Онъ имѣлъ тамъ друзей, коимъ я особливо былъ поручаемъ съ строжайшимъ приказаніемъ оставить меня въ совершенномъ о моемъ началѣ невѣденіи. Намѣреніе

его было, какъ скоро смерть отца его сдѣлала бы его обладателемъ надъ самимъ собою и надъ его имуществомъ, вызвавъ меня обратно изъ Дельфъ, отвезти въ Аѳины, и открыть тамъ о своемъ бракосочетаніи съ моею матерію и признать меня всенародно за своего сына и наслѣдника. Но сіе приключеніе возпослѣдовало нѣсколькими мѣсяцами прежде до моего побѣга, а съ онаго утѣсняющія упражненія принуждали его вызовъ мой откладывать.

Окончавъ отецъ мой сіе повѣствованіе, приказалъ кликнуть къ себѣ стараго отпущенника, и спросилъ его: знаетъ ли онъ того малаго Агатона, котораго онъ за четырнатцать лѣтъ прежде сего вручилъ покровительству Делфійскаго Аполлона? Добрый старикъ, коего черты мнѣ самому были не безъизвѣстны, узналъ меня тѣмъ легче, что онъ въ теченіи сего вре-

времяни отъ своего господина посылываемъ былъ весьма часто навѣдываться о моемъ благосостояніи. Въ нѣсколько минутъ весь домъ наполнился общею радостію. Спокойствіе въ отцѣ моемъ, отъ меня произшедшее, и удовольствіе, съ коимъ всѣ домашніе меня, яко единороднаго сына ихъ господина, поздравляли, усовершали радость, которую я необходимо возчувствовать долженствовалъ при толико нечаянномъ прехожденіи изъ бѣдности самому себѣ неизвѣстнаго, нагаго и всѣмъ приключеніямъ судьбы подверженнаго невольника въ толико ослѣпляющее состояніе щастія. Ослѣпляющимъ оно по крайности могло быть для многихъ другихъ, кои чрезъ образъ возпитанія своего менѣе, нежели я, предуготовлены бы были сносить съ умѣренностію равную премѣну. Между тѣмъ долженъ я самъ се-

бѣ отдать эту справедливость, что увѣреніе сдѣлаться гражданиномъ Аѳинскимъ и быть призванну по моей породѣ и добродѣтели моихъ предковъ къ заслугамъ и хорошимъ дѣйствіямъ веселило меня несравненно болѣе, нежели воззрѣніе на богатства, которыя благость моего родителя со мною раздѣлить толико желала, и которыя въ моихъ глазахъ только чрезъ то получали цѣну, по тому что онѣ, казалось, доставляли мнѣ возможность жить тѣмъ свободнѣе и совершеннѣе по моимъ правиламъ, *Я упражненъ былъ* новымъ родомъ мечтаній, которыя казались быть для меня столько же важными относительно къ моему новообрѣтенному положенію, сколько бы изполненіе оныхъ принесло благодѣяній человѣческому роду. Я сдѣлалъ начертанія, какимъ бы образомъ высокія правила моего мысленнаго нравоученія

нія употребить можно было ко благоустроенію и управленію общества. Размышленія сіи, занимающія большую часть моихъ ночей, изполнили меня живѣйшею ревностію къ отечеству, знаемому мною единственно изъ писателей исторій. Слѣды Солона и Аристида назнаменовали мнѣ путь, на которомъ я не воображалъ встрѣтиться ни съ какими препятствіями, кромѣ тѣхъ, кои храбрость и добродѣтель могутъ побѣдить. Патріотическія мои возхищенія пренесли меня тогда къ концу пути, который я хотѣлъ перебѣжать. Я зрѣлъ въ Аѳинахъ не менѣе, какъ столицу свѣта, законодательницу государствъ, мать наукъ и художествъ, царицу морей, средоточіе соединенія всего человѣческаго рода. Словомъ, я сдѣлалъ почти столько же нелѣпыя и столько же чудныя начертанія, какъ и

Алцибіадѣ; но съ весьма существенною разностію, что въ моихъ источникомъ было не суета и честолюбіе, но благостію и общимъ благотвореніемъ одушевленное сердце. Въ нихъ находилось еще сіе особливо, что изполненіе ихъ (предполагая нравственную оныхъ возможность) не стояло бы ни единой матери слезъ и ни единому человѣку вь свѣтѣ болѣе жертвоприношенія его предразсужденій и такихъ страстей, кои суть причиною особенной жизни. изполненіе оныхъ казалось мнѣ тѣмъ удобнѣе, по тому, что я затрудненія представлялъ себѣ только раздѣльно, а общественность ихъ, союзъ и ихъ соединенную тяжесть оставилъ, и удивлялся единственно только тому, что Периклъ, вмѣсто малыхъ попеченій, кои онъ употребилъ на содѣланіе Аѳинъ обладательницею Греціи, могъ про-

смотрѣть, что гораздо удобнѣе было содѣлать оныя храмомъ вѣчнаго мира и общаго благополучія свѣта. Изрядныя сіи начертанія подавали часто матерію къ разглагольствіямъ, коими я обыкновенно по вечерамъ сокращалъ время моему отцу. Живость моего воображенія, казалось, столько же его веселила, какъ и сердце его, коего изображеніе призналъ онъ въ моемъ, забавлялось сими добродѣтельными замыслами, которыя онъ, какъ и я самъ (можетъ быть оба нѣсколько съ пристрастіемъ) почиталъ за побужденія моихъ политичесхихъ мечтаній. Все, что онъ мнѣ могъ сказать о затрудненіяхъ въ разсужденіи изполненія оныхъ, увѣряло меня столь мало, сколько бы влюбленнаго обличили возраженія хладнокровнаго друга. Я имѣлъ на все отвѣтъ; и сіе новое движеніе, которое получило

мое возторженіе, сдѣлалось столь сильно, что я едва въ состояніи былъ дожидаться видѣть себя въ Аѳинахъ и въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ могъ бы возложить руку на великое твореніе, къ которому почиталъ себя быть посвященнымъ.

Глава шестая.

Агатонъ отправляется въ Аѳины и посвящаетъ себя республикѣ. Опытъ особливой природы того вѣтра, которой Горацій называетъ Aura popularis.

Отецъ мой пребылъ въ Коринѳѣ только до тѣхъ поръ, пока дѣла его требовали, и спѣшилъ, какъ скоро сдѣлалось ему возможно, самъ проводить меня въ Аѳины, представляющіяся моему предупрежденному воображенію въ то-

толико преславномъ свѣтѣ. Я тебѣ признаюсь, Данае, (и я думаю, что чрезъ то не оскорблю освященной должности къ моему отечеству) что первый его взоръ представилъ мнѣ съ тѣмъ, чего я ожидалъ, великую разность. Вкусъ мой весьма былъ приобученъ находить сноснымъ и посредственность, въ какомъ бы родѣ она ни была. Онъ бы желалъ зрѣть равно все заключеннымъ въ сію тонкую линію, въ которой высокое и изящное соединяются и стекаются; и когда онъ совершенство сіе зрѣлъ въ простыхъ частяхъ, то онъ желалъ, чтобы и всѣ части согласовались, и составляли одно само себѣ сплошь равное и соразмѣрное цѣлое. Аѳины, такъ, какъ и всѣ другіе города на свѣтѣ, были еще весьма далеко отъ сего степени изящности. Однако между тѣмъ хорошій вкусъ и расточеніе Перикла, съ помощію Фидіа-

діаса, Алкмена и другихъ славныхъ художниковъ, привело ихъ въ такое состояніе, что онѣ могли съ великолѣпнѣйшими на свѣтѣ городами спорить о преимуществѣ. По крайней мѣрѣ скоро я увидѣлъ, что дополненіе и совершеніе того, въ чемъ имъ съ сея стороны не доставало, будетъ легчайшею честію моихъ начертаній и естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ учрежденій, кои ихъ, по моему воображенію, долженствовали содѣлать средоточіемъ силы и богатствъ всего земнаго шара.

По прибытіи нашемъ въ Аѳины первымъ попеченіемъ отца моего было признать меня законнымъ образомъ за своего сына и включить въ число Аѳинскихъ гражданъ. Сіе дѣлало меня долгое время предметомъ общаго вниманія. Аѳиняне, какъ тебѣ не безъизвѣстно, паче всѣхъ другихъ

тихъ въ свѣтѣ народовъ склонны вступаться за что или противу чего вдругъ съ крайнѣйшею живостію. Я имѣлъ щастіе имъ при первомъ взорѣ понравиться. Желаніе меня видѣть и свести со мною знакомство сдѣлалось родомъ епидемической, или заразительной, страсти между молодыми и старыми. Первые дѣлали чрезъ короткое время около меня блестящій дворъ, а послѣдніе взяли о мнѣ великую надежду, которая непримѣтно наполнила меня тайною гордостію и подтвердила высокопарящее мнѣніе, которое я и безъ сего склоненъ былъ предпріять о моемъ предопредѣленіи. Сія остроумная надмѣнность, скрываясь подъ сѣнію моихъ лучшихъ склонностей и добродѣтельнѣйшихъ чувствованій, избѣгла чрезъ то изъ моей остроты; однако она не отняла у меня ничего, по крайней мѣрѣ по

виду,

виду, отъ той скромности, чрезъ которую я, казалось, отличался отъ большей части молодыхъ людей моего состоянія. Я пріобрѣлъ чрезъ то съ общимъ высокопочитаніемъ небольшей части народа ту выгоду, что знатнѣйшія, премудрѣйшія и просвѣщеннѣйшія особы принимали меня у себя ласково и мнѣ чрезъ свое со мною обхожденіе сообщали премножество особенныхъ познаній, которыя моему преждевремянному вступленію въ республику весьма служили въ пользу. Чистота моихъ нравовъ, хорошее употребленіе, которое я дѣлалъ о моемъ времяни, ревность, съ коею я приуготовлялся къ службѣ моего отечества, прилѣжное посѣщеніе училищъ, награжденія, получаемыя мною предъ прочими моими сверстниками въ упражненіяхъ; все сіе соединилось къ подкрѣпленію благосклоннаго предразсужденія, еди-

ножды обо мнѣ принятаго. Но какъ мнѣ сверьхъ сего еще заслуги моего родителя и долгаго ряда предковъ дорогу къ республикѣ простирали; то и не удивительно, что я въ такомъ возрастѣ, въ коемъ большая часть юношей обыкновенно упражнена только своими веселостями, имѣлъ смѣлость являться въ открытыхъ собраніяхъ и щастіе съ похвалою быть приниманъ, которое меня ввергало въ опасность по мѣрѣ быстроты моего возвышенія быть низвержену паки или моею собственною отважностію, или чрезъ зависть моихъ соперниковъ.

Краснорѣчіе въ Аѳинахъ, какъ и во всѣхъ вольныхъ областяхъ, гдѣ народъ участвуетъ въ общественномъ управленіи есть ближайшая дорога къ честямъ и надежнѣйшее средство и безъ оныхъ къ снисканію власти и втеченія И такъ

такѣ я весьма старался учиться таинствамѣ того искуства, отѣ упражненія коего и степени искуства, который бы я вѣ ономѣ пріобрѣлѣ, казалось, зависѣло благополучное изполненіе всѣхѣ моихѣ начертаній. Ибо когда я размышлялѣ о томѣ, кѣ чему Периклѣ и Алцибіадѣ умѣли уговорить Аѳинячѣ; то не сомнѣвался ни минуты, что и я сѣ равнымѣ искуствомѣ могѣ бы ихѣ склонить кѣ такимѣ принятіямѣ мѣрѣ, которыя (сверьхѣ того, что онѣ сами вѣ себѣ благороднѣе) вели кѣ гораздо блистательнѣйшимѣ выгодамѣ, не заключая вѣ себѣ столько неизвѣстностей и опасностей. Вѣ семѣ намѣреніи посѣщалѣ я училище Платона, наслаждающагося тогда вѣ Аѳинахѣ своею величайшею знаменитостію. Онѣ, соединяя мудрость Сократа сѣ краснорѣчіемѣ Горгіаса и Продикуса, по разсужденію старыхѣ моихѣ друзей

зей былъ гораздо искуснѣе, нежели сіи словосплетатели, образовать витію, долженствующаго стараться привлекать къ себѣ сердца и духъ своихъ слушателей не кощунствомъ и хитростями обманчивой діалектики, но наипаче силою истины. Довѣреннѣйшій доступъ, который мнѣ позволилъ сей славной мудрецъ, открылъ согласіе моего образа разсужденія съ его правилами, которое дружество имъ со мною заведенное превратило почти въ изступительную страсть. Оно бы въ глазахъ свѣта послужило мнѣ во вредъ, естьли бы о немъ тогда уже такъ думали, какъ послѣ, когда онъ чрезъ изданіе своихъ метафизическихъ разговоровъ у статскихъ людей и у многихъ изъ самыхъ тѣхъ, кои ему удивлялись, навлекъ на себя основательный, или паче мнимый выговоръ, который нѣкогда Аристофанъ (хотя совсѣмъ несправед-

ливо

ливо) сдѣлалъ мудрому Сократу. Но Платонъ не писалъ тогда ни своего Тимеуса, ни своея республики. Однако между тѣмъ творенiе последней сея существовало уже у него въ головѣ. Она подавала весьма часто въ нашемъ прогуливанiи по Академическимъ переходамъ матерiю къ нашему разговору, и онъ тѣмъ ревностнѣе старался мнѣ присвоить понятiя свои о лучшемъ образѣ человѣческое общество учредить и управлять онымъ, что онъ надѣялся имѣть удовольствiе узрѣть ее приводимою чрезъ меня въ нѣкоторый степень дѣйствiя. Сколько бы ревность его въ разсужденiи сего была ни велика, однако она конечно была не больше моего желанiя изполнять самымъ дѣломъ то, о чемъ онъ разсуждалъ. Но воображенiя, которыя имѣлъ я о важности должностей человѣка, вмѣшивающагося въ общественныя дѣла и свя-

священствующагося на благоденствіе своихъ сограждан, было основано на чистотѣ моихъ намѣреній, и я тѣмъ далѣе отъ честоисканія и другихъ корыстолюбивыхъ страстей чаялъ быть отторженъ, чѣмъ бы извѣстнѣе я (естьли бы я это почиталъ за позволенное при избраніи рода жизни, слѣдовать единственно моей особенной склонности,) отъ градскаго шуму удаленную вольность и обхожденіе съ музами предпочелъ чести обладать всемъ свѣтомъ; то я думалъ, что я себя не возмогу довольно предуготовить прежде явленія моего на театръ, гдѣ первая выступка обыкновенно рѣшитъ щастіе цѣлаго зрѣлища. Я сопротивлялся при нѣкоторыхъ случаяхъ, которые, казалось, меня вызывали, какъ прозьбамъ моихъ друзей, такъ и моей собственной склонности; хотя (съ учиненія Алцибіадомъ съ хоро-

 шимъ

шимъ последованіемъ начала) не недоставало въ молодыхъ людяхъ, которые, не учинясь известными чрезъ другія дарованія, какъ чрезъ искуство разпоряжать пиры, чистенько одеваться, танцовать, играть на арфе, были доволько отважны, чтобы прорыскавши целую ночь изъ объятій любовницы вскочить въ собраніе народа, и оросившись благоуханіями и помадами до капель, съ вертопрашнымъ пустомельствомъ о недостаткахъ государства и ошибкахъ въ правленіи общества болтать.

Наконецъ открылся такой случай, въ которомъ интересы моего друга, преимущественно мною любимаго, перевесили все мои разсужденія. Сильный заговоръ клялся, что бы погубить его. Онъ былъ безвиненъ, но виды были противу его. Сердца

были

были противу его объяты; и страхъ навлечь на себя негодованіе его непріятелей удерживалъ нѣсколькихъ, которые объ немъ лучше думали, вступиться за него всенародно. Въ сихъ обстоятельствахъ я дерзнулъ вызваться взять на себя защищать его. Бывшу мнѣ увѣрену о его невинности, всѣ сіи разсужденія, кои прочихъ его друзей устрашили, произвели во мнѣ совсѣмъ противное дѣйствіе. Всѣ Аѳины приложили вниманіе, услыша, что Агатонъ, сынъ Стратоника, вступится защищать дѣло прежде уже осужденнаго Лизіаса. Склонность, которую народъ ко мнѣ имѣлъ, перемѣнила тотчасъ мнѣніе о семъ дѣлѣ положенное. Аѳиняне, очарованы будучи моимъ великодушіемъ, удивлялись, что я имѣлъ столько бодрости, что объявилъ себя другомъ того, котораго весь свѣтъ оставилъ и предалъ свирѣп-

ству и власти его непріятелей. И такъ дѣланы были живѣйшіе обѣты, чтобы я могъ получить побѣду, и возторженіе, однимъ другому сообщаемое, было столько велико, что противная сторона Лизіаса увидѣла себя принужденною день рѣшенія далѣе отсрочить, чтобы тѣмъ дать время прохладиться разгорячившимся духамъ. Между тѣмъ они употребили всѣ хитрости, почитаемыя ими за нужныя, чтобы увѣриться о успѣхѣ; но слѣдствіе уничтожило всѣ ихъ предпріятія мѣрѣ. Радостныя возклицанія, съ коими я отъ большей части народа былъ встрѣчаемъ, ободряли меня. Я говорилъ съ постояннѣйшею твердостію, нежели какой можно было ожидать отъ онаго юноши, которому въ первый разъ случилось предъ толь многочисленнымъ говорить собраніемъ, въ коемъ послѣдній ремесленникъ почитаетъ

себя

себя за знатока и законнаго судію краснорѣчія. Добродѣтель произвела и здѣсь свое дѣйствіе, которое она всегда дѣлаетъ, когда она представляется въ своемъ собственномъ сіяніи и съ тою живостію, которая придаетъ оратору собственное свое убѣжденіе; она преодолѣла всѣхъ сердца. Лизіасъ былъ прощенъ, а Агатонъ, сдѣлавшись ироемъ Аѳинянъ, былъ препровожденъ въ тріумфѣ къ себѣ въ домъ. Съ сего времяни являлся я чаще въ открытыхъ собраніяхъ. Страсть, которую народъ возъимѣлъ ко мнѣ, и соизволеніе, которое, такъ сказать, парило навстрѣчу тому, что я хотѣлъ предложить, вдыхали въ меня бодрость брать также участіе въ общихъ дѣлахъ. И такъ я въ семъ новомъ ристалищѣ дѣлалъ толь быстрые шаги, что въ короткое время благосклонность, въ которой я находился у народа, нахо-

дилась въ равновѣсіи со властію сильнѣйшихъ Аѳинянъ. Самые тайные мои непріятели увидѣли себя принужденными, въ угодность народу, въ открытыхъ мѣстахъ умножать число мнѣ удивляющихся.

Смерть моего отца, послѣдовавшая около сего времяни, лишила меня друга и водителя, коего премудрость необходима мнѣ была въ исполненномъ опасностями океанѣ политической жизни. Я вступилъ чрезъ оную во владѣніе его великихъ богатствъ, съ коими онъ чрезъ то только избавлялся отъ зависти, поелику онъ употреблялъ ихъ съ великою скромностію. Я былъ не столько осторожень и прозорливъ. Хотя издержки, мною на оныя употребляемыя, сами по себѣ были благородны и похвальны: я ихъ разточалъ на содѣланіе добра. Я подкрѣ-

крѣпляль всѣ роды граждань, которые безвинно впадали въ нещастія. Домъ мой былъ мѣстомъ собранія ученыхъ, художниковъ и чужеземцовъ. Имущество мое было къ услугамъ каждаго имѣющаго въ ономъ нужду. Но самое сіе споспѣшествовало наконецъ моему паденію. Мнѣ бы скорѣе отпустились сіи иждивенія, естьли бы я ихъ проматывалъ со льстецами, блудницами, и въ безпрестанной перемѣнѣ великолѣпныхъ и безумныхъ веселостей.

Однако между тѣмъ довольно протекло времяни, пока зависть возбужденная мною таковымъ родомъ жизни въ сердцахъ самыхъ почетнѣйшихъ особъ, не осмѣлилась изникать видимыми дѣйствіями. Народъ, до сего меня любившій, началъ днесь меня обожать. Выраженіе, здѣсь мною употребленное, не довольно; ибо когда одинъ стихотворецъ, пользующійся

ся обыкновенно моимЪ столомЪ, вздумалЪ вЪ своей пространной и бѣдной притчѣ дать мнѣ Аполлона вЪ отцы; то сіе мнѣ самому смѣшное ласкательство пріобрѣло толь великое снизхожденіе у народа (которому и безЪ сего чудное всегда кажется лучше, нежели естественное), что мало по малу прошла молва, которая матерѣ моей приписывала ту честь, что она вЪ ДельфскомЪ богѣ произвела чувствительность кЪ своимЪ прелестямЪ. Сколько изступительно было сіе мнѣніе, столько казалось оно вѣроятнымЪ моимЪ доброхотамЪ изЪ послѣдняго класса. ЧрезЪ нее единую надѣялись они возмочь изЪяснить чрезвычайныя ими мнѣ приписываемыя совершенства, и нелѣпыя надежды, ими на меня возлагаемыя, возмочь оправдать; поелику предразсужденіе большей части простиралось такЪ далеко, что многіе

тіе всенародно говорили, что Аөины чрезъ меня единаго могутъ сдѣлаться обладателемъ всего свѣта, и должно поспѣшить возложить на меня единаго неограниченную власть. Они не менѣе отъ моего управленія надѣялись, какъ возвращенія златаго вѣка, конечнаго пресѣченія ненавистнаго различія между бѣдными и богатыми, и блаженной праздности посредѣ всѣхъ роскошей и забавъ жизни.

При сихъ чувствованіяхъ, коими въ большемъ или меньшемъ степени умоизступленія весь народъ Аөинскій ко мнѣ былъ объятъ, потребенъ былъ только одинъ случай, чтобы его до того довести, чтобы самый законъ въ угодность ихъ любимца нарушить. Оный открылся, когда Эвбеа и нѣкоторыя другія прилежащія острова для низложенія несно-

сноснаго ига, наложеннаго на нихъ Аѳинянами, возбудили бунтъ, въ коемъ они Спартанцами тайно подкрѣпляемы были. Не могло быть (выключая то упражненіе, которое снискать можно дома) въ бранной хитрости неискуснѣе меня. Я еще не достигъ того возраста, котораго требуютъ законы для принятія на себя публичнаго чина. Мы не имѣли недостатка въ искусныхъ и упражняемыхъ военныхъ людяхъ. Я самъ употребилъ всѣ мои силы и всю мою власть, чтобы изъ нихъ выборъ въ полководцы противу мятежниковъ палъ на того, котораго я преимущественно высокопочиталъ за его нравственное свойство. Но все сіе ничего не помогло противу горячаго воображенія живѣйшаго и легкомысленнѣйшаго народа въ свѣтѣ. Агатонъ, которому всѣ дарованія были приписываемы, и отъ коего почитали за право ожидать

дать чудесъ, казался одинъ быть способнымъ утвердить честь имяни Аѳинскаго, и высокопарящимъ бреднямъ политическихъ Аѳинскихъ празднолюбцевъ, (которые при семъ случаѣ на перерывъ силились, кто можетъ сдѣлать смѣшнѣйшія предпріятія) дать дѣйствительность. Родъ сей людей былъ столько упражненъ, что имъ удалось наибольшую часть изъ своихъ сограждан заразить своимъ дурачествомъ. Также не было недостатка и въ извѣстіяхъ, которыя, огонь разводили болѣе, нежели онъ былъ, и наконецъ Царя Персидскаго запутали въ возмущеніе Эвбеи; все единственно для того, чтобы подать мнѣ тѣмъ обширнѣйшее зрѣлище увеселить Аѳинянъ иройскими дѣлами и завоеваніями обогатить. И такъ я былъ (сколько ни отбивался) съ неограниченною властію избранъ надъ арміею, надъ флотами и

надъ

надъ казною противу бунтующихъ островов военачальникомъ. Будучи принужденъ уступить своенравію моихъ сограждан, заключилъ я оное сдѣлать добрымъ образомъ, и взирать на сіе приключеніе съ той стороны, которая казалась подавать мнѣ желаемый случай сдѣлать начало изполненія моихъ собственныхъ начертаній. Я зналъ, что островщики справедливыя имѣли жалобы противу Аеинъ. Какъ можно имъ было любить то правленіе, коимъ они были угнѣтаемы, изтощаемы и ногами попираемы? И такъ я основалъ весь мой планъ о успокоеніи и возстановленіи ихъ на пути благости, на уничтоженіи злоупотребленій, коими они были огорчены, на праведномъ умѣреніи податей, вымучиваемыхъ изъ нихъ противу ихъ вольностей и ихъ достатка, и на взнесеніи ихъ во всѣ права и выгоды, коими они, яко Греки

и яко союзники, по силѣ многихъ особенныхъ договоровъ долженствовали наслаждаться. Но прежде, нежели я могъ выѣхать изъ Аѳинъ, необходимо надлежало предуготовить духи и настроить на такой звонъ, который бы согласовался съ моими правилами и намѣреніями; тѣмъ нужнѣе, что я узрѣлъ, коль живо отважныя предпріятія, коими суета Алцибіада ихъ нѣкогда возхищала, при семъ случаѣ паки возбодрствовали.

И такъ я собралъ народъ и употребилъ къ тому всѣ силы краснорѣчія, которое ни у какого въ свѣтѣ народа толико не дѣйствовало, какъ у Аѳинянъ, чтобы ихъ убѣдить о основательности моихъ начертаній, оставя имъ только проникнуть въ то, что нужно къ достиженію моего намѣренія. Назнаменовавъ имъ наипрелестнѣйшими красками ихъ вели-

величество и благосостоянiе, коего республика посредствомъ своихъ естественныхъ выгодъ и внутренней силы достигнуть можетъ, старался доказать, „что обширныя завоеванiя (сверьхъ опасности, съ коею онѣ отъ непостоянства военнаго щастiя сопряжены) общество наконецъ необходимо подъ бремянемъ своего собственнаго величества стѣснить должны. Что есть гораздо безопаснѣйшiй и кратчайшiй путь къ содѣланiю Аѳинъ обладательницею земнаго шара; поелику всегда то государство прочимъ предписывать будетъ законы, которое купно кичится премудростiю и богатствомъ. „Что богатство всегда придаетъ силу, такъ, какъ мудрость научаетъ власть доброму употребленiю. Что Аѳины въ обоемъ превзошли бы всѣхъ другихъ народовъ, естьли бы онѣ съ од-

„ной

„ной стороны продолжали быть „ возпитанницею наукЪ и всѣхЪ „ полезноприятныхЪ художествЪ ; „ а сЪ другой устремлять все свое „ старание кЪ утверждению господ„ства на морѣ, не вЪ томЪ намѣ„рении, чтобы чинить завоева„ния, но для приведения себя вЪ „ такое внимание у внѣшнихЪ, „ чтобы всякой искалЪ ихЪ друж„бы, и никто бы не отважился „ раздражить гнѣва. Что лежа„щей при морѣ вольной области „ доброе познание со всѣми прочи„ми народами и сколько возмож„но разпространенная торговля „ есть естественный и безгрѣшный „ путь мало по малу достигнуть „ до такого величества, котораго „ границы непостижимы; но что „ для сего потребно сохранение „ своея собственной вольности „ безЪ умышления на вольность „ всѣхЪ прочихЪ, а особливо сосѣд„ственныхЪ, государствЪ, или

„ по

„ по крайней мѣрѣ стараться со-
„ держать ихъ въ ихъ древнемъ и
„ естественномъ образѣ и положе-
„ нiи. Что союзы съ своими со-
„ сѣдями и дружество, въ коемъ
„ они равно съ нами находятъ
„ свою пользу, должны давать
„ таковому государству гораздо
„ болѣе силы, власти и втече-
„ нiя въ общее учрежденiе полити-
„ ческой системы свѣта, нежели
„ подверженiе онаго, поелику
„ другъ всегда больше стоитъ, не-
„ жели невольникъ. Что справед-
„ ливость есть единственное осно-
„ ванiе силы и продолжительности
„ государства, такъ, какъ единый
„ союзъ человѣческаго общества.
„ Что сiя справедливость тре-
„ буетъ о каждомъ политичес-
„ комъ обществѣ (велико оно или
„ мало) разсуждать какъ о на-
„ шемъ самомъ, и отдавать ему
„ самыя тѣ же права, которыя мы
„ для самихъ насъ требовали.
„ Что

,, Что по симъ правиламъ устроен-
,, ное поведеніе есть надежнѣйшее
,, средство снискать общую до-
,, вѣренность, и вмѣсто насиль-
,, ственнаго, со всѣми опасностя-
,, ми мучительства сопряженнаго
,, господства, утвердить доброволь-
,, но признанную власть, которая
,, въ самомъ дѣлѣ всѣми выгодами
,, перваго сопровождается, не имѣя
,, ненавистнаго вида и худыхъ
,, онаго слѣдствій ,,. Приведши
всѣ сіи истины въ ихъ особли-
вомъ приложеніи къ Греціи и
Аѳинамъ въ сильнѣйшій свѣтъ и
уличивъ при семъ случаѣ ясно
глупость Алцибіадовыхъ проэк-
товъ и другихъ честолюбивыхъ
вертопраховъ, старался доказать,
что возмущеніе острововъ, нахо-
дящихся до сего подъ покрови-
тельствомъ Аѳинянъ, съ коими
въ новѣйшія времена чрезъ долги
нѣкоторыхъ злыхъ совѣтниковъ
республики поступано яко подъ

 иго

иго подверженными невольника-ми, представляетъ щастливѣйшій случай въ одно время убѣдить всю Грецію о праведномъ и благородномъ образѣ разсужденія Аѳинянъ, и чрезъ знатное умноженіе морской силы (коей издержки чрезъ большую безопасность и разширеніе купечества богато наградятся) привести себя въ такую власть, что никто того кроткаго и великодушнаго поступка съ наималѣйшимъ видомъ недостатка въ силѣ доставить себѣ удовольствіе не возможетъ приписывать. Я подкрѣплялъ предложенія сіи совсѣми доводами, могущими сдѣлать на живое воображеніе моихъ слушателей сильнѣйшее впечатлѣніе, и имѣлъ удовольствіе, что рѣчь моя принята была съ живѣйшимъ снизхожденіемъ, превзошедшимъ мое ожиданіе. Сверьхъ того, что Аѳиняне плѣняются истиною и здравыми наставленія-

мя

ми столько же удобно, какъ и ослѣпленіями ложной политики, когда имъ только оныя предлагаются въ толико же прелестномъ свѣтѣ и съ толико же живыми красками; то они спрашивали равнодушно, какими бы средствами Аѳины достигнуть могли до той великости, которая была цѣлію всѣхъ ихъ желаній. Знатной части гражданъ, коимъ миръ больше приносилъ пользы, нежели война, понравилось болѣе, что бы сія цѣль ихъ суеты могла получиться чрезъ средства согласныя больше съ ихъ особенною пользою.

Тайные мои непріятели, которые никакъ не сомнѣвались, чтобы сей походъ симъ или другимъ образомъ не подалъ случая къ моему паденію, были весьма далеки отъ того, чтобы моимъ предпріятіямъ мѣръ открыто про-

тивиться; но по виду казались онымЪ благопріятствующими. Но вЪ послѣдствіи узналЪ я, что тайно дѣлали они великія движенія, дабы возпрепятствовать успѣхамЪ оныхЪ; соплетали затрудненія изЪ затрудненій, и дошли до того, что давали тайные совѣты недовольнымЪ островскимЪ жителямЪ не склонятися на предлагаемыя мною справедливые договоры и возбуждали вЪ нихЪ надмѣніе. Презрѣніе, сЪ коимЪ сначала вЪ АѳинахЪ взирали на сіе возмущеніе, заразительный примѣрЪ и козни другихЪ ГреческихЪ городовЪ, взирающихЪ на верьховную АѳинянЪ власть завистными глазами, произвели то, что между тѣмЪ Аттическія поселенія и большая часть союзниковЪ осмѣлились было присвоять себѣ независимость, коея вредныя слѣдствія они самимЪ себѣ подЪ прелестнымЪ имянемЪ вольности скры-

скрывали. Самая надлежащая была пора предупреждать общее возмущеніе и заговоръ, и мои любезные соотчичи, кои при приближеніи опасности, которая имъ вдали подавала только матерію къ остроумнымъ замысламъ и подлымъ пѣснямъ, перешли вдругъ изъ легкомысленнаго равнодушія къ толико же чрезмѣрному малодушію, и увеличили сами себѣ зло столько, что я принужденъ былъ итти на парусахъ прежде, нежели изъ приуготовленія половина изготовилась. Я употребилъ осторожность и взялъ съ собою въ подначальники моего друга, предъ коимъ мнѣ народная благосклонность отдала толь несправедливое преимущество. Скромность, оказанная мною при власти, которую мнѣ порученное дѣло давало надъ нимъ, предупредила зависть, могущую разстроить слѣдствіе нашего предпрія-

тія. Мы поступали чистосердечно безъ всякихъ особенныхъ выгодъ по общеположенному начертанію, и щастіе столько намъ возблагопріятствовало, что меньше двухъ лѣтъ всѣ острова, поселенія и данники не только успокоены и паки приведены въ старыя границы, но чрезъ уничтоженіе всего того, чѣмъ они незаконно угнѣтались, и чрезъ подтвержденіе ихъ старыхъ вольностей болѣе прежняго сдѣлались склонными дружбу Аѳинъ предпочитать всѣмъ прочимъ обязательствамъ. Во всемъ семъ слѣдовалъ я, не слушая другихъ особливыхъ повелѣній, моему собственному разсужденію съ тѣмъ большею довѣренностію, что я съ прежними недовольными ни начто не согласился такое, чего они какъ по естественному праву, такъ и по силѣ древнихъ договоровъ совершеннаго не имѣли права требовать. Напротивъ того

го чрезъ сію умѣренность получилъ я новыя и весьма знатныя для Аѳинянъ выгоды, которыя простирались на все общество, вмѣсто того, что утѣсненіе, подъ коимъ стенали всѣ острова, наполняло сундуки нѣкоторыхъ особеннымъ лицъ и прежнихъ любимцевъ народа.

И такъ я возвратился обратно въ Аѳины съ удовольствіемъ, содѣлавъ добро, со снизхожденіемъ и живѣйтею склонностію всѣхъ селеній и союзниковъ, и съ полною довѣренностію обрѣсть въ удовольствіи моихъ сограждaнъ то награжденіе, которое я думалъ, что заслуживалъ. Флотъ мною приведенный былъ втрое сильнѣе того, нежели съ какимъ я выступилъ. Я ласкалъ себя, что я чрезъ толико быстрое угашеніе возмущенія, казавшагося толико великимъ и опаснымъ, снискалъ

нѣкоторую похвалу отъ моего отечества. Я сдѣлалъ изъ нашихъ непріятелей друзей, а изъ опасныхъ подданныхъ надежныхъ союзниковъ, коихъ вѣрность тѣмъ менѣе казалась сомнительною, когда ихъ безопасность и ихъ благосостояніе неразрывнымъ союзомъ соединено было съ интерессами Аѳинянъ. Я приложилъ, сберегая общее сокровище, много изъ моего собственнаго имущества, и болѣе ста вооруженныхъ галеръ, полученныхъ мною изъ доброй воли паки успокоенныхъ островцовъ, подали нашей морской силѣ знатное подкрѣпленіе. Я утвердилъ власть Аѳинянъ, завистниковъ ихъ отстращилъ, и купечеству ихъ доставилъ спокойное состояніе, коего прочность по меньшей мѣрѣ на долгое время зависѣла отъ ихъ собственнаго поступка. Удовольствіе разливающееся по моему духу при размышленіи

о всѣхъ сихъ выгодахъ моего отправленія было столько живо, что я не желалъ себѣ никакихъ прочихъ награжденій, кромѣ благосклонности и довѣренности моихъ сограждан. Но Аѳиняне были не такіе люди, которые при первомъ преткновеніи своея признательности могли наблюдать мѣру. Я былъ введенъ въ тріумфѣ и осыпаемъ наперерывъ всѣми родами почестей. Рѣщики для умноженія моихъ изтукановъ долженствовали неусыпно работать денноночно. Всѣ храмы, всѣ открытыя мѣста, площади и переходы были изукрашены картинами и надписями для учиненія вѣчною моея славы. Тѣ самые, которые въ слѣдствіи съ превеликою силою работали о моей погибели, были въ сіи минуты усерднѣйшіе предлагатели чрезмѣрныхъ и никогда неслыханныхъ награжденій, на которыя народъ въ жару своея волную

нующейся склонности добродушно склонялся, не помышляя о томъ, что сіе его чрезвычайное высокопочитаніе скоро отъ него самого вмѣнится за толикое же преступленіе.

Я увидя, что со всею моею скромностію не возможно было удержать стремительную рѣку народной благодарности, для лучшаго заблаго разсудилъ на нѣсколько времяни удалиться изъ Аѳинъ, и пока Аѳинская живость чрезъ какое нибудь новое зрѣлище иностраннаго шута, или нововыѣзжую танцовщицу, не получитъ другаго оборота, въ моей Коринѳской деревнѣ въ обществѣ Музъ и Грацій наслаждаться спокойствіемъ, въ которомъ я имѣлъ нужду, и которое я думаю, что заслуживалъ, трудясь нѣсколько лѣтъ. Я мало помышлялъ о томъ, что я въ такомъ городѣ, кото-

раго

раго казался я быть любимцемъ, имѣлъ непріятелей, кои между тѣмъ, какъ я со всякою безпечностію невинности внушалъ удовольствія сельской жизни и пріятной вольности, упражнялись въ вымышленіи сколько злобнаго, столько и благовыдуманнаго къ моему погубленію плана.

По строжайшемъ разсмотрѣніи моея открытой и особенной жизни въ Аѳинахъ я не находилъ ничего, за что бы я заслуживалъ нещастіе и усугубленіе онаго, кромѣ неосторожности или недостатка въ той мудрости, которую только время и опытъ подать могутъ. Я жилъ по моему сердцу и по моему вкусу, поелику я точно зналъ ихъ обоихъ доброту, не помышляя о томъ, что мнѣ при моихъ дѣйствіяхъ припишутъ другія намѣренія, нежели какія имѣлъ я дѣйствительно.

Я дѣлалъ всякому добро; поелику чрезъ то доставлялъ сердцу моему удовольствіе, которое я всѣмъ прочимъ радостямъ и веселіямъ предпочиталъ. Я былъ упражненъ общимъ благомъ республики; поелику я былъ къ тому рожденъ, ощущалъ къ тому во мнѣ способность, и надѣялся по склонности моихъ согражданъ притти въ состояніе быть полезнымъ моему отечеству и цѣлому свѣту. Я не имѣлъ никакихъ другихъ намѣреній, и скорѣе бы возмечталъ, что меня обвинятъ въ домогательствѣ короны Царя Персидскаго, нежели въ утѣсненіи моего отечества. Вѣдая въ совѣсти моей, что я ни чьей не заслуживалъ ненависти, то каждаго почиталъ за моего друга показывающаго себя такимъ. И для чего не надлежало мнѣ сего дѣлать? Едва ли былъ кто въ цѣлыхъ Аѳинахъ, которому бы я не оказалъ услу-

услуги. По сей самой причинѣ помышлялъ я столько же мало о составленіи злосовѣщанія, сколько мнѣ возможно было возпящать тайнымъ умысламъ невидимыхъ и неизвѣстныхъ мнѣ непріятелей; поелику я не думалъ, чтобы вольнодушіе, съ которымъ я безъ желчи и высокоумія сказывалъ при каждомъ случаѣ мое мнѣніе, могло быть причиною содѣлавшихся мнѣ непріятелями. Однимъ словомъ, я еще не зналъ, что добродѣтель, заслуги и благодѣянія прямо суть то, что въ нѣкоторыхъ людяхъ можетъ возродить смертельную ненависть и огорчить ихъ до ядовитой злости. Печальный опытъ могъ меня одинъ научить сему проницанію; и справедливо, что я его дорого почитаю, когда онъ мнѣ не менѣе стоялъ, какъ моего отечества, любви моихъ согражданъ, лучшихъ моихъ надеждъ и щасли-

стливой возможности многимЪ дѣлать добро и ни отЪ кого не зависѣть.

Глава седьмая.

АгатонЪ изгоняется изЪ АѳинЪ.

Времяточіе моея жизни, до котораго я днесь достигЪ, влечетЪ сЪ собою наинепріятнѣйшія возпоминанія, такЪ, что я не могу быть извиненЪ, естьли я отЪ оной толь скоро потороплюсь, какЪ допуститЪ справедливость, которою я самЪ себѣ долженЪ. Это возможное дѣло, что нѣкоторые изЪ моихЪ непріятелей возстали противу меня изЪ побудительныхЪ причинЪ общественной ревности, и думали, что они чрезЪ низверженіе меня окажутЪ толико же существенную отечеству своему пользу, какЪ Гармодій и АристогитонЪ чрезЪ убіеніе Пи-

Пизистратидовъ. Однако то извѣстно, что тѣ, которые въ семъ дѣлѣ работали съ большею свирѣпостію, не имѣли никакой другой побудительной причины, кромѣ завидованія власти, которую мнѣ общая благосклонность народа давала, и которую они не безъ причины почитали за препятствіе своимъ честолюбивымъ и корыстолюбивымъ намѣреніямъ. Большая часть думала также, что ей надлежало отмщевать за приватныя оскорбленія. Нѣкоторые питали еще старую злобу, которую они въ республикѣ противу меня посѣяли, когда я при первомъ моемъ вступленіи исторгнулъ честнаго моего друга изъ дѣйствій ихъ злобы. Другихъ оскорбляло то, что я имъ при избраніи начальника противу бунтующихъ островов былъ предпочтенъ. Многіе оскорблены были урономъ, который они чувствовали

вали въ томъ, что не могли болѣе чрезъ неправильныя оныхъ притѣсненія обогащаться. У всѣхъ ничто мнѣ не помогло, что я никакого намѣренія не имѣлъ ихъ прогнѣвать, и что только сіе приключилось случайно, что я поступалъ по движеніямъ моея совѣсти и моея должности. Они судили о моихъ дѣйствіяхъ совсѣмъ по другой точкѣ зрѣнія, и сіе было у нихъ кореннымъ правиломъ, что тотъ не могъ быть честнымъ человѣкомъ, кто полагалъ границы ихъ особеннымъ намѣреніямъ. Къ моему нещастію большая часть изъ сихъ людей были самые тѣ, которые отличались въ Аѳинахъ какъ благородствомъ породы, такъ и богатствомъ. Надлежитъ присовокупить къ сему и то, что я моей всегда горящей къ Псишѣ любви жертвовалъ наивыгоднѣйшими предлагаемыми мнѣ союзами, и лишалъ чрезъ

чрезЪ то себя подпоры и покровительства, которыхЪ я чрезЪ сродство сЪ сильною фамиліею могЪ надѣяться. Я не имѣлЪ ничего, что бы могЪ ковамЪ и соединенной силѣ толь многихЪ непріятелей противупоставить, кромѣ моея невинности, нѣкоторыхЪ заслугЪ и склонности народа; слабыхЪ оборонЪ, которыя еще никогда не могли устоять противу нападеній зависти, коварства и насилія. Не трудно сдѣлать невинность подозрительною и дать заслугамЪ и добродѣтели видЪ преступленія, представя ихЪ подЪ ложнымЪ свѣтомЪ. И какая подпора остается вЪ снизхожденіи возторженнаго народа, котораго движенія предупреждаютЪ всегда его разсужденія, который любитЪ и ненавидитЪ сЪ равнымЪ излишествомЪ, и низвергнувшись единожды вЪ лихорадочный жарЪ, равно бываетЪ склоненЪ слѣдовать сему,

 или

или противоположенному направленію, смотря по побужденію его поощряющему? Чего могъ я себѣ надѣяться отъ милости такого народа, который великаго защитника Греческой вольности уморилъ въ темницѣ? который добродѣтельнаго Аристида единственно за то сослалъ въ ссылку, что онъ заслужилъ прозваніе справедливаго, и въ своемъ обыкновенномъ упрямствѣ осудилъ самого мудраго Сократа выпить стаканъ яда? Примѣры сіи при первомъ извѣстіи, полученномъ мною о возстающей на меня бурѣ, предсказывали мнѣ несомнѣнно, чего надлежало мнѣ ожидать отъ Аѳинянъ. Я получилъ изъ сего ту выгоду, что я не надѣялся благосклоннѣйшей учасши и имъ болѣе не довѣрялъ, какъ они оказывались, и она не мало способствовала мнѣ къ понесенію великодушно нещастія, въ которомъ я толь превозход-

ныхъ

ныхъ мужей имѣлъ предшественниками.

Тотъ, котораго мои непріятели избрали на меня донощикомъ, былъ одинъ изъ сихъ остроумныхъ болтуновъ, коихъ таланты всегда готовы за деньги защищать правду и неправду. Онъ учился въ училищѣ славнаго Горгія разумъ слушателей своихъ ослѣплять очарованіями витійства и имъ присовѣтовать видѣть то, чего они не видали. Онъ мало о томъ безпокоился, доказывать то, что онъ съ величайшею смѣлостію утверждалъ. Однако онъ умѣлъ ему давать толь живый видъ, и хотя чрезъ самопроизвольное, но тѣмъ искуснѣйшее сплетеніе своихъ предложеній слабость каждаго взятаго отдѣльно толь искусно скрывать, что и съ основательнѣйшимъ разсужденіемъ надлежало быть въ осто-

рожности, чтобы не попасться ему въ обманѣ. Главнѣйшимъ предметомъ изъ его доносовъ было худое управленіе, въ коемъ я, какъ главноначальствующій, по дѣлу бунтующихъ острововъ сдѣлался виновнымъ. Онъ доказывалъ съ великимъ высокословіемъ, что я во всемъ семъ дѣлѣ ничего такого не сдѣлалъ, чтобы стояло рѣчей; что я болѣе, вмѣсто того, чтобы наказывать возмутителей и привести къ послушанію, представлялъ ихъ защитника, награждалъ ихъ за ихъ возмущеніе и ихъ заставилъ просить больше, нежели бы они сами осмѣлились, и чрезъ сей непонятный родъ поступка придалъ имъ больше бодрости и силы при первомъ случаѣ сдѣлаться отъ Аѳинъ совершенно независимыми. Онъ доказывалъ все сіе изъ правилъ политики совсѣмъ моей противной, но которая весьма ласкала страстямъ

Аѳи-

Аѳинянъ и каждаго другаго народа, чтобы въ оную не сыскать входа. Онъ еще имѣлъ ту злобу, что не хотѣлъ рѣшить того, отъ глупости ли я такъ поступилъ, или умышленно; однако съ одной стороны выхвалилъ способности мои столь высоко, и положилъ столько правдоподобія на другую чашу вѣсовъ, что походу надлежало произойти отъ себя, то есть, естественно надлежало вывести слѣдствіе, что я поступилъ такимъ образомъ для нѣкоторыхъ сокровенныхъ намѣреній. Сіе довело его до второй части его доносительствъ, которая въ самомъ дѣлѣ (хотя онъ не хотѣлъ признаться) составляла онаго главный предметъ. Здѣсь-то послѣдовали обвиненія за обвиненіями, чтобы меня предъ народомъ изобразить честолюбивымъ, который сдѣлалъ начертаніе притѣснить свое отечество

и подъ видомъ великодушія, щедрости и народной пользы сдѣлаться неограниченнымъ онаго государемъ. Каждая изъ моихъ добродѣтелей была личиною порока, работающаго тайно о уничтоженіи вольности и блаженства Аѳинянъ. Надлежитъ признаться, что краснорѣчіе моего противника имѣло здѣсь обширное поле показаться во всей своей выгодѣ и сдѣлать въ своихъ слушателяхъ общественное удовольствіе видѣть низлагающеюся добродѣтель, которая, казалось, давала мнѣ знатнѣйшее предъ моими согражданами преимущество. Между тѣмъ, хотя онъ безъ опороченія ни единой части особенной моей жизни не оставилъ (коль она нѣкогда чиста ни казалась моимъ доброхотамъ); однако онъ умѣлъ, что хитрости, которыя ему надлежало употребить къ тому, могли очень сильно кинуться въ глаза. И такъ онъ

онъ собралъ все, что только всегда могло быть удобно показать меня въ ненавистнѣйшемъ видѣ. Но имѣя недостатокъ въ преступленіяхъ, въ которыхъ бы могъ меня съ нѣкоторою вѣроятностію обвинить; то онъ не убоялся поставить на мой щетъ чужія глупости и самыя чрезвычайныя почести, оказываемыя мнѣ при приливѣ моего щастія и моей милости народомъ. Мнѣ надлежало тогда отдать отчетъ и за бѣдныя стихи, коими нѣкоторые стихотворцы старались доказать за свой желудокъ благодарность къ безчестію своея и моея славы. Меня обвиняли воистину за то, что я довольно былъ наглъ и безбоженъ, что объявлялъ себя сыномъ Делфійскаго Аполлона, и доноситель мой не упустилъ сего случая, чтобы не возбудить сомнѣнія о истинномъ моемъ рожденіи, и между многими шуточны-

ми обращеніями найти правдоподобнымъ мнѣніе тѣхъ, которые (какъ онъ сказывалъ) думали, что они точно свѣдомы, что я моимъ бытіемъ обязанъ тайнымъ любовнымъ дѣламъ какого нибудь Делфійскаго жреца. Во всей рѣчи сей злостію одушевляемая острота награждала недостатокъ основательныхъ доказательствъ. Но Аѳиняне обыкли уже издавна покупать остроту за истину и воображать себѣ, что они увѣрены, когда вкусъ ихъ услажденъ и уши ихъ нащекотаны. И такъ она сдѣлала можетъ быть еще гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели надѣялись отъ нея мои непріятели. Ревность, которую она возбудила въ сердцахъ, превратила чрезмѣрную склонность, которой я нѣсколько лѣтъ былъ предметомъ, въ ядовитѣйшую ненависть. Аѳиняне устрашились пропасти, на

край

край которой увидѣли себя чрезъ свое ко мнѣ ослѣпленіе непримѣтно привлеченными. Они ужаснулись отъ того, что они мою неспособность къ управленію государства, желаніе мое о неограниченой власти, мои дальновидныя намѣренія и тайное мое согласіе съ ихъ непріятелями не прежде усмотрѣли. И какъ не натурально бы было вину онаго на самихъ себя снять, то приписали они ее очарованію, которымъ я нѣсколько времяни умѣлъ у нихъ застилать глаза. Каждый тогда думалъ чрезъ пагубныя намѣренія, предпріятыя мною противу республики, отъ благодарности совершенно быть изключенъ, которою онъ мнѣ за услуги или благодѣянія долженъ быть могъ, и почитали оныя тогда за приману, которою я старался похищать вольность, а съ нею и особенность моихъ согражданъ. Однимъ сло-

 вомъ,

вомЪ, самый сей народЪ, который за нѣсколько мѣсяцовЪ больше, нежели человѣческимЪ, совершенствамЪ во мнѣ удивлялся, былЪ довольно днесь несправедливЪ, что не приписалЪ мнѣ ни малѣйшей заслуги; и самые тѣ, которые бы при первомЪ знакѣ готовы были вручить мнѣ вЪ общемЪ собраніи верьховное правленіе, жадничали теперь посмотрѣть, чтобы я за мнимое предпріятіе противу вольности, которою бы они вЪ сію минуту мнѣ сами собою жертвовали, заплатилЪ моею кровію. По назначеніи мнѣ обыкновеннаго срока кЪ отвѣту, приговорЪ мой большинствомЪ голосовЪ былЪ уже заключенЪ, и удовольствіе, сЪ каковымЪ я отЪ безчисленнаго множества народа провождаемЪ былЪ вЪ темницу, было бы совершенно, естьли бы ему законы позволяли, вмѣсто того, чтобы туда, отвести меня

ня безъ дальнѣйшихъ слѣдствій на мѣсто казни.

Хотя непріятелямъ моимъ благополучно удалось въ ихъ предпріятіи; однако они не думали еще довольно безопасны быть отъ моея погибели. Они опасались непостоянства народа, о коемъ они довольно знали, коль удобно онъ отъ любви къ ненависти, а отъ ненависти переходилъ къ состраданію. Возможно было единымъ изгнаніемъ на нѣсколько лѣтъ въ ссылку меня избавиться; но сіе самое заставляло опасаться перемѣны явленія, которое бы ни ихъ ненависти противу меня, ни ихъ собственной безопасности не благопріятствовало. И такъ надлежало еще подорвать другой подкопъ, чрезъ который бы мнѣ, естьли бы я единожды изгнанъ былъ изъ Аѳинъ, вся надежда возвратиться когда ни-

нибудь пресѣклась. Надлежало доказать, что я никакъ не Аѳинскій гражданинъ; что мать моя также не гражданка, а Стратоникъ не былъ моимъ отцемъ; что онъ за недостаткомъ наслѣдника отъ своея собственнныо крови изъ ненависти къ тому, которому бы по законамъ за неимѣніемъ ближайшихъ родственниковъ должно было вступить во владѣніе его имѣнія, принялъ меня и утвердилъ; и что по законамъ я никакого не имѣю на его наслѣдство права. Но какъ въ Аѳинахъ никогда не недостаетъ въ такихъ людяхъ, которые за обѣщанное награжденіе говорятъ, что они не все, что хочешъ, видѣли и слышали; но какъ никого изъ тѣхъ, которые бы въ истинѣ могли прясягнуть, не было въ живыхъ: то тѣмъ удобнѣе соперникамъ моимъ были все сіе столько же хорошо доказать, какъ и государственныя

ныя мои преступленія. И такъ учинилось новое оклеветаніе. Томъ, который сдѣлался противу меня челобитчикомъ, былъ племянникъ моего отца, ни чрезъ что, какъ чрезъ свою разпущенную жизнь, извѣстный человѣкъ, чрезъ что онъ свое наслѣдство еще за нѣсколько лѣтъ промоталъ. Неизправимость его лишила его наконецъ дружбы моего отца и вниманія всѣхъ честныхъ людей; и такъ онъ возпользовался теперь симъ обстоятельствомъ, чтобы лишить меня того наслѣдства, которое онъ, какъ ближайшій безъ меня наслѣдникъ, въ своихъ мысляхъ уже проглотилъ. Искуство оратора, котораго услуги онъ для произведенія въ дѣйство своего мошенничества купилъ; сильное заступленіе моихъ непріятелей; самыя обстоятельства, въ коихъ онъ напалъ на меня нечаянно; а особливо голосъ ложныхъ

ныхъ его свидѣтелей, клянувшихся за всѣ неправды, въ коихъ онъ къ достиженію своего намѣренія, имѣлъ нужду; все сіе взято будучи вмѣстѣ увѣрило его въ благополучномъ окончаніи его умысла, и богатства, которыя ему чрезъ то доставались, были въ глазахъ безчувственнаго бѣдняка, какъ онъ, довольно важны, чтобы купить ихъ чрезъ преступленія столь мало для него стоящія.

Сей послѣдній ударъ, совершеннѣйшее доказательство, до какого степеня возвысилось свирѣпство моихъ непріятелей и коль они увѣрены были въ слѣдствіи, не оставляло мнѣ никакой надежды остыдить ихъ упованіе. Поелику всѣ мои мнимые друзья до самыхъ малыхъ, коихъ добрая воля была безсильна, увидя, что щастіе отъ меня отпало, оставили также меня. Другіе, которые

рые хотя о причиненной мнѣ несправедливости были убѣждены, не имѣли довольной твердости подвергнуться за постороннее дѣло опасности; и единъ Платонъ, котораго свойство, важность и дружество могли бы мнѣ можетъ быть полезнымъ взпоможеніемъ, находился съ нѣкотораго времяни при дворѣ младаго Діонисія въ Сиракузахъ. Я признаюсь, что я, доколѣ первыя движенія продолжались, чувствовалъ мое нещастіе въ сей его обширности. Для честной, а при томъ еще мало въ опытахъ упражнявшейся, души ужасно чувствовать, чтобы обмануту быть въ своемъ добромъ о людяхъ мнѣніи и видѣть себя къ отвратительному выбору принужденнаго или жить во всегдашнемъ страхѣ отъ слабости однихъ и отъ злобы другихъ, или изгнать себя совсѣмъ изъ ихъ сообщества. Но малодушіе, слѣдствіе

ствіе первыхъ моихъ мутныхъ разсужденій, не долго продолжалось. Опыты, содѣланныя мною въ толь короткое время со вступленія моего на зрѣлище обширнаго свѣта, возбудили опять возпоминанія моего благополучнаго въ Дельфахъ юношества съ такою живностію, съ какою онѣ мнѣ никогда въ возмущеніи городской и политической жизни не представлялись. Движеніе моего духа, болѣзнь, которою онъ былъ пораженъ, извѣстность, что я въ нѣсколько дней изъ всѣхъ оказаній милостей, коими меня щастіе толь быстро и съ толикимъ излишествомъ осыпало, ничего, кромѣ возпоминанія, остающагося намъ послѣ сновидѣнія, и изъ всего, что я называлъ моимъ, ничего, кромѣ совѣсти и моея честности, изъ Аѳинъ съ собою не взялъ бы, — ввергнули меня вдругъ паки въ сіе благополучное возторженіе,

ніе, въ которомъ мы способны противуположить всей той наружности, которою соединенная сила щастія и человѣческой злости противу насъ дѣйствовать можетъ, постоянное сердце и веселое лице. Безпосредственное утѣшеніе, разлитое моими правилами по моему сердцу, теплота и новооживотворенная сила, вдохнутая ими въ мою душу, увѣрили меня снова о ихъ истинѣ. Я ни мало самъ не упрекалъ добродѣтели, что она навлекла на меня ненависть и гоненіе злыхъ людей; я чувствовалъ, что она сама себя награждаетъ. Нещастіе, казалось, тѣмъ сильнѣе соединило меня съ нею, такъ, какъ намъ возлюбленная особа тѣмъ становится дороже, чѣмъ больше мы для нея страдаемъ. Разсужденія, на которыя склонили меня сіи чувствованія, научили меня, коль маловажны на вѣсахъ премудрости

всѣ сіи блестящіе имущества, которыя я намѣренъ былъ отдать обратно щастію, и коль важны напротивъ того тѣ, которыхъ у меня никакое общественное умышленіе, никакой указъ народа Аѳинскаго и никакая сила въ свѣтѣ не могла отнять. Я сравнивалъ мое состояніе въ высочайшемъ волненіи моего щастія съ блаженнымъ спокойствіемъ богомыслящей жизни, въ которой я въ щастливомъ невѣденіи блестящей бѣдности и истиннаго мученія завидной величины мое невинное препроводилъ юношество, въ которой я наслаждался моимъ существованіемъ и внутренними богатствами моего духа, моихъ мыслей, моихъ чувствованій, собственной и отъ всякой внѣшней силы независимой дѣйствительности моея души — и думалъ, что я при семъ сравненіи все выигралъ бы, естьли бы отказавшисъ

шись добровольно отъ выгодъ, между тѣмъ мнѣ доставшихся, могъ обратно притти въ то состояніе, которое мнѣ мое воображеніе своими преизряднѣйшими красками и въ семъ чрезъестественномъ свѣтѣ, въ которомъ оно казалось быть равнымъ состоянію небесныхъ существъ, начертало. Мысль, что сіе блаженство не привержено къ рощѣ Делфійской, что източники онаго во мнѣ самомъ изходятъ, что самыя сіи мнимыя имѣнія, которыя мнѣ посредѣ ихъ наслажденія навлекли столько безпокойства и разсѣянія, были единственныя препоны моему истинному благополучію. — Мысль сія ввергнула меня во внутреннюю радость, которая меня дѣлала нечувствительнымъ ко всѣмъ горестямъ моея участи; и сіе простерлось наконецъ толь далеко, что я съ

нетерпѣливостію ожидалъ дня моего осужденія.

Но сей образъ разсужденія, который вперилъ въ меня толико равнодушія къ потерянію моея власти и моего имущества, сдѣлалъ то, что я на поступокъ Аѳинянъ взиралъ изъ нравоучительной точки зрѣнія, которая вдохнула въ меня къ оному отвращеніе и омерзеніе. Непріятели мои казались мнѣ въ страстяхъ, коими они побуждаемы были, нѣкоторымъ образомъ извинительны. Но народъ, который при моемъ низверженіи ничего не выигралъ, который имѣлъ столько причинъ меня любить, который меня дѣйствительно столько любилъ, а теперь чрезъ единое слѣдствіе своего непостоянства и своея слабости, не зная самъ порядочно для чего, безумно сдѣлался орудіемъ чужихъ страстей и намѣ-

мѣреній, сей народъ глазамъ моимъ казался столько презрительнымъ, что я больше въ мысляхъ не находилъ никакого удовольствія облаготворивъ его. Аѳиняне сіи, кичящіеся столько своими преимуществами предъ всѣми другими въ свѣтѣ государствами, представлялись озлобленному моему самолюбію, яко толпа слабыхъ дураковъ, которыхъ небольшое сонмище хитрыхъ бездѣльниковъ склонило бѣлое почитать за черное, которые при всей тонкости своего вкуса, когда доходило до разсужденія о стиходѣяніи пѣсенки или о ногахъ танцовщицы, не имѣли ни познанія ни чувствованія о добродѣтели и истинной заслугѣ, которые при сильнѣйшемъ ревнительствѣ о своей вольности никогда не бывали величайшими невольниками, какъ когда защищали свою химерическую Палладію съ наибольшею храбростію, которые

всегда отдавались руководству своихъ злоумышленныхъ льстецовъ съ слѣпою довѣренностію, а величайшее невѣріе полагали только на своихъ добродѣтельнѣйшихъ согражданъ, своихъ надежнѣйшихъ друзей. Они заслуживаютъ, говорилъ я самъ себѣ, чтобы ихъ всегда обманывали; но они никогда не доживутъ до того торжества, чтобы увидѣть Агатона предъ собою уничижающагося. Они должны возчувствовать различіе, находящееся между нимъ и ими; они должны чувствовать, что онъ тѣмъ больше возвеличится, когда они у него всѣ сіи дѣтскія украшенія изъ золотой бити отнимутъ, коими они его, какъ дѣти на короткое время любимую обвѣшали куклу; и можетъ быть скоро поздная череда научитъ ихъ, что Агатонъ удобнѣе безъ нихъ пробыть можетъ, нежели они безъ Агатона обойтися могутъ.

Ты

Ты видишъ прекрасная Данае, что я не страшуся признаться тебѣ и въ моихъ слабостяхъ. Гордость сія имѣла безъ сомнѣнія въ себѣ добрую часть той суеты, которую я Аѳинянамъ вмѣнялъ въ преступленіе; но можетъ быть она принадлежитъ также къ побудительнымъ причинамъ, коими природа одарила благородныя души, чтобы удаленію нещастныхъ случаевъ противиться съ равнымъ отторженіемъ и удержать себя чрезъ то въ ея собственномъ видѣ и величествѣ. Аѳиняне хвалили прежде скромность мою и умѣренность въ то время, когда они все то дѣлали, отъ чего я могъ потерять сіи добродѣтели. Скромность сія произтекала съ гордостію, которая для ихъ теперь во мнѣ была столько блазненна, изъ единаго източника. Я былъ столько же увѣренъ, что я недостойныхъ по-

ступковЪ ихЪ не заслуживалЪ, какЪ я прежде чувствовалЪ, что вниманіе ими мнѣ оказываемое было излишно; тѣмЪ скромнѣе, чѣмЪ болѣе они меня возвышали; а тѣмЪ гордѣе и упорнѣе, чѣмЪ болѣе хотѣли они меня унизить.

Мои малые друзья между тѣмЪ вЪ молчаніи столь ревностно старались о моемЪ благѣ, что подали мнѣ надежду, что все пойдетЪ хорошо, естьли бы я только могЪ вознамѣриться разположить мое защищеніе по вкусу и ожиданію народа. Они говорили, чтобы я оправдывался столь совершенно, сколько бы только возможно было, но наконецЪ однако повергся бы кЪ ногамЪ АѳинянЪ на милость и немилость. СЪ непріятелями моими смѣлЪ я поступить по всякой строгости закона самозащищенія и равнаго воздаянія; но АѳинянамЪ долженствовалЪ ласкать,

скать, и вмѣсто того, чтобы ихъ самолюбіе озлобить хотя малою укоризною, старался бы я напротивъ того возбудить въ нихъ сострадание. Это вѣроятно, что послѣдствіе оправдало бы сей моихъ друзей совѣтъ, который основывался на познаніи свойства больнаго народа; по крайности то подлинно, что первыя движенія сего непостоянства начали уже уступать состраданію и движеніямъ его прежней любви. Я сіе видѣлъ, взошедши на защитительное мѣсто, съ котораго я говорилъ къ народу, на глазахъ многихъ, какъ они только ожидали того, чтобы я имъ показалъ дорогу съ добрымъ порядкомъ и безъ оскорбленія его демократическаго величества возвратиться обратно въ его стопы. Но они нашли себя весьма обманутыми въ своемъ ожиданіи. Презрѣніе, коимъ духъ мой исполненъ

ненъ былъ при узрѣніи того народа, который меня за нѣсколько дней прежде съ толико чрезвычайною радостію сопровождалъ въ темницу, и чувствованіе моего собственнаго достоинства, были весьма живы и не допускали меня уничижиться передъ нимъ. Желаніе дѣлать имъ добро, которое было душею всѣхъ моихъ дѣяній и начертаній, престало. Я не удостоилъ ихъ защитительной рѣчи, которую бы я почелъ за поруганіе моего свойства и жизни; но я хотѣлъ имъ въ послѣдній разъ сказать правду. Прежде, когда дѣло касалось до того, чтобы убѣдить ихъ въ ихъ собственныхъ истинныхъ выгодахъ, употреблялъ я всѣ източники моего красноречія; но теперь, когда рѣчь была единственно о мнѣ самомъ, презрилъ я помощь искуства, въ которомъ слава приписывала мнѣ нѣкоторую

рую способность. Въ сей точкѣ остался я предпріятому мною намѣренію вѣренъ, но не краткости и умѣренности предписанной мнѣ мною. Страсть, непримѣтно мною овладѣвшая, дѣлала меня пространнымъ, а иногда огорчительнымъ. Рѣчь моя заключила все повѣствованіе всего моего теченія жизни въ Аѳинахъ, правилъ, коимъ я слѣдовалъ въ республикѣ, и мыслей моихъ о истинной пользѣ Аѳинянъ. Я поступилъ при семъ случаѣ нѣсколько строго съ ихъ разсужденіями и любимыми начертаніями. Я имъ сказалъ, что я въ дѣлѣ островскихъ жителей подалъ опытъ, по какимъ бы правиламъ поступалъ я всегда въ управленіи государства; но какъ сіи наставленія столь далеки были отъ ихъ духоположенія и образа разсужденія, то бы они весьма премудро поступили, естьли бы изгнали такого человѣка

изъ

изъ своея среды, который не помышлялъ отрѣщись отъ должностей и честности общаго друга людей, чтобы быть добрымъ гражданиномъ Аѳинскимъ.

Заключенiе моея рѣчи столь живо впечатлѣно въ моей памяти, что я ее хочу тебѣ повторить, прекрасная Данае, чтобы дать тебѣ понятiе о цѣлой. „Боги, „сказалъ я имъ, допустили меня „отыскать отца моего въ „такое время, когда я меньше все„го надѣялся его найти. Власть „его и его богатства меньше про„извели во мнѣ радости, нежели „открытiе, что я жизнiю моею „обязанъ честному мужу. Аѳи„ны чрезъ него сдѣлались мнѣ „отечествомъ. Я почиталъ ихъ „за такое мѣсто, гдѣ безсмерт„ные боги предопредѣлили и указа„ли мнѣ споспѣшествовать блажен„ству смертныхъ. Выгоды сего

„еди-

„ единаго града были въ моихъ
„ глазахъ весьма малымъ предме-
„ томъ, чтобы ихъ предпочесть
„ общему благу человѣчества; но
„ я видѣлъ, что оба сіи предме-
„ та столь вѣрнымъ соединены
„ между собою союзомъ, что я
„ только тогда могъ быть увѣ-
„ ренъ въ дѣйствительномъ сни-
„ сканіи того, естьли услужу се-
„ му, то есть моему отечеству.
„ По симъ правиламъ поступалъ
„ я въ моей открытой жизни, и
„ сіи дѣянія навлекли на меня ва-
„ шу ненависть. Аѳиняне жела-
„ ютъ быть на иждивеніе человѣ-
„ ческаго рода великими, и
„ они таковыми до тѣхъ поръ
„ пожелаютъ быть, пока они въ
„ оковахъ, кои они сами для се-
„ бя куютъ, и коихъ они до-
„ стойны по тѣхъ поръ, пока же-
„ лаютъ господствовать надъ не-
„ вольниками и ограничивать все
„ свое честолюбіе славнымъ пре-

„ иму-

„ имуществомъ, чтобъ быть луч-
„ шими говорунами и гибкими пан-
„ томимами. Но отъ Агатона не
„ ожидайте, чтобы онъ теченіе
„ ваше по сему пути, который
„ учтивость вашихъ ораторовъ
„ цвѣтами усыпаетъ, помогалъ
„ ускорять. Особенная моя жизнь
„ доказала вамъ, что правила,
„ по которымъ желалъ я вести
„ ваши общественныя дѣла, были
„ мѣры моего собственнаго поступ-
„ ка. Имущество мое служило
„ больше къ употребленію каждаго
„ между вами, нежели къ моему
„ собственному. Я обязывалъ не-
„ благодарныхъ; а сей опытъ на-
„ учаетъ меня оставлять имѣ-
„ ніе безъ сожалѣнія, которое я
„ употребилъ такъ худо, не надѣ-
„ яся лучше его употребить. Въ
„ семъ, о Аѳиняне, заключается
„ все, что я имѣлъ сказать къ
„ моему защищенію. И такъ вы
„ есте, по тому, что васъ множе-
„ ство

„ство вашихъ объятій дѣлаетъ „моимъ господиномъ, властелины „надъ моими обстоятельствами, „а естьли вы изволите, и надъ мо„имъ животомъ. Естьли вы хо„тите моея смерти, то объяви„те мнѣ только, что мнѣ ска„зать вашимъ имянемъ мудрому „и доброму Сократу, къ кото„рому вы меня отправите. А „естьли вы довольны будете „изгнаніемъ меня въ ссылку съ „глазъ своихъ; то я при послѣд„немъ воззрѣніи на нѣкогда воз„любленное мнѣ отечество оро„шу слезами гробницу блажен„ства, и преставъ быть Аѳи„няниномъ, во всякомъ углу свѣ„та, гдѣ позволено будетъ со„крыться добродѣтели, найду „лучшее отечество.

Легко можно заключить, прекрасная Данае, что защитительная рѣчь съ такимъ голосомъ не удо-

удобна была изходатайствовать мнѣ милостивое рѣшеніе. Огорченіе, которое чрезъ сіе возродилось въ сердцахъ тѣхъ, которые надѣялись наслаждаться пріятнымъ зрѣлищемъ увидѣть меня предъ ними уничижающагося, было начертано на ихъ лицахъ. Не смотря на сіе я никогда не видывалъ большаго между народомъ молчанія, какъ по окончаніи моей рѣчи. Они чувствовали, какъ казалось, противу своея воли, что добродѣтель впечатлѣваетъ почтеніе. Но чрезъ то самое сдѣлалась она имъ ненавистнѣе, чѣмъ сильнѣе ощущали они преимущество, которое она обвиненному, оставленному и всѣхъ украшеній щастія обнаженному Агатону надъ господами судьбы его отдавала. Я самъ не знаю, какимъ образомъ случилось, что добрый мой Геніусъ (духъ) извлекъ меня изъ сея опасности. Довольно, что

по

по собраніи голосовъ, нашлось, что судіи противъ надежды моихъ обвинителей довольны были тѣмъ, что приговорили изгнать меня на вѣки изъ Греціи, половину моего имѣнія отдать республикѣ, а другую уступить моимъ родственникамъ. Равнодушіе, съ которымъ я подвергнулся сему приговору, было принято въ сію роковую минуту, въ которую всѣ мои дѣянія казались еще въ гораздо ложнѣйшемъ свѣтѣ, за грубость, которая сдѣлала меня всякаго состраданія недостойнымъ. Однако позволено было друзьямъ моимъ собраться около меня, предложить мнѣ свои услуги, и проводить меня изъ Аѳинъ, коихъ я не смотря на то, что мнѣ болѣе дано было сроку, еще въ самый же тотъ часъ оставилъ съ толико веселымъ сердцемъ, какъ оставляетъ плѣнникъ темницу, изъ которой онъ нечаянно свобо-

жденъ на волю. Слезы небольшаго числа тѣхъ, коихъ паденіе мое не отстрашило отъ меня и вѣрныхъ моихъ домашнихъ, были единая вещь, которая, при взаимномъ между собою на вѣки прощаніи, смягчила мое сердце, и добрыя ихъ желанія все, что я принялъ отъ дѣйствій ихъ сострадательнаго и благодарнаго попеченія.

И такъ я опять находился почти въ тѣхъ же обстоятельствахъ, въ какія сверженъ я былъ за нѣсколько лѣтъ подъ кипариснымъ древомъ на преддворіи моего еще мнѣ неизвѣстнаго отца въ Коринѳѣ. Великія перемѣны, различныя явленія богатствъ, власти, силы и внѣшняго блеска, чрезъ которыя меня щастіе въ сіе короткое междувремяніе водило, миновались, какъ сонъ. Но существенныя выгоды, послѣ всѣхъ

сихъ

сихъ встрѣтеній въ душѣ моей и сердцѣ оставшіяся убѣдили меня, что я не во снѣ это видѣлъ. Я обрѣлъ себя гораздо богатѣе прежняго во множествѣ полезныхъ и пріятныхъ познаній, въ открытіи моихъ способностей, въ удовольствіи многихъ хорошихъ дѣйствій и въ чредѣ важныхъ опытовъ. Я научился разпознавать духъ республикъ, свойство народа, родъ и дѣйствія нѣкоторыхъ мнѣ прежде неизвѣстныхъ страстей, и довольно имѣлъ случаевъ избавляться отъ многихъ ложныхъ воображеній, которыя обыкновенно дѣлаютъ себѣ о свѣтѣ, разсуждая только о немъ издалека, не вплетаясь сами въ его дѣла. Въ Дельфахъ на примѣръ учили меня, что все зданіе республиканскаго положенія и правленія основывается на добродѣтели. Аѳиняне напротивъ того наставляли меня, что добродѣтель са-

ма въ себѣ нигдѣ менѣе не цѣнится какъ въ республикѣ, выключая одного случая, когда въ ней необходимость, и въ семъ случаѣ при самодержавцѣ она столько же высоко цѣнится, а часто еще лучше награждается. Вообще пребываніе мое въ Аѳинахъ весьма худо утвердило меня въ высокой теоріи о превозходствѣ и достоинствѣ человѣческой природы, которою я былъ объятъ; но я не находилъ себя для сего тѣмъ склоннѣйшимъ отступить отъ сего мнѣнія. Я приписывалъ всю вину заразѣ наивеличайшихъ обществъ, недостаткамъ законоположенія, особеннымъ интерессамъ, которые у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ чрезъ непостижимое презрѣніе ихъ законоположниковъ находятся во всегдашней разпрѣ съ общимъ благомъ. Однимъ словомъ, я думалъ для сего не хуже о человѣчествѣ, по тому, что Аѳиняне доказали

себя противу меня непостоянными, несправедливыми и неблагодарными. Но я получилъ тѣмъ сильнѣйшее отвращеніе противу всякаго другаго общества, кромѣ такого, которое основывается на согласныхъ правилахъ, добродѣтели и домогательствѣ о нравственномъ совершенствѣ. Потеряніе моего имѣнія и изгнаніе изъ Аѳинъ казалось мнѣ быть благотворительнымъ разположеніемъ пекущагося о мнѣ божества, которое меня чрезъ то хотѣло возвратить моему истинному опредѣленію. Весьма удобовѣримо, чтобы я чрезъ употребленіе надлежащихъ средствъ, власть моихъ внѣшнихъ друзей и чрезъ самое подкрѣпленіе непріятелей Аѳинянъ, которое мнѣ тотчасъ при началѣ моего розыска тайно предлагаемо было, можетъ быть чрезъ короткое время опять найти могъ путь поколебать моихъ сопротивниковъ

вЪ насламеніи плодовЪ ихЪ злобы, и возвратиться торжественно вЪ Аѳины. Но такія намѣренія и такія предпріятія приличествовали только одному честолюбивому, который хочетЪ царствовать для удовлетворенія своимЪ страстямЪ. Я отвергЪ сіи мысли, чтобы захотѣть принудить АѳинянЪ получать отЪ меня добро. Я думалЪ что чрезЪ искушеніе, которое мнѣ отЪ ихЪ собственной вины не удалось, сдѣлаю удовольствіе моей должности противу гражданскаго общества и совершенно буду имѣть право употребить естественную вольность, которую мнѣ изгнаніе мое возвратило, вЪ пользу моего собственнаго блаженства. И такЪ я рѣшился изполнить теперь намѣреніе, предпріятое уже мною вЪ ДельфахЪ, и посѣтить източники Возточной премудрости, МаговЪ и ГимнософистовЪ вЪ Индіи, вЪ коихЪ освященныхЪ пусты-

стыняхъ надѣялся я найти истинныя души моея божества, мудрость и добродѣтель (отъ коихъ, какъ я думалъ, являлись только несущественные призраки человѣками). Но прежде объясненія моего о приключеніяхъ, возпрепятствующихъ изполнить мнѣ сіе намѣреніе, и какимъ случаемъ въ видѣ невольника препровожденъ я былъ въ Смирну, долженъ я взпомнить о моей младой пріятельницѣ, которую мы съ преселенія моего въ Аѳины потеряли изъ вида.

Глава осьмая.

Агатонъ оканчиваетъ свое повѣствованіе.

Перемѣна, которая со мною произошла, когда я нашелъ себя вдругъ низверженнымъ изъ Делфійскихъ рощей на обширный театръ трудолюбиваго свѣта, въ шумъ

многонароднаго города, въ безпокойныя движенія между Демократіею и Аристократіею плавающей республики, и въ нравоучительное смѣшеніе гражданскаго общества, гдѣ страсти съ страстями, намѣренія съ намѣреніями въ общемъ и вѣчномъ между собою прѣніи текутъ, гдѣ подъ строптивымъ безпорядкомъ чудныхъ видовъ нѣтъ ничего ни постояннаго, ни извѣстнаго, гдѣ нѣтъ ничего того, какимъ быть кажется, и не удерживаетъ вида, который оно имѣетъ, -- перемѣна сія, говорю я, была столько велика, что я ея дѣйствія на мой духъ ни чрезъ что другое означить не умѣю, какъ чрезъ сравненіе съ безпамятствомъ, въ которомъ (по мнѣнію друга моего Платона) душа долгое время, отчуждившись сама отъ себя, находится, низвергнувшись изъ океана первоначальнаго свѣта,

сверх-

сверхнебесныя наполняющаго пространства, въ тину грубаго земнаго вещества. Множество новыхъ предметовъ, со всѣхъ сторонъ на меня стремящихся, уничтожило напоминаніе тѣхъ, которые меня столько лѣтъ окружали. Я едва самъ себя могъ увѣрить, что я былъ тотъ же самый, который въ храмѣ Делфійскомъ показывалъ и объяснялъ чужеземцамъ достопамятности онаго. Да и самое возпоминаніе о моей возлюбленной Псишѣ долгое время помрачено было симъ туманомъ душу мою застилавшимъ. Но сіе продолжалось только до тѣхъ поръ, пока я не привыкъ къ новой стихіи, въ которой я жилъ. Тогда я сожалѣлъ о ея присутствіи тѣмъ живѣе, чѣмъ болѣе было пустоты, которую въ сердцѣ моемъ оставляли упражненія и самыя веселости моего новаго рода жизни. Зрѣлища, собранія,

танцы, музикійскія упражненія не могли никогда мнѣ наградить тѣхъ блаженныхъ ночей, которыя я въ возхищеніяхъ очаровательнаго возторженія препровождалъ съ нею. Но сколь велико ни было желаніе мое о сихъ потерянныхъ веселостяхъ, однако гораздо болѣе обезпокоивало меня представленіе ужаснаго состоянія, въ которое мстительная зависть Пиѳіи чаятельно погрузила нещастную мою другиню Псишу. Отыскать мѣсто ея пребыванія казалось почти невозможностію. Безъ сомнѣнія или жрица запродала ее очень далеко отъ Дельфъ, чтобы отнять у насъ всю надежду свидѣться, или можетъ быть, горя страшнымъ мщеніемъ, поручила ее судьбѣ на какомъ нибудь отдаленномъ варварскомъ берегѣ. Но какъ для любви нѣтъ ничего невозможнаго, то я и не лишился надежды отыскать мою Псишу.

Я просилъ всѣхъ моихъ друзей, всѣхъ иностранцовъ отправляющихся въ Аѳины, всѣхъ купцовъ, путешественниковъ и мореплавателей навѣдываться о ней вездѣ гдѣ ни будутъ; а чтобы удобнѣе имъ было ее отыскивать, то приказалъ я изготовить безчисленное множество списковъ съ ея образа, который я самъ, или лучше богъ любви водя моею рукою написалъ въ пресовершенномъ сходствѣ по настоящему подлиннику въ бытность нашу въ Дельфахъ. Притомъ я тебѣ признаюсь, что желаніе отыскать мою Псишу, по крайней мѣрѣ сначала, было главнѣйшимъ побужденіемъ, для чего я старался отличиться и прославиться въ республикѣ; по тому, что я по неудачѣ всѣхъ прочихъ средствъ не находилъ никакого другаго способа, какъ прославить столько свое имя, чтобы оно, гдѣ бы она ни бы-

была, дошло до ея ушей. Сей путь въ самомъ дѣлѣ былъ пространенъ. Однако я бы слишкомъ въ двантцать лѣтъ послѣдовательно могъ сдѣлать гораздо славнѣе дѣла, нежели Геркулесъ и Тезей; а Гирканцы, Массагеты, Гиберніане или Лестригонцы, въ руки коихъ она между тѣмъ могла попасть, столько же бы мало обо мнѣ узнали, какъ и жители луны (*). По щастію духъ хранитель нашей любви нашелъ къ соединенію насъ кратчайшую дорогу, хотя сіе въ самомъ дѣлѣ случилось для того, чтобы подать намъ случай разпрощаться между собою на вѣки.

Здѣсь,

(*) Жители луны, съ коими хотя мы новѣйшіе сперва чрезъ Гукгенса и Фонтенеллія вошли въ знакомство, въ устахъ Агатона не непристойны, потому что уже и древніе Египетскіе жрецы почитали луну за обитаемый свѣтъ, и Орфей перенесъ сіе ученіе къ Грекамъ.

Здѣсь продолжалъ Агатонъ разсказывать прекрасной Данаѣ приключенія, случившіяся съ нимъ въ его странствованіи по отбытіи его изъ Аѳинъ до самаго часа его съ нею познакомленія, о чемъ мы читателю уже въ первой и второй книгѣ сея исторіи дали отчетъ. Подвеселяся нѣсколько на иждивеніе мудраго Гиппіаса, открылъ онъ своей изящной пріятельницѣ, (которая во всемъ его повѣствованіи нигдѣ кромѣ сего мѣста не нашла веселѣе) все, что ни произходило въ его сердцѣ съ первой минуты, какъ онъ ее увидѣлъ. Онъ увѣрялъ ее съ такимъ же чистосердечіемъ, съ какимъ онъ то чувствовать думалъ, „что она одна содѣлана произвесть въ дѣйство его понятія о мыслію вообразимыхъ совершенствахъ и о сверьхземномъ степени блаженства; что онъ съ того времяни,

,,мяни, какъ ее любитъ и ею
,,любимъ, не дѣлаясь прежнему
,,своему образу разсужденія не-
,,вѣрнымъ, отъ того, что въ
,,немъ ни было излишняго и вы-
,,думаннаго, возвратился един-
,,ственно чрезъ то, поелику онъ
,,въ немъ нашелъ все то, о чемъ
,,онъ прежде могъ только въ
,,высочайшемъ возторженіи сво-
,,его воображенія нѣкоторыя тем-
,,ныя и несовершенныя понятія
,,содѣлать; да и естественно,
,,что сила воображенія перестаетъ
,,дѣйствовать, какъ скоро ду-
,,шѣ не остается ничего дѣ-
,,лать, кромѣ способности видѣть
,,и наслаждаться.,, Однимъ сло-
вомъ Агатонъ можетъ быть во
всю свою жизнь никогда не бы-
валъ въ большемъ умоизступле-
ніи, какъ въ сію минуту. Онъ
воображалъ, будучи въ высочай-
шемъ степени своего любовнаго
ослѣпленія, что онъ все сказы-
ваемое

ваемое легковѣрной Данаѣ столько же подлинно и непосредственно зрѣлъ и чувствовалъ, сколько видѣлъ, что она прекрасные духомъ любви и всѣми своими очаровательными роскошьми упоенные очи на него обратила, и ощущалъ трепетаніе ея сердца подъ своими блудящими губами. Онъ окончалъ тѣмъ, „что онъ на„дѣется, что она изъ всего его „повѣствованія поняла, для чего „бы, когда онъ столько уже ча„сто обманываемъ былъ то людь„ми, то щастіемъ, то своими „собственными воображеніями, у„жасно для него было найти се„бя еще обманутымъ въ надеждѣ „быть столько совершенно и по„стоянно отъ нея любиму, доль„ко нужно для ея блаженства.„ Онъ ей признался съ откровенностію, которую можетъ быть одна Данае перенести могла, что живое возпоминаніе о времянахъ первой

первой его любви, сопровождаемое представленіемъ всѣхъ рѣдкихъ случаевъ, перемѣнъ и достопамятныхъ приключеній, которыя онъ уже въ дватцатипятилѣтнемъ возрастѣ изпыталъ, довело его до тьмы задумчивыхъ мыслей, въ коихъ трудно ему было настоящее его благополучіе почесть за что нибудь большее, какъ за новое очарованіе его воображенія. „Самое сіе излишество моего „благополучія, сказалъ онъ, са„мое сіе отстрашивало меня про„будиться когда нибудь изъ столь „пріятнаго сна. Можешъ ли ты „мнѣ причесть въ вину, достой„ная обожанія Данае, ты, кото„рая чрезъ прелести твоего ду„ха, — да и безъ сего любовію „дышущаго вида, безъ сея кра„соты, коея воззрѣніе оковало „бы небесныя существа, — ты „чрезъ единую изящность твоея „души, твоего сердца и свойства,

„и

„ и очаровательное прельщеніе та-
„ кого духа, который всѣ преиму-
„ щества, всѣ дарованія, всѣ прі-
„ ятности въ себѣ соединяетъ,
„ привлекла бы къ себѣ душу мою
„ съ самаго неба! Можешъ ли ты
„ на меня жаловаться, что я отъ
„ единаго мнѣнія возмочь когда
„ нибудь лишиться твоея любви
„ трепещу? Уничтоженіе всего
„ моего существованія меньше бы
„ меня устрашило. - Позволь мнѣ,
„ о! позволь мнѣ, возлюбленная
„ моя красавица, читать всегда
„ въ твоихъ глазахъ, слышать
„ всегда изъ твоихъ устъ и чув-
„ ствовать всегда въ твоихъ объ-
„ ятіяхъ извѣстность, что сего
„ злощастія никогда не приклю-
„ чится! А естьли когда сему бо-
„ жественному очарованію пре-
„ стать наконецъ должно будетъ;
„ то въ послѣднюю минуту сбери
„ всѣ свои силы и дай мнѣ отъ
„ возхищенія и любви умереть
„ предъ твоими стопами. „

Изъ отвѣта, коимъ Данае на сіе излитіе пылающей нѣжности отвѣчала, не можемъ мы выразить словами какъ самую малую часть; да и сіе самое изъ всего нами уже о ея къ нашему ирою чувствіяхъ сказаннаго самый холоднѣйшій изъ нашихъ читателей можетъ себѣ столько же хорошо представить, какъ бы и мы ему сказали. Что она ему впрочемъ весьма учтиво отблагодарила за повѣствованіе его исторіи, и чувствовала отъ того необычайную радость, что нашла въ семъ невольникѣ, который возпоминаніе Алцибіадовъ и самаго любви достойнаго Кира погасилъ въ своемъ сердцѣ, славнаго Агатона, мужа, котораго слухъ содѣлалъ чудомъ своего времяни; и что она ему на сіе много хорошаго насказала — все сіе само по себѣ разумѣется. Сіе и все, что каждая другая, которая

рая бы не была Данае, въ предлежащихъ обстоятельствахъ сказала, (купно со всѣми тонкими примѣчаніями и шутками, которыми она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прерывала его повѣствованіе) намѣрены мы пропустить, для скорѣйшаго приступленія къ прочимъ вещамъ въ душѣ ея произходящимъ, которыхъ бы большая часть изъ нашихъ читательницъ (мы опасаемся, или надѣемся сего больше) сама отъ себя не могла угадать, и кои довольно важны заслужить особливую главу.

Глава десятая.

Сильный шагъ для очарованія нашего ироя.

Дружеское повѣствованіе, содѣланное Агатономъ своей нѣжной пріятельницѣ о всемъ своемъ теченіи жизни, простосердечіе, съ ко-

которымъ открылъ онъ ей сокровеннѣйшія побужденія своея души, и полное познаніе, которое она получила чрезъ то о любовникѣ, коего сохраненіе для нея весьма важно было, заставили ее очень скоро вникнуть, что она можетъ быть имѣетъ больше причины безпокоиться о постоянствѣ его любви, нежели онъ о прочности ея. Коль лестно для ея суетыни было быть любимой Агатономъ, однако бы она для спокойствія сердца своего лучше возжелала, чтобы онъ не игралъ толь блестящей роли на свѣтѣ. Она не несправедливо безпокоилась, что трудно будетъ удержать на всегда въ цвѣточныхъ оковахъ любви и роскошной праздности молодаго ироя, котораго толь отмѣнныя дарованія и добродѣтели, казалось, предопредѣлили къ благороднѣйшимъ явленіямъ трудолюбивой жизни. Но любовь ласкаетъ

скаетъ себя всегда и въ самыхъ отчаяннѣйшихъ случаяхъ. Образъ размышленія Агатонова нѣсколько ее увѣрилъ. Родъ его возпитанія, особливое обращеніе, которое сила воображенія его чрезъ то получила, господствующая его склонность къ независимости и спокойствію разсудительной жизни (которая чрезъ призраки, кои щастіе съ нимъ въ толь великомъ уже юношествѣ играло, новыя силы получила) съ наклонностію къ веселію, которая, въ равновѣсіи съ чрезвычайною чувствительностію его сердца, дѣлала въ немъ славолюбіе и честолюбіе подчиненною страстію, — все сіе казалось ей хотя немалую дѣлало пользу къ намѣренію похитить его у свѣта и удержать для самое себя; но сія самая умоизступительная сила воображенія, самая сія живость чувствованій были съ другой стороны сопря-

жены съ нѣкоторою естественною непостоянностію, отъ которой она всего имѣла опасаться. Могла ли она, со всею суетою, которую въ нее познаніе самой себя и общее мнѣніе о ея красотѣ имѣли право вдыхать, сама себя увѣрить, что она дѣйствительно обладаетъ симъ умовообразимымъ совершенствомъ, которое возторженныя очи ея любовника въ ней усматриваютъ? Она знала довольно, что не она сама, но сіе мнимое совершенство было собственнымъ предметомъ его любви. На какомъ опасномъ основаніи основалась ея надежда, предполагавшая, что очарованіе продолжаться будетъ всегда. Сіе послѣднее размышленіе ввергнуло ее въ содроганіе; по тому, что она со всегда приращающеюся силою чувствовала, что Агатонъ къ ея блаженству сдѣлался необходимымъ. Но (такова-то обман-

манчивая природа человѣческаго сердца!) для того же самаго, поелику потеряніе ея любовника сдѣлало бы ее бѣдною, всѣ воображенія, ласкавшія ей владѣть имъ всегда, возпріяли двойственную силу для увѣренія сердца ничего инаго не требовавшаго, какъ быть обманутымъ. И такъ она воображала, что склонность къ тому, что можно бы назвать росскошностію души, составляла существенное основаніе свойства нашего ироя. Самая его философія, казалось, подтверждала ее въ семъ мнѣніи, и (при всей ея возвышенности надъ грубою вещественностію большей части смертныхъ) въ самомъ дѣлѣ она безконечно сходствовала съ правилами Аристиппа, бывшими прежде ея собственными, въ помянутой точкѣ. Вся разность, какъ ей казалось, находилась только въ томъ, что Аристиппъ искалъ сластолюбія, ко-

которое онъ относилъ къ послѣдней цѣли премудрости, больше въ пріятномъ движеніи чувствъ, въ успокоеніяхъ вычищеннаго вкуса и въ забавахъ отъ всѣхъ безпокойныхъ страстей свобожденной жизни; Агатонъ напротивъ того сіе тонкое сластолюбіе, о коемъ онъ въ безмолвныхъ рощахъ Делфійскаго храма толь милый призракъ въ головѣ своей начерталъ, искалъ больше въ удовольствіяхъ силы воображенія и сердца. Философія сія, при которой Агатонъ (по проницательному наблюденію нашей красавицы) съ стороны чувственнаго увеселенія больше выигрывалъ, нежели терялъ, а она между тѣмъ отъ украшающихъ впеченій живаго и оживотворяющаго воображенія и нѣжныхъ троганій и разлитій чувствительнаго сердца получала свое сильнѣйщее прельщеніе.

Сіе, какъ извѣстное, предположа, думала она, что нѣчего было опасаться непостоянства, которое она не безъ причины почитала за свойство дѣйствительной и высоконапряженной силы воображенія; однако надлежало, чтобы у нея не было недостатка въ средствахъ угождать его духу и равно его сердцу съ таковою перемѣною и разностію, чтобы гораздо должайшаго времяни, нежели природа назначила человѣку для наслажденія, не довольно было наскучить ему толь пріятнымъ состояніемъ. Она имѣла причину почитать сіе правило тѣмъ болѣе за безопаснѣйшее, зная изъ опыта, что дѣйствительность силы воображенія тѣмъ болѣе уменьшается, чѣмъ менѣе пустоты наслажденіе дѣйствительныхъ или настоящихъ удовольствій въ сердцѣ оставляетъ, и чѣмъ менѣе ей времяни покидается

дается желать чего нибудь пріятнѣе, нежели настоящее.

Еще не время сказать намъ на сіи правила прекрасной Данаи наши собственныя мысли. Онѣ бы могли, взяты будучи въ разсужденіе съ одной стороны, быть довольно справедливы; но мы весьма опасаемся, чтобы она не нашла себя обманутою въ употребленіи средствъ, чрезъ которыя надѣялась она достигнуть своего намѣренія. Въ самомъ дѣлѣ любила она весьма искренно и сильно дѣлать хорошія заключенія; и сердце ея мало по малу неприметно ей завело ее гораздо далеко за границы умѣренности, при которой она сначала столь находилась благополучно. Можетъ быть могла также замѣшаться въ игру тайная зависть къ доброй Псишѣ и возбудить въ ней желаніе погасить въ его памяти и самое

возпо-

возпоминаніе о удовольствіяхЪ прежней его любви. То подлинно, что она, оживотворяясь желаніемЪ осыпать нашего ироя благополучіемЪ, показать ему неограниченную любовь и дать ему изпытать такой степень веселія, сверьхЪ котораго сердцу бы его не осталось ничего желать, а вообраşенію ни о чемЪ не думать, избрала такой путь, сЪ котораго необходимо должна она сшибиться и отступить отЪ своего предмета. АгатонЪ (по начертанію своея больше нѣжной, нежели осторожной любовницы) наслаждаясь нѣсколько недѣль всемЪ, что любовь сладкаго и возхитительнаго ни имѣетЪ, впалЪ непримѣтно вЪ нѣкоторое разслабленіе души, которое мы не умѣемЪ короче описать, какЪ скажемЪ, что оно совершенно было противоиграніе того возторженія, вЪ которомЪ мы его до сего видѣли. Однако не должно

себѣ

себѣ воображать, чтобы можно было приписывать сіе отсутствіе духа неблагородной причинѣ, которая презрѣнія достойнаго Петроніева ироя принудила взять свое прибѣжище къ заклинаніямъ и жгучей крапивѣ старой Энотеи. Мы находимъ гораздо вѣроятнѣйшимъ, что истинная причина сего состоянія находилась въ его душѣ, и что она взяла свое начало изъ пресыщенія удовольствіями, за коими необходимо долженствовалъ слѣдовать родъ сего онѣменія членовъ. Человѣческая природа кажется быть только способною къ извѣстной мѣрѣ забавъ, и непрерывное состояніе возхищенія можетъ сносить столько же мало, какъ и долгую продолжительность крайней болѣзни. Сіи противныя положенія послабляютъ наконецъ жилы и приводятъ насъ въ родъ безсилія, въ которомъ мы совсѣмъ ничего болѣе чувствовать не

не способны. Но какая бы между тѣмъ ни была причина столь вредной для намѣреній Данаи перемѣны, однако сіе подлинно, что дѣйствія оной въ короткое время столько возросли, что Агатону трудно было себя узнать, или постигнуть, какимъ образомъ случилась сія рѣдкая перемѣна. Волшебный маркъ, казалось, изчезъ предъ его устрашенными глазами. Вся природа показалась ему въ другомъ видѣ и потеряла тотъ прелестный лакъ, которымъ покрылъ ее духъ любви. Сіи сады, которые за нѣсколько дней прежде были пріятнымъ пребываніемъ всѣхъ радостей и боговъ любви, сіи Елисейскія рощи, сіи очарованныя розовыя кущи, въ коихъ подзирательная роскошь столь охотно скрывалась, чтобы имѣть удовольствіе допустить себя поймать — возбуждали теперь чрезъ свой взоръ не болѣе, какъ всякое дру-

другое тѣнистое мѣсто, или всякая другая купина. Воздухъ, которымъ онъ дышалъ, не былъ болѣе симъ сладкимъ дыханіемъ любви, коего каждое дуновеніе, казалось, сильнѣе раздувало пламень его сердца. Прекрасная Данае спустилась непримѣтно отъ мнимаго своего совершенства къ обыкновенному достоинству каждой изящной женщины; и онъ самъ, который не задолго предъ симъ почиталъ себя въ веселіи подобнымъ богамъ, началъ весьма сильно сомнѣваться, заслуживаетъ ли онъ въ семъ женскомъ видѣ, въ который его перерядила любовь, имя мущины? Никто не усомнится, что въ семъ состояніи воспоминанія того, что онъ былъ прежде, -- чудный сонъ, который онъ чѣмъ долѣе, тѣмъ больше побужденъ былъ почитать за дѣйствіе какого нибудь благотворительнаго духа, или можетъ быть от-

отлучившейся тѣни своея возлюбленной Псиши, — гласъ добродѣтели, который онъ нѣкогда обожалъ и которому онъ всемъ жертвовалъ, и укоризны, которыя она уже ему за нѣсколько времяни начала дѣлать за жизнь въ праздной роскоши безстыдно препровожденную, — имѣли добрый случай напасть соединенными силами на его сердце, коего лучшія склонности были уже на ея сторонѣ. Онѣ почти совсѣмъ было имъ овладѣли, какъ онъ вдругъ ясно увидѣлъ, куда его разсужденія, коимъ онъ отдался, необходимо завести долженствовали. Онъ примѣтя ужаснулся, что кромѣ побѣга отъ наипрелестнѣйшей волшебницы, приведшей его подъ иго, ему ничто не можетъ возвратить прежняго вида. Разлучиться съ Данаею! На вѣки разлучиться! — Мысль сія отняла у души его всю силу, кото-

рую

рую она паки начала было въ себѣ ощущать, и взтревожила обратно всѣ возпоминанія, всѣ чувствованія его сномъ обремяненной страсти. Оставить Данаю -- ее, которая его столь горячо любила, ее, которая его толико осчастливила, -- оставить -- за всю ея любовь, за все содѣланное ею для него толь обязательнымъ и толь благороднымъ образомъ -- предать мученіямъ любви неблагодарностію награжденной -- „Нѣтъ, на толь подлое и толь мерзское дѣло сердце его не могло рѣшиться. Самая добродѣтель, которой онъ готовъ былъ жертвовать своимъ собственнымъ спокойствіемъ, не могла позволить на толь неблагородный и жестокій поступокъ. -- Мы оставляемъ рѣшенію холодныхъ нравоучителей, могла ли это добродѣтель, или нѣтъ. Довольно, нашъ ирой былъ въ по-

послѣднѣйшемъ толь живо убѣжденъ, что онъ, вмѣсто помышленія о доводахъ, коими бы могъ уничтожить ложныя умоключенія любви, старался со всякою важностію найти скорѣе средства, чтобы пользу своего сердца и добродѣтель, которыя ему не непримиримыми быть казались, соединить между собою навсегда.

Данае между тѣмъ, какъ легко можно догадаться, примѣтила въ первую минуту появившуюся перемѣну, въ душѣ его произшедшую. Но добрая сія женщина весьма чужда была отъ того, чтобы приписывать вину онаго его сердцу. Она сама себя обманула въ истинной причинѣ, и думала, что перемѣна мѣста и небольшое отдаленіе возвратили бы ему въ скорости всю живость чувствованія, которую, казалось, онъ потерялъ. И такъ она ду-

мала, что возвращеніе въ городъ, гдѣ они другъ съ другомъ не всегда будутъ видѣться, гдѣ любовь ихъ принуждена будетъ скрываться, а чрезъ то прельстился бы онъ на тайное согласіе; разсыпанія городской жизни, сообщество, веселости привели бы его (думала она) очень скоро, разжегши пуще прежняго, въ ея объятія. И такъ она уговорила его съ собою вмѣстѣ возвратиться въ Смирну, хотя хорошее время еще не совсѣмъ кончилось. Это происходило отъ того, что она умѣла (не показывая, что она о семъ старается) приуготовить премножество случаевъ, препятствующихъ видѣться имъ чаще. Находясь наединѣ, хотя она летѣла къ нему въ объятія съ таковою же нѣжностію; какъ и прежде, но убѣгала всего, что привлекало его къ тому роскошнѣйшему упоенію, въ которое она его

его, сколько хотѣла чрезъ единое воззрѣніе ввергать могла, и все сіе дѣлала такъ искусно, что онъ никакого особливаго намѣренія при томъ не могъ примѣтить. Однимъ словомъ, она умѣла непримѣтно пламенѣющую любовь такъ хитро перемѣнить въ наинѣжнѣйшую дружбу, что Агатонъ (который ни хитрости, ни намѣренія не подозрѣвалъ въ ея поступкѣ) попалъ весьма чистосердечно въ сѣти, и чрезъ короткое время сдѣлался опять столько нѣжнымъ и искательнымъ, какъ будто бы впервые еще долженствовалъ начинать стараться о ея сердцѣ. Хотя правда не въ Данайной состояло власти, возвратить ему сіе возторженіе со всею его чаровательною свитою, которое изчезнувши единожды обыкновенно паки не возвращается. Но живность, съ коею ея прелести дѣйствовали на его чув-

ства, а чувствованія благодарности и дружбы на его сердце, произвели почти помянутыя явленія; но какъ обыкновенно равныя дѣйствія приписываются равнымъ причинамъ, то и не непонятно, какимъ образомъ оба долгое время могли въ семъ обманываться, безъ всякаго только подозрѣнія, что они обманывались.

Это весьма вѣроятно, что сіе при сей хитрой умѣренности, чрезъ которую прекрасная Данае умѣла слѣдствія своея прежней неосторожности опять поправить, съ нашимъ ироемъ случилось бы, и что его добродѣтель между симъ сомнительнымъ съ своею страстію боемъ, на которомъ взаимно то та, то другая одерживала верьхъ, наконецъ согласилась бы вступить съ своею прекрасною непріятельницею въ неславное примиреніе; естьли бы Данае

Данае наинещастливѣйшимъ приключеніемъ, которое ей всегда съ толь особливымъ человѣкомъ какъ Агатонъ встрѣтиться могло, не лишилась вдругъ съ своимъ высокопочитаніемъ всего, что она до сего могла еще удержать во владѣніи своего сердца. Нѣкогда любимая особа удерживаетъ (и по прошествіи лихорадки любви) еще всегда великую силу надъ нашимъ сердцемъ, доколѣ только она не лишилась нашего высокопочитанія. Агатонъ разсуждалъ весьма благородно и былъ великодушенъ, что не поставилъ въ погрѣшность Данаѣ слабость, которую она имѣла противу него и не наказалъ за то, что она лишилась самой бездѣлицы, почтенія, которое изящныя свойства его сердца вдыхали въ него къ ней; но какъ скоро узналъ, что онъ въ своемъ принятомъ мнѣніи

о ея свойствѣ и о ея нравственныхъ совершенствахъ обманулся, такъ скоро нашелся принужденнымъ ее презирать, Данае во мгновеніе престала для него быть Данаею, и чрезъ естественное слѣдствіе онъ сдѣлался въ тужъ минуту паки Агатономъ.

АГАТОНЪ.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Глава первая.

Предуготовленіе къ слѣдующему.

Гиппіасъ назывался другъ прекрасной Данаи, или по крайней мѣрѣ посредствомъ больше десятилѣтняго знакомства наслаждался онъ всѣми преимуществами друга. Привычка видѣться, утѣшеніе, находимое однимъ въ обхожденіи другаго, извѣстное согласіе ихъ образа разсужденія, а можетъ быть также особливая благосклонность, въ которой онъ (по общему мнѣнію) прежде у нея находился, все сіе произвело между

ими сей родъ довѣренности, которая въ свѣтѣ почтена имянемъ дружбы. Да и дѣйствительно свѣтскіе люди не знаютъ ей другаго; хотя въ основаніи ничто лучше, какъ тайное согласіе быть одному благосклонну къ другому по тѣхъ поръ, пока одной или другой части нравится; и по тому-то родъ сея дружбы обыкновенно послѣ изкушенія ни минуты далѣе не продолжается.

Это правда, что Гиппіасъ по произведеніи любовію въ ея свойствѣ толь особливыхъ перемѣнъ лишился знатной части ея къ себѣ высокопочитанія и при томъ ея довѣренности. Чѣмъ больше Агатонъ выигрывалъ, тѣмъ больше Гиппіасъ долженствовалъ терять. Но для сего самого, что сія перемѣна была столь естественна, сама красавица не примѣтила оной въ себѣ самой, и отъ

сего

сего-то произошло, что она, не безпокоясь о томъ, что онъ могъ лучше ея видѣть произходящее въ ея собственномъ сердцѣ, не разсудила за благо употребить противу его малѣйшую предосторожность. Мы заключаемъ сіе изъ того, поелику она вмѣсто того, чтобы приводить его у своего любовника въ недовѣріе, старалась его привести у него въ лучшее вниманіе, и говорила о немъ всегда съ похвалою. Сіе ей также, при особливомъ попеченіи, съ коимъ Софистъ съ нѣкотораго времяни споспѣшествовалъ ея старанію, такъ удалось хорошо, что Агатонъ началъ имѣть благосклоннѣйшее мнѣніе о его свойствѣ и непримѣтно дошелъ до того, что положился довольно на его довѣренность и разговаривалъ съ нимъ о чувствованіяхъ своего сердца.

И такъ наши любовники отъ безпечнѣйшей своей неосторожно-

сти, какой только Гиппіасъ желать могъ, попались отъ себя въ сѣти, кои онъ имъ поставилъ, и ни о чемъ менѣе не помышляли, какъ чтобы онъ могъ имѣть намѣренія уничтожить паки тотъ союзъ, который нѣкоторымъ образомъ былъ собственныхъ его трудовъ. Сія безпечность могла казаться тѣмъ хулительнѣе, когда обоимъ надлежало быть извѣстно, по какимъ поступалъ онъ правиламъ. Но это такое наблюденіе, которое всякій день дѣлать есть случай, что благородныя сердца въ людяхъ свойства нашего Софиста должны обманываться, сколько бы они до него ни касались. Вы думаете, что вы знаете образъ разсужденія такихъ людей, имѣете столько опытовъ, что тотъ, коего склонности и дѣйствія только по выгодамъ его страстей опредѣляются, не способенъ ни къ какому честному посту-

ступку; однако вамъ всегда невозможнымъ остается всѣ кривизны и сгибы его сердца столь точно разсмотрѣть, чтобы въ которомъ нибудь изъ оныхъ не скрывалось еще тайно хитрости, которой, когда она выдетъ на свѣтъ, ты не надѣялся. Агатонъ и Данае на примѣръ знали довольно Гиппіаса, чтобы увѣренымъ быть, что онъ, какъ скоро польза ихъ любви поперечитъ его выгодамъ, ни минуты не подумаетъ должностями дружества пожертвовать своей пользѣ. Ибо что суть должности для Гиппіаса? Но чего они понять не могли, было то, какую пользу могло ему принести разлучить ихъ сердца; и сіе дѣлало ихъ безопасными. Въ самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ никакой; да и собственно его намѣренія не было ихъ разлучить. Но онъ имѣлъ ту пользу, чтобы сыграть надъ ними такую шутку,

ку, которая, слѣдуя свойству знаемому имъ въ Агатонѣ, необходимо долженствовала произвести сіе дѣйствіе. И сіе-то самое было то, о чемъ они не помышляли и не могли оба предувидѣть.

Мы открыли въ четвертой книгѣ сего повѣствованія намѣренія, которыя побудили Софиста познакомить нашего ироя съ прекрасною Данаею. Начертаніе было выдумано хорошо, и по подлогамъ, служившимъ ему къ тому основаніемъ, удача онаго могла бы быть не невозможною, естьли бы можно было взять на щетъ какого нибудь подлога, какъ скоро любовь въ игру замѣшается. Сей разъ Софистъ нашъ имѣлъ такую участь, какая обыкновенно бываетъ съ дѣлателями прожектовъ: онъ обо всемъ думалъ; единая вещь могла разорвать всѣ

его

его мѣры; и сія единая вещь избѣгла его прозорливости. Но могъ ли онъ и предвидѣть, чтобы Данае способна была тратить свое сердце на Платоническаго любовника? Безпристрастный философъ поколебался бы отъ того, не сдѣлавшись нечувствительнымъ; но весьма мало находится равнодушныхъ философовъ. Гиппіасъ нашелъ себя обманутымъ въ своихъ ожиданіяхъ; ожиданія его основывались на заключеніяхъ; заключенія его на его правилахъ; а на сихъ вся Система его понятій, которая (какъ извѣстно) у философа лучшую часть его возлюбленной самости (ipseitas) составляетъ. Такъ какъ ему не сдѣлаться неистовымъ? Суета его чувствовала себя обиженною. Агатонъ и Данае подали къ тому случай. Онъ хотя вѣдалъ совершенно, что они никакихъ намѣреній его озлобить при томъ не

имѣ-

имѣли; но о семъ не безпокоился Гиппіасъ. Довольно, что его негодованіе было основательно; что ему надлежало имѣть предметъ; и что не можно требовать, чтобы онъ самъ на себя разсердился. Люди такого свойства скорѣе увидятъ, что погибаетъ половина свѣта, нежели признаются, что они могли ошибаться. И такъ было естественно, что онъ о томъ помышлялъ, чтобы чрезъ удовольствіе мщенія на погубленіе избавиться того, чего онъ отъ чаемаго обращенія нашего нроя надѣялся.

Агатонъ любилъ всегда прекрасную Данаю съ такимъ же жаромъ; поелику она, и по миновеніи самаго высочайшаго степени очарованія, не престала въ его глазахъ быть еще всегда совершеннѣйшею особою, какую онъ узналъ. Но и не могла ли она быть такою? Въ возторженіи, коимъ

коимЪ онЪ былЪ упоенЪ, онЪ ничего не обрѣталЪ превозходнѣе ея. Какой духЪ! какое сердце! какія рѣдкія дарованія! какая пріятность вЪ ея обхожденіи! какая разность преимуществЪ и прелестей! сколько внушало вЪ него все сіе кЪ ней высокопочитанія! коль лестно было для нея возпоминаніе о каждой минутѣ сЪ первой, какЪ онЪ ее увидѣлЪ, до самой той, вЪ которую она преодолѣна будучи симпатическою любовію, облагополучила свою! Однимъ словомЪ, все знаемое имЪ о ней было вЪ ея пользу, а о всемЪ могущемЪ послабить его кЪ ней высокопочитаніе не зналЪ онЪ ничего.

Можно себѣ удобно представить, что красавица не сдѣлалась бы столько неосторожною, чтобы самой себѣ измѣнить. Это правда, она не могла отказать,

что-

чтобы на довѣренное повѣствованіе, сдѣланное имъ ей о своемъ теченіи жизни, не отвѣчать; но мы весьма сомнѣваемся о томъ, чтобы она подражала ему въ толико же совѣстной довѣренности. Да по чему намъ знать и то, что самъ Агатонъ, со всею своею сердцеоткровенностію, не скрылъ никакого обстоятельства, о коемъ онъ можетъ быть (какъ хорошій живописецъ, или стихотворецъ) предвидѣлъ напередъ, что оно хорошему дѣйствію цѣлаго могло служить помѣхою? Кто намъ порукою о его истинѣ въ томъ, что произходило между имъ и прельстительною жрицею Аполлона? Но какъ бы то ни было, однако то извѣстно, что Данае въ повѣствованіи своея исторіи наблюдала больше правила изящнаго и пристойнаго, нежели должности точной исторической вѣрности, и ни мало не сомнѣвалась

лась иное обстоятельство подрумянить, а другое опустить, какъ часто особливое намѣреніе на ея слушателя требовать сего могло. Поелику она для него единственно, а не для свѣта, разсказывала ее. И такъ она не могла быть строгими требованіями, которыя свѣтъ (хотя напрасно) дѣлаетъ исторіописателямъ, очень обязана. Мы не хотимъ тѣмъ сказать, чтобы она умолчала предъ нимъ совсѣмъ о какомъ нибудь главномъ приключеніи своея жизня, или вмѣсто дѣйствительнаго обманывая забавляла его вымышленнымъ. Нѣтъ; она ему все сказала. Однако есть нѣкоторое искуство то, что бы могло содѣлать противное впечатлѣніе, отдалять отъ глазъ. Это зависитъ отъ образа употребленія сего искуства. Самое малѣйшее обстоятельство придаетъ приключенію столь отмѣнный видъ отъ того,

что бы оно безъ сея малости было, и что безъ примѣтной перемѣны того, что составляетъ точно основаніе повѣсти, можно сдѣлать тысячу значащихъ вѣроломствъ въ исторической истинѣ. Разсужденіе, которое намъ (сказать мимоходомъ) исторіописателей ихъ собственной дражайшей самости (не выключая Ксенофона, Цесаря, ни Марка Антонія, ни самого сердцеоткровеннаго Монтеня) дѣлаетъ еще подозрительнѣе, нежели какой другой классъ исторіописателей.

И такъ прекрасная и благоразумная Данае не скрыла отъ своего любовника ни своего воспитанія въ домѣ Аспазіи, ни своего знакомства съ Алцибіадомъ, ни достославной любви, вдохнутой ею въ Царя Кира. Всѣ сіи и многія другія не столько блестящія мѣста ея повѣсти дѣлали

ли

ли ей или честь, или по крайности могли съ искуствомъ, въ которомъ она была второю Аспазіею, разсказываемы быть такимъ образомъ, что онѣ приносили ей честь. Но что до тѣхъ касалось мѣстъ, въ которыхъ она все искуство, которое можно было употребить на ихъ прикрасу, почитала за пропащее; положимъ, что онѣ сами въ себѣ, или относительно къ собственному вкусу нашего ироя, ни въ какомъ родѣ воображенія, обращенія, или свѣта не могли понравиться: сіи прикрыла оно благоразумно совершеннымъ молчаніемъ. Оттуда произошло, что нашъ ирой находился еще всегда въ мнѣніи, что онъ самъ первый былъ, котораго она чрезъ оказанія милостей — того рода, коими она его осыпала — обязала; заблужденіе, которое по его хитростному образу размышленія къ его щастію

 столь-

столько было надобно, что безъ онаго всѣ ея совершенства были бы слабы удержать его только на минуту въ оковахъ. Лишить его сего заблужденія былъ самый худшій ударъ, который можно было сыграть съ его любовію и прекрасною Данаею. А для учиненія сего было средство, чрезъ которое Софистъ надѣялся обоимъ вдругъ отмстить, коего единое представленіе наполняло вѣроломное сердце его злобнымъ возхищеніемъ. Онъ ожидалъ для сего только благосклоннаго случая; а сей обыкновенно злому намѣренію всегда встрѣчается на половинномъ пути.

А послѣдній: сіе должно ли приписывать трудолюбію злаго демона, или оно отъ того происходитъ, поелику злоба по ихъ натурѣ производитъ живѣйшее дѣйствіе, нежели благость? есть такой

вопросъ, который мы другимъ разыскивать оставляемъ. Положимъ одно или другое, то было бы совсѣмъ естественное слѣдствіе сея почти стародневной опытной истины, что зло во всегда возрастающей прогрессіи приращалось бы и (по крайней мѣрѣ въ семъ подлунномъ свѣтѣ) добро наконецъ совсѣмъ бы поглотило; естьли бы столько же обыкновенный опытъ не утверждалъ, „ что „ старанія злыхъ, сколько бы онѣ „ въ изполненіи щастливы ни бы„ ли, однако обыкновенно въ соб„ ственномъ своемъ намѣреніи „ заблуждаютъ, и добру чрезъ „ тѣ же самыя мѣры и козни, „ чрезъ которыя онѣ возпре„ пятствованы быть долженству„ ютъ, гораздо лучше споспѣше„ ствуютъ, нежели бы когда онѣ „ совсѣмъ при томъ равнодушно „ удержались.„

Глава вторая.

Предательство Гиппіаса.

Между прочими качествами, дѣлающими свойство Данаи драгоцѣннымъ, было также сіе, что она была превозходная пріятельница. Сколько она равнодушна была противу укоризнъ непостоянства въ любви до самаго того времяни, когда Агатонъ овладѣлъ ея сердцемъ, столько она была надежна и постоянна во всякое время въ дружествѣ. Она любила своихъ друзей съ такою нѣжностію, которая отъ людей, судящихъ только по внѣшнему выраженію, могла бы удобно приписана быть корыстолюбивѣйшей страсти. Ибо сія нѣжность возходила до дѣйствительнѣйшей степени страсти, какъ скоро дѣло доходило до оказанія нещастному другу услуги. Нѣтъ такого удовольствія, котораго бы она въ по-

подобномъ случаѣ не принесла въ жертву должностямъ дружества.

Случай такого рода отозвалъ ее на нѣсколько дней изъ Смирны. Агатонъ долженствовалъ остаться; а добросердечная Данае, будучи довольна доказательствомъ его любви, оказанной имъ ей соболѣзнованіемъ его при разставаніи, утѣшала свое собственное представленіемъ, что короткое разлученіе заставитъ его возчувствовать цѣну его блаженства гораздо живѣе, нежели непрерываемое присутствіе. Не безпокоясь о господствованіи надъ его сердцемъ, препоручала она ему во время своего отсутствія отдаваться всѣмъ веселостямъ, какія могла только доставить богатая и роскошная Смирна, и рекомендовала ему оное тѣмъ ревностнѣе, чѣмъ больше была увѣрена, что ей таковыхъ разсѣяній нѣчего было опасаться.

Но Агатонъ началъ уже терять вкусъ въ сихъ веселостяхъ. Сколько онѣ ни живы, сколько ни разнообразны и шумны, однако не способны долго нравиться благородному духу. Разсуждая о нихъ яко о упражненіи, могутъ онѣ только быть для тѣхъ людей, кои впрочемъ ни къ чему не годятся; а удовольствіями остаются онѣ только до того времяни, пока новы. Чѣмъ онѣ живѣе, тѣмъ скорѣе слѣдуютъ насыщеніе и усталость; и вся ихъ мнимая различность не можетъ при продолжимомъ употребленіи скрыть равнообразнаго, чрезъ которое онѣ наконецъ самому никакой заслуги не имѣющему классу людей дѣлаются скучны и невкусны. Отсутствіе Данаи отняло у нихъ совершенно единственную еще прелесть, которую онѣ для него имѣть могли, удовольствіе въ участіи, кое она принимала бы

въ

вЪ оныхЪ. И такЪ онЪ препровождилЪ почти все время ея отсутствія вЪ безмолвіи, отЪ котораго его отягченная трудами вЪ АѲинахЪ жизнь и роскошная праздность вЪ СмирнѢ уже нѢсколько лѢтЪ отучили. ЗдѢсь сначала то же сЪ нимЪ было, что бываетЪ сЪ тѢми людьми, кои изЪ весьма освѢщеннаго мѢста выходятЪ вдругЪ вЪ темноту. Душа его чувствовала себя пустою, поколику она нарочито была полна. ОнЪ приписывалЪ сіе отлучкѢ своея пріятельницы. ОнЪ ощущалЪ, что ее у него недоставало, и не думалЪ о томЪ, что онЪ бы менѢе желалЪ ее, когда бы нервы его духа обыкновеніемЪ роскошной терпѢливости не были усыплены. Первые дни протекли для него вЪ родѢ нѢжной задумчивости, которая была не безЪ пріятности. Данае была почти единственнымЪ предметомЪ, коимЪ его сама вЪ

себя отвлекшаяся душа была упражнена. Или когда его возпоминаніе обращалось на прошедшія времяна, когда оно ему представляло образъ его Псиши, или блистающія явленія его жизни въ республикѣ; то это было только для того, чтобы цѣну несравненной Данаи и спокойное блаженство единственно любви, дружеству, Музамъ и богинямъ радости посвященной особенной жизни привести въ высочайшій свѣтъ. Любовь его сънзнова оживотворилась. Она разширила паки сію оживляющую теплоту по его существу, которая побужденія сердца и силы воображенія столь стройно заставляетъ играть. Онъ начерталъ себѣ понятіе такого рода жизни (благодарность его стихотворческому воображенію!) которая болѣе казалась жизнію бога, нежели смертнаго. Данае блистала въ оной изъ неба

улы-

улыбающихся образовъ радости и блаженства. Возторженъ будучи сими пріятными, снами рѣшился самъ въ себѣ соединить свою судьбу навсегда съ ея участью. Онъ щиталъ ее за достойную сдѣлать благополучнымъ сего Агатона, который возгордился бы наиблестящее щастіе принять изъ руки Царя. Сіе намѣреніе, которое при тысячѣ другихъ было бы только весьма двузначащимъ опытомъ любви, было дѣйствительно по его образу разсужденія доказательствомъ, что его страсть возвысилась на высочайшій степень.

Въ толь для Данаиныхъ намѣреній благосклонномъ состояніи духа находился онъ, когда сдѣлалъ Гиппіасъ ему посѣщеніе, для принесенія дружественнымъ образомъ жалобы на уединеніе, въ которомъ онъ съ отдаленія доб-

рой его пріятельницы жилЪ. Данаѣ надлежало быть довольной и тѣмЪ, сказалЪ онЪ шутливымЪ звономЪ, чтобЪ любви достойнаго Калліаса единственно для себя удерживать тогда, когда она здѣсь вЪ присутствіи. Но и во время своего отсутствія скрывать его отЪ свѣта – а! этого много, и должно наконецЪ имѣть слѣдствія, привлечь всѣхЪ красавицЪ вЪ Смирнѣ кЪ общему противу себя возмущенію. АгатонЪ отвѣтствовалЪ на сію шутку равнымЪ же звономЪ. Непримѣтно разговорЪ сдѣлался важнымЪ, хотя СофистЪ не обнаружилЪ никакого особливаго намѣренія. ОнЪ старался другу своему доказать, что онЪ дѣлаетЪ дурно бѣгая сообщества, чтобы разговаривать о своей любви сЪ Дріадами и обременять ЗефировЪ вздохами и вѣсточками кЪ своей отсутствующей. ОнЪ начерталЪ ему обаятельными красками

сками удовольствія, которыхъ онъ лишается, и не забылъ ему представить смѣшное, которымъ онъ прикрывался въ глазахъ красавицъ строптивымъ человѣконенавидствомъ. По его мнѣнію Калліасу не подобало быть довольнымъ однимъ завоеваніемъ, сколько бы оно блистательно ни было; онъ, которому преимущества его даютъ право не полагать своему честолюбію на семъ шарѣ никакихъ предѣловъ, и которому стоитъ только глаза показать, чтобы побѣдить. Онъ доказывалъ истину сего ласкательства съ особливыми требованіями, чинимыми на его сердце нѣкоторыми изъ славнѣйшихъ красотокъ по Смирнѣ. По его сказкамъ зависѣло только отъ Агатона удовлетворить вмигъ своей суетности, всему любопытству и его наклонности къ удовольствію, и быть щастливымъ столь различнымъ

нымъ образомъ, какъ только всегда изпотворованное воображенiе желать можетъ.

Агатонъ на всѣ сiи красивыя умствованiя имѣлъ только одинъ отвѣтъ — любовь свою къ Данаѣ. Софистъ нашелъ его недостаточнымъ. Самыя сiи причины возродившiя любовь его къ Данаѣ должны вдохдуть въ него чувствительность къ прелестямъ прочихъ красавицъ. По его мнѣнiю перемѣна предметовъ составляла наивеличайшее щастiе любви. Онъ утверждалъ сiе положенiе весьма живымъ вывожденiемъ особливыхъ удовольствiй, сопряженныхъ съ побѣдою каждаго особливо отдѣленiя красавицъ. Незнающая и съ опытами, остроумная и слабоумая, пригожая и нелѣпая, непостоянница, скромница, добродѣтельная и набожница — однимъ словомъ, каждое особливое свойст-

во упражняетъ вкусъ, воображеніе, да и самыя чувства (ибо о сердцѣ рѣчи у него не было) собственнымъ образомъ, требуетъ другаго начертанія, противуполагаетъ другія трудности къ побѣжденію и ведетъ къ благополучію особливыми стезями. Конецъ сего тонкаго вывода заключился тѣмъ, что ему не постижимо, какъ можно имѣть столько удовольствія въ своей силѣ и можно единственно отъ сего для того только отказываться, чтобы однообразныя радости единой съ любовною вѣрностію въ прямой линіѣ влекущейся страсти вычерпать даже до дрождей.

Агатонъ признался, что перемѣна, къ которой его Гиппіасъ поощряетъ, можетъ быть весьма пріятна для празднаго сластолюбца, который чрезъ всю свою жизнь не имѣетъ никакого другаго упражненія

ненія, кромѣ препровожденія времяни такого рода. Но онъ утверждалъ, что такіе люди никогда не узнаютъ, что есть истинная любовь. По томъ отдался онъ полному юродству своего сердца, чтобы Гиппіасу сдѣлать начертаніе о чувствительности своей съ перваго воззрѣнія даже до сего часа къ прекрасной Данаѣ. Онъ описалъ столь истинную, столь нѣжную, столь совершенную любовь; онъ разпространялъ похвалу свою съ столь страстнымъ возторженіемъ о превозходныхъ качествахъ своея пріятельницы, онъ изъяснялся съ толикимъ жаромъ о согласіи ихъ душъ и о веселіи, коимъ онъ въ ея любви наслаждается, что надлежало или имѣть злобность Гиппіаса, или дружественную жестокосердость Ментора, чтобы способнымъ быть извлечь его изъ столь сладкаго заблужденія, которое

торое одно составляло его блаженство.

Прелести прекрасной Данаи весьма извѣстны, перервалъ Софистъ, и ея преимущества въ разсужденіи сего и отъ ея собственнаго пола вездѣ будутъ признаны, такъ, что сама Лаисъ - она, которая наслаждается славою, что преблагородные Греки и Князи чужихъ земель цѣну за ночную ея благосклонность превышали на подхватъ, показалась бы смѣшною, естьли бы она вздумала препираться съ нею о преимуществѣ любодостойности. Но чтобы самая сія Данае могла когда имѣть честь вдохнуть любовь столь достопочтенную, толико метафизическую, и столь возвышенную превыше всего, что можно вообразить; чтобы у силы ея прелестей соблюлось сіе еще чудо, единое, котораго ей еще не-

недоставало, сіе никому не могло въ самомъ дѣлѣ притти въ голову безъ того, чтобы самому себя не осмѣять за толь новую выдумку.

Здѣсь ирой нашъ, который злобное сравненіе съ Кориноскою Лаисою уже внѣшно нашелъ досаднымъ, совсѣмъ вышелъ изъ терпѣнія. Онъ вызвалъ злобнаго Софиста, осмѣлившагося говорить столь двусмысленно о лицѣ, како ва Данае, со всемъ жаромъ любовника, обиженнаго въ предметѣ своего обожанія, къ разговору. Но какъ его негодованіе, такъ и смятеніе его возвысились на высочайшій степень, когда онъ увидѣлъ, что весь отвѣтъ Гиппіаса состоялъ въ ругательномъ только смѣхѣ.

Столь легко предвидѣшь, какому слѣдствію надлежало быть послѣ

послѣ сея сцены, что мы о всемъ сказанномъ уже о намѣреніяхъ Софиста можемъ оставить читателя его собственному воображенію. Нетерпѣливые вопросы съ одной, извиненія и пронырливые перевороты съ другой стороны; пока наконецъ Гиппіасъ по многомъ разговорѣ обнаружилъ тайну истиннаго состоянія прекрасной Данаи и того тайнаго похожденія, сообщеннаго нами читателямъ нашимъ въ третіей главѣ четвертой книги, съ усиліемъ, которому его помянутое дружество къ Агатону не могло сопротивляться.

Мы уже примѣтили, что повѣствованіе приключенія перемѣняется относительно къ намѣренію повѣствователя. Данае разсказала свое житіе съ невиннымъ намѣреніемъ понравиться слушавшему ее. Она естественно видѣ-

ла свое поведеніе, свои слабости, самыя свои погрѣшности въ благосклоннѣйшемъ и (сказать правду) въ истиннѣйшемъ свѣтѣ, нежели общество, которое съ одной стороны о всѣхъ маленькихъ обстоятельствахъ, кои бы насъ оправдать, или по крайности вину нашу уменьшить могли, не свѣдомо, а съ другой довольно злобно, что для своего вящшаго удовольствія картину нашихъ глупостей снабжало тысящными чертами, которая хотя меньше справедлива, но тѣмъ забавнѣе и смѣшнѣе. Къ нещастію для нее требовало намѣреніе Гиппіаса, что онъ сію плачевную способность описывать дѣйствіе ненавистнѣйшими цвѣтами простиралъ столь далеко, сколько могли только позволить всегда законы вѣроятности.

Ирой нашъ во время продолженія сего открытія уподоблялся

ся болѣе изтукану, или мертвому, нежели самому себѣ. То холодный потъ обливалъ всѣ его члѣны, то лѣтающій жаръ обращался съ стремленіемъ въ его жилахъ. Его противнѣйшими страстями вдругъ обуреваемая грудь дышала столь косно, что онъ впалъ бы въ обморокъ, естьли бы одна изъ нихъ нечаянно не удержала верьхъ и чрезъ сильнѣйшую вылазку не открыла воздуха стѣсненному его сердцу. Свѣтъ, подъ какимъ показалъ ему Гиппіасъ его богиню, сдѣлалъ съ тѣмъ, въ какомъ онъ ее обыкновенно видалъ, столь оскорбительное стязаніе, мысль зрѣть себя столько жестоко обманутымъ сдѣлалась ему столь несносною, что ему не возможно было повѣрить тому, что ему говорилъ Софистъ. И такъ вся буря, спиравшая душу его, обратилась тогда на измѣнника. Онъ называлъ его ложнымъ другомъ,

злословникомъ, никчемугодницею -- онъ призывалъ всѣ отмстительныя противу его божества -- клялся, естьли онъ обвиненія, коими дерзнулъ онъ замарать добродѣтель прекрасной Данаи, не докажетъ до неложной очевидности, его, яко солнечное сіяніе осквернившее чудовище истребить, и проклятой его трупъ оставить безъ погребенія въ снѣдь птицамъ небеснымъ.

Софистъ взиралъ на сію бурю съ смиренномудріемъ такого человѣка, который знаетъ силу страстей, столь спокойно, какъ мореплаватель смотритъ съ безопаснаго берега на свирѣпое обуреваніе волнъ, отъ коихъ онъ благополучно избѣгнулъ. Сожалительный взглядъ, у котораго злобная улыбка отнимала его двусмысленную цѣну совершенно, былъ единымъ оружіемъ, которое онъ

онъ гнѣву разсерженнаго любовника противополагалъ. Ужасное сомнѣніе опрокинуло вдругъ молодаго человѣка на противопоставленную сторону. Говори, жестокій, возклицалъ онъ: говори! Доказывай свои ненависти достойныя доносительства такъ, какъ солнечное сіяніе; или признайся, что ты измѣннической бѣднякъ, и изчезни отъ стыда! - Во всемъ ли ты умѣ. Калліасъ? (соотвѣтствовалъ Софистъ съ сею злочестивою постоянностію, которая въ такихъ обстоятельствахъ собственная торжествующей злобѣ) Образумься прежде. Какъ скоро я тебя увижу способнымъ внимать разуму, то начну объясняться.

Агатонъ замолкъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ отвѣчать такой человѣкъ, который не вѣдаетъ, что ему думать надлежитъ?

По истинѣ, продолжалъ Софистъ, я не понимаю, какую причину ты имѣть думаешъ играть неистовствующаго со мною Айяса. Кто говоритъ о обвиненіяхъ? Кто доноситъ на прекрасную Данаю? Развѣ она сдѣлается менѣе любви достойною, поколику ты не первый, который ее видѣлъ, и не первой, который нашелъ ее чувствительною? Какой это вздорный нравъ! Повѣрь мнѣ, всякой другой, кромѣ тебя, не имѣлъ бы ни въ чемъ болѣе надобности, какъ ее видѣть, чтобы признать мои извѣщенія за достовѣрныя. Одинъ ея взглядъ служитъ доказательствомъ. Но ты требуешъ сильнѣйшаго? Надлежитъ тебя удовольствовать, Калліасъ. Что бы ты сказалъ, когда я самъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые могутъ похвалиться, что нашли прекрасную Данаю чувствительною?

ною? – Ты! взкричалъ Агатонъ съ недовѣрительнымъ удивленіемъ, которое также не лестно было для суеты Софиста. – Да, Калліасъ, я самъ; я, какъ ты меня здѣсь зришъ, десять или двѣнатцать лѣтъ назадъ, когда я могъ быть искуснѣе къ снисканію снизхожденія пригожей дамы. Ты думаешъ можетъ быть, что я шучу; но я увѣренъ, что самая твоя богиня благородно мыслитъ, и не согласится, естьли ты спросишъ ее порядочнымъ образомъ, утаить истину, о коей вся Смирна могла бы засвидѣтельствовать. – Здѣсь продолжалъ мучительный человѣкъ, безъ малѣйшаго сожалѣнія съ состояніемъ, въ которое онъ своимъ хвастовствомъ погрузилъ бѣднаго Агатона, блаженства, которыми онъ по его сказкамъ въ объятіяхъ прекрасной Данаи (Богъ знаетъ на какомъ основаніи) наслаждался, отъ точ-

ки до точки съ видомъ истины и съ бодростію описывать, которое почти слушателя его привело до отчаянія. - Это миновалось, взкричалъ онъ наконецъ, перебивъ рѣчи Софиста съ столь сильнымъ движеніемъ, что онъ въ сіе мгновеніе ока казался быть больше, нежели человѣкъ: -- это миновалось! О добродѣтель, ты отмщенна. -- Гиппіасъ, ты пронзилъ меня подъ улыбающеюся личиною дружества ядовитымъ кинжаломъ -- но благодарю тебя -- злоба твоя оказываетъ мнѣ важнѣйшую услугу, нежели все, что бы твое дружество для меня могло сдѣлать. Она открываетъ мнѣ глаза -- показываетъ мнѣ вдругъ въ предметахъ моего высокопочитанія и моей довѣренности, въ идолѣ сердца моего и въ моемъ мнимомъ другѣ, наипрезрительнѣйшіе предметы, коими нѣкогда очи мои осквернились. - Боги! - любовница

ница Гиппіаса! - можетъ ли что быть подъ симъ послѣднимъ степенемъ безчестія? -- Окончивая сію рѣчь кинулъ онъ презрительный взоръ, какой только когда блисталъ изъ человѣческаго ока, на неподвижнаго отъ возхищенія Софиста, и удалился отъ него прочь.

Глава третія.

Слѣдствія предъидущаго.

Человѣческая душа можетъ быть не способна ни къ какой сильнѣйшей болѣзни, какъ къ той, видѣть себя обязаннымъ презирать лице бывшее предметомъ нашихъ нѣжнѣйшихъ желаній. Все, что можно бы сказать о толь болѣзненномъ чувствованіи, есть весьма слабо къ выраженію мученія, причиняющаго чрезъ толь насильственное раздираніе въ чувстви-

ствительномъ сердцѣ. И такъ мы хотимъ лучше признаться, что мы находимъ себя не въ силахъ описать возмущеніе страстей, свирѣпствовавшихъ въ первыхъ часахъ по столь жестокомъ объясненіи въ душѣ Агатона, нежели холоднымъ описаніемъ въ то же время измѣнить нашу отвагу и нашу невозможность.

Первое, что онъ сдѣлалъ пришедши нѣсколько самъ въ себя, было, что онъ напрягалъ всѣ свои силы себя убѣдить, что его Гиппіасъ обманулъ. Было ли этого много, чтобы думать самое худшее о такомъ ужасномъ бездѣльникѣ, какимъ сей Софистъ представлялся тогда въ его глазахъ? Какой важности могло быть противу Данаи свидѣтельство толико подлаго человѣка? — Или лучше, какого сильнаго защитника находила ты, прекрасная Данае,

нае, въ сердцѣ твоего Агатона! Какіе бы могъ самъ Гиперидъ, защищая Фрину, со всемъ своимъ краснорѣчіемъ представить Аѳинянамъ сильнѣе и казистѣе опыты о невинности сея пригожей дѣвицы, кромѣ сихъ, кои находилъ Агатонъ въ своемъ сердцѣ для оправданія своея Данаи? Любовь со своимъ поддѣланнымъ витійствомъ возторжествовала бы безъ сомнѣнія надъ его разумомъ, естьли бы ревность для взпоможенія ей не взяла ея сторону. Между всѣми страстями нѣтъ ни единой, которой превращеніе возможнаго на дѣйствительное менѣе стоитъ. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря свѣту, коимъ она его просвѣтила, скоро обратился онъ отъ сомнѣнія къ подозрѣнію, отъ подозрѣнія къ правдоподобію, а сіе скоро перемѣнилось въ извѣстность, не инако, какъ будто бы онъ съ коварною нѣжностію Юлія Цесаря пре-

прекрасную Данаю единственно за то находилЪ виновною, поколику она была обличаема. ОнЪ сравнивалЪ ея собственное повѢствованіе сЪ слышаннымЪ изЪ устЪ Гиппіаса, и думалЪ тогда, когда недовѢріе однажды овладѢло его духомЪ, примѢтить тысячу слѢдовЪ вЪ первомЪ, которые истину послѢдняго подкрѢпляли. ЗдѢсь долженствовала она обстоятельству дать хитрое обращеніе; тамЪ была она (какЪ онЪ думалЪ себѢ припамятовать) вЪ недоумѢніи, что надлежало ей дѢлать изЪ другаго, которое у нея вырвалось противу ея намѢренія. СЪ столь косымЪ окомЪ проходилЪ онЪ весь ея противу него поступокЪ. Коль ясно чаялЪ онЪ теперь видѢть, что она сЪ первой минуты ея знакомства имѢла на него намѢренія! ВЪ тысячѢ маленькихЪ обстоятельствахЪ, казавшихся ему тогда малозначащими,

щими, обрѣталъ онъ теперь знаки тайнаго знаменованія. Онъ приводилъ на память всѣ ея поступки, изслѣдовалъ ихъ, вѣсилъ ихъ на вѣсахъ своего предупрежденія, и окончалъ заключеніемъ, что все, произходившее отъ его перваго посѣщенія до вступленія его къ ней во услуженіе, было слѣдствіемъ положеннаго между ею и Софистомъ начертанія. Сколько отравила мысль сія все сею для него содѣланное! Онъ совсѣмъ лишилъ дѣйствія ея той красоты и пріятности, столько его очаровывавшей. Онъ зрѣлъ теперь въ семъ мнимомъ образцѣ всякаго мысленнаго совершенства ничто болѣе, какъ хитрую кокетку, которая великою твердостію въ искуствѣ обладать сердцами получила побѣду надъ его невинностію! Сколь презрительными представлялись ему теперь сіи оказанія милостей, кои ему

столь были дороги, доколѣ онъ почиталъ ихъ за изліянія единственно для него чувствительнаго сердца! Сколь презрительны сіи радости, кои его въ томъ благополучномъ состояніи очарованія уподобляли богамъ! Сколько ярился онъ теперь самъ на себя, что онъ довольно могъ быть глупъ, что допустилъ себя въ толь видимыя и рукоемлемыя запутать сѣти! Образъ возлюбленной Псиши не могъ никогда ни въ какое благопріятствующее для Данаи время представиться, какъ теперь. Но естественно, что она вообразилась; и сколь ослѣпителенъ былъ свѣтъ, въ коемъ она ему появилась! Сколько возвысилась она чрезъ помраченныя преимущества своея соперницы! О небо! какъ возможно было, чтобы наложница Алцибіада, Гиппіаса и каждаго другаго, который ей нравился, могла быть способна

погасить сію любви достойную невинность, которой непорочныя объятія, вмѣсто того, чтобы ввергнуть добродѣтель ея въ опасность, дали ей новую жизнь, новыя силы? Ирой нашъ простиралъ сравненіе столь далеко, сколько оно могло быть простираемо. Онъ былъ обѣими любимъ. Какое различіе между сею нощію (о которой онъ теперь упоминалъ съ отвращеніемъ), въ кою Данае, употребя всѣ свои прелести, все что наихитрѣйшее и обаятельное искуство изобрѣсть можетъ, взпомоществуема будучи магическими силами музики для упоенія его чувствъ и разпущенія всего его существа въ роскошныя вожделѣнія, сама себя съ предупредительною милостію повергла въ его объятія — и тѣми Елисейскими ночами, кои у него на сторонѣ Псиши въ чистомъ веселіи безтѣлесныхъ духовъ, какъ единая

небесная минута", протекли съ стремленіемъ! Бѣдная Данае! прелести твоего образа потеряли при семъ сравнени преимущества, въ которомъ тебѣ самое пристрастнѣйшее предразсужденіе могло бы только отказать. Сей видъ богини любви, при воззрѣніи на кой ея возхищенная душа утопала въ роскоши, погрузился теперь, сравненъ будучи съ дѣвическою гибкостію младой Псиши, въ своемъ сокрушенномъ воображеніи къ сластолюбивой красотѣ бакханки, достойнѣе неистовства похотливаго Сатира, нежели нѣжныхъ возхищеній, которыя онъ теперь стыдился разточать ей съ непростительнымъ обманомъ.

Безъ сомнѣнія наши добродѣтельныя читательницы, которыя ю паденіи нашего ироя (не безъ праведнаго негодованія противу тонкихъ хитростей прекрасной Данаи)

Данаи) скорбѣли, возрадуются отъ сердца, увидя, что честь добродѣтели и нѣкоторымъ образомъ выгоды ихъ всего пола на сей отмщены обманщицѣ. Мы сами принимаемъ великое участіе въ сей ихъ радости. Однако мы, съ ихъ позволенія, не можемъ удержаться, чтобъ не сказать, что Агатонъ въ сравненіи между Данаею и Псишею доказалъ строгость, которой мы совсѣмъ оправдать не въ состояніи, какое бы мы впрочемъ ни ощущали удовольствіе, видя его обратившагося отъ такой страсти, которой должайшая продолжительность ввергнула бы насъ въ невозможность выдать сію вторую часть его повѣсти.

Данаю можно хулить за ея слабость къ нашему ирою, сколько угодно; однако то открытая несправедливость ее осуждать,

поколику она не была Псише, или, чтобЪ сказать опредѣленнѣе, поелику она вЪ подобныхЪ обстоятельствахЪ не совершенно такЪ поступила, какЪ Псише. Естьли сія послѣдняя была невиннѣе, то сіе можно приписать больше сложенію, нежели добродѣтели. Великая ея молодость, опытность ея, обстоятельства, вЪ коихЪ она находилась, могли содѣлать всякую заслугу ея безвинности. Данае была бы уповательно то же, какЪ она со всею живностію сельской дѣвицы четырнатцати лѣтЪ плясала на пиршествахЪ вЪ АѳинахЪ по свирѣлѣ, или служила по достоинству образцомЪ Алкамену, желавшему нарисовать Венеру или Грацій. Виновна ли она была вЪ томЪ, что не вЪ ДелфахЪ возпитана была, или что первыя чувствованія ея юношескаго сердца открылись для Алцибіада, а не для Агатона? Псише

ше любила неповиннѣе: положимъ такъ; однако любовь пребываетъ въ своихъ дѣйствіяхъ всегда сама себѣ подобна. Она не ограничиваетъ своихъ требованій до тѣхъ поръ, пока не вступитъ во владѣніе всѣхъ своихъ правъ; а добросердечное незнаніе есть меньше всего въ состояніи состязаться съ нею о сихъ требованіяхъ. Щастіемъ было для невинности нѣжной Псиши, что ея ночныя свиданія были прерваны прежде, нежели сіе столь духовнымъ образомъ чувственное умоизступленіе, въ которомъ оба наши любовники начали нарочито успѣвать, достигло своего высочайшаго степеня. Можетъ быть еще нѣсколько дней, или (естьли вы изволите) и позже, но тѣмъ извѣстнѣе, наши младые неповинники, отъ единаго неповиннаго разлитія сердца къ другому, отъ единаго всегда еще слабаго выраженія ихъ не-

изглаголанныхъ чувствованій къ другому, наконецъ, къ ихъ собственному великому удивленію, тамъ нашли себя, гдѣ ихъ природа ожидала. Гдѣжь бы тогда осталось существеннѣйшее преимущество невинности? Другое обстоятельство, въ коемъ Психе по щастію имѣла выгоду надъ Данаею, было сіе, что ея любовникъ былъ столько же невиненъ, какъ и сама она, и при всей своей нѣжности тѣни не имѣлъ мыслей подыскиваться подъ ея добродѣтелію. Знаемъ ли мы, какъ бы она поступила, естьлибъ подвергнулась изкушенію? Она бы конечно сопротивлялась; въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но прибавить: „ доколѣ бы возможно ей было.„ Понеже она имѣла довольно силы надъ собою его убѣгать, его болѣе совсѣмъ не зрѣть, сіе неуповательно. Однако бы она наконецъ преодолѣлась сладкими возхищеніями любви,

ви, сколько бы ни отсрочивала минуту своего пораженія. Но можно бы еще сдѣлать возраженіе. Положимъ, что она бы не въ силахъ была выдержать изкушенія до конца, однако сопротивлялась бы. Данае напротивъ того не только предвидѣла свое паденіе и предускоряла, но оно было дѣломъ ея собственнаго приуготовленія; а естьли она его откладывала, то это происходило въ пользу ея любви и ея удовольствія, а не изъ добродѣтели. Все сіе неоспоримо. Но предположа, что она наконецъ однако склонилась бы (что, однимъ или другимъ образомъ, однако всегда есть молчаливымъ намѣреніемъ каждой, отваживающіейся на любовныя дѣла), къ чему бы послужило продолжительное и своенравное сопротивленіе, какъ для причиненія себѣ самой и своему любовнику безполезныхъ мученій? И думаемъ ли мы, что

она не долженствовала никакого причинять себѣ насилія мучить такого любовника, котораго чрезвычайное достоинство силу его склонности столь хорошо оправдало; или что самоотрицаніе, которое къ сему потребно было, такому лицу, котораго сила воображенія съ удовольствіями любви уже столько была согласна, по меньшей мѣрѣ не столько же бы стояло, какъ и неискусной важное сопротивленіе? Мы говоримъ все сіе не для оправданія прекрасной Данаи, но только для показанія, что Агатонъ въ жару своего гнѣва строго о ней судилъ. Несправедливо было вмѣнять ей въ преступленіе благоугодность, которая его столько же дѣлала благополучнымъ, сколько бы онъ былъ бѣденъ, когда бы она совсѣмъ заупрямилась и захотѣла сильной страсти, коею онъ былъ снѣдаемъ, отвѣчать только спокой-

койными чувствованіями дружества. Но предразсужденіе, коимъ онъ тогда былъ объятъ, сдѣлало его неспособнымъ отдавать ей справедливость. Одна мысль, что она Гиппіаса въ такой же милости содержала, какъ и его, дѣлала ему подозрительнымъ все, что бы могло его убѣдить, что онъ по меньшей мѣрѣ былъ первый, который истинно тронулъ ея сердце. Однимъ словомъ, она тогда на его глаза ничто иное было, какъ простинькая любовница, которая въ свѣтѣ, въ коемъ она ему являлась, предъ прочими женщинами ея рода не имѣла никакого другаго преимущества, какъ что она была опаснѣе. Однако негодованіе его противу ее не могло быть столько сильно, чтобы ему не обратиться самому противу себя. Представленіе, что онъ заступилъ у нее мѣсто Гиппіаса, Гіацинта, дѣлало его въ

своихъ собственныхъ глазахъ наи-презрительнѣйшимъ невольникомъ. Онъ самъ стыдился предъ своимъ прежнимъ лучшимъ существованіемъ, когда онъ помышлялъ объ отчетѣ, коимъ онъ долженъ былъ себѣ о своемъ пребываніи въ Смирнѣ. Да и когда бы Данае дѣйствительно для него была такою, за какую онъ ее въ піянствѣ своея страсти почиталъ, то и тогда могъ ли бы онъ появиться безъ стыда предъ судъ добродѣтели? Ну что бы онъ отвѣтствовалъ сей строгой добродѣтели, когда ему собственное его сердце столько дѣлало укоризнъ за то, что онъ столь долгое время безъ всякаго похвальнаго дѣйствія, погубленное для своего духа, погубленное для добродѣтели, погубленное для своего собственнаго и для общаго блага, въ виновной праздности и, что еще всего хуже было, въ презрительномъ стараніи раболѣп-

ство-

ствовать роскошнымъ вожделѣнiямъ Данаи, разточилъ безславно. Онъ простиралъ укоризны, кои онъ при сихъ печальныхъ представленiяхъ самъ себѣ дѣлалъ, столь далеко, сколько ихъ только всегда страсть огненной, но со врожденною любовiю къ добродѣтели пронзенной, души простирать могла; и болѣзни, коими сердце его чрезъ то было раздираемо, были неизрѣченны.

Неудовольствiе противу насъ самихъ (какъ мы уже примѣтили) есть наимучительнѣйшее состоянiе, такъ, что душа сносить его долго не можетъ. Самолюбiе собираетъ всѣ свои силы для доставленiя намъ облегченiя. И разсудимъ мы, сколь мало добра придержательное чувствованiе стыда и презрѣнiя самаго себя подѣйствовать можетъ, и сколь вредны напротивъ того должны быть пе-

печаль и малодушіе возвращающейся добродѣтели; то имѣемъ мы можетъ быть причину, домогательство самолюбія насъ у насъ самихъ извинить почесть за одно изъ нужнѣйшихъ побужденій нашей души въ семъ состояніи заблужденія и страстей, въ коихъ она находится въ настоящей жизни. Разкаяніе ни къ чему не годится, какъ только содѣлать въ насъ глубокое впечатлѣніе о мерзости безумнаго и необыкновеннаго поступка, въ коемъ мы насъ обвинили. Произведши оно сіе дѣйствіе, должно перестать. Продолженіе его отняло бы у насъ только силы постараться возвыситься въ лучшее состояніе, и чрезъ то столько же было бы вредно, какъ чрезмѣрный страхъ, который насъ только тѣмъ извѣстнѣе подвергаетъ злу, коего мы осторожно долженствовали избѣгнуть, или бодро противоборствовать.

Агатонъ тѣмъ болѣе имѣлъ причины симъ благотворительнымъ вдохновеніямъ самолюбія внимать, когда ему всегда весьма пылкая его сила воображенія проступки его и предметъ оныхъ дѣйствительно представляла въ гнуснѣйшемъ видѣ, нежели сдѣлало бы холодное благоразуміе. Естественнымъ слѣдствіемъ желаніе оправдать себя самаго предъ собственными своими очами довело его непримѣтно до того, чтобы отдавать паки и прекрасной Данаѣ больше справедливости. Могла ли она менѣе быть богини, когда онъ могъ простить себя самого въ своемъ заблужденіи? Трудно было, конечно довольно трудно (сказалъ бы Сократъ) противиться прелестямъ столь изящнаго предмета, обманамъ столь многихъ соединенныхъ волшебныхъ силъ. Бѣгство было, о молодый человѣкъ, единымъ безопаснымъ спа-

спасительнымЪ средствомЪ. Конечно было почти равно трудно, бѣжать или сопротивляться; но возможность кЪ побѣгу была по крайней мѣрѣ сначала вЪ твоей силѣ. Но была неосторожность вЪ тебѣ не помышлять, что придетЪ такое время, вЪ которое ты не будешЪ имѣть силЪ кЪ побѣгу. ТакЪ бы рекЪ тотЪ, который Критобула назвалЪ за то, что онЪ поцѣловалЪ прекраснаго сына Алцибіадова, ВагегалсомЪ (*) (отважнымЪ), и молодому Ксенофонту совѣтовалЪ отЪ прекраснаго лица бѣгать, какЪ отЪ змѣи. Но столь скромно и чистосердечно не гремѣлЪ языкЪ самолюбія. Не возможно (говорило оно) противиться столь сильнымЪ прелестямЪ; не возможно было убѣгать. Оно взяло всю живность его силы воображенія вЪ помощь, до-

(*) Смотри Ксенофонта достопамятности Сократа.

доказать ему истину сихъ утѣшительныхъ увѣреній; и естьли бы гласъ сего остроумнаго обманщика не могъ достигнуть до того, чтобы нѣкоторое внутреннее чувствованіе, которое ему противорѣчило (и которое можетъ быть есть отличнѣйшій знакъ вольности нашея воли), совсѣмъ погасить; то удалось ему по крайней мѣрѣ непримѣтно выгнать изъ его духа печаль и паки по оному разсѣять сей тихій свѣтъ, въ коемъ мы обыкновенно все до насъ самихъ касательное видимъ.

Однако Данае мало выиграла при семъ спокойномъ положеніи, въ коемъ находилось сердце ея любовника. Это правда, что совершенства ея оправдали высокое мнѣніе, которое онъ взялъ о ея свойствѣ, и обое величину его страсти. Онъ простилъ самъ себя, что онъ столько ее любилъ, до-

доколѣ онъ изящность ея души за столько же почиталъ необыкновенную, какъ и прелести ея души. Но Данае потеряла съ правомъ на его высокопочитаніе всю силу надъ его сердцемъ. Намѣреніе ее оставить было естественнымъ онаго слѣдствіемъ; и оное не стояло ему, когда онъ его предпріялъ, ни единаго вздоха; столь глубоко было презрѣніе, коимъ онъ чувствовалъ себя противу ее пронзеннымъ. Возпоминаніе того, что онъ былъ, чувствованіе того, что онъ можетъ быть опять, какъ скоро пожелаетъ, дѣлало ему мысль несносною минуту только долѣе пробыть невольникомъ новой Цирцеи, которая чрезъ позорнѣйшее превращеніе, нежели какое спутники Улисса долженствовали претерпѣть, ироя добродѣтели превратила въ празднаго сластолюбца.

При толь коловратныхъ обстоятельствахъ было неполезно ожидать ея возвращенія, которое по ея извѣщанію и долго, что чрезъ три дни, возпослѣдовать долженствовало. Ибо она во время своего отсутствія не пропускала ни одного дня, чтобы къ нему не писать; и необходимость отвѣтствовать столько же точно на письма своея любовницы, погрузила его по великой перемѣнѣ, произшедшей въ его духѣ, тѣмъ въ большее возмущеніе и замѣшательство, что онъ былъ весьма чистосердеченъ и весьма живъ, и не хотѣлъ представлять по приказанію своего сердца своихъ чувствованій, чрезъ что письма его сдѣлались столь коротки и открывали толь примѣтное принужденіе, что Данае начала имѣть подозрѣнія, которыя хотя не очень правдоподобны, однако были

ли естественнѣйшія, какія ей тогда могли притти на мысль. Она думала, что отсутствіе ея могло какую нибудь изъ красавицъ въ Смирнѣ довольно сдѣлать дерзскою на похищеніе толикой зависти достойнаго любовника. Хотя гордость ея толь наглому намѣренію усмѣхалась; однако она любила весьма страстно, чтобы при ономъ столько быть спокойною, какъ и надлежало заключить изъ бодраго вида, съ коимъ она шутила надъ его охолодѣлостію. Однако предувѣреніе о своихъ преимуществахъ одержало верьхъ и не оставило никакого сомнѣнія, чтобы ея присутствіе не изтребило паки всѣхъ впечатлѣній, кои соперница могла сдѣлать на поверьхности его сердца. И когда бы она менѣе о своемъ возторжествованіи была извѣстна, то однако была она довольно благо-

раз-

разумна, чтобЪ дать своему любовнику примѢтить, что она недовѢряетЪ его сердцу, или способна наскучить ему нѢкогда журливою ревностію. При всемЪ томЪ сіе обстоятельство ускорило ея возвращеніе, и чаятельно застала бы она еще своего невѢрнаго во время, естьлибЪ духЪ хранитель, бодрствующій о соблюденіи его добродѢтели, не представилЪ ему необходимость поспѢшнѢйшаго бѢгства толь понудительно, что онЪ, какЪ скоро вѢстникЪ ДанаинЪ былЪ отправленЪ, пошелЪ вЪ гавань для наняшія судна, на коемЪ онЪ вЪ томЪ же день могЪ отдалиться отЪ Смирны.

Глава четвертая.

Небольшее отступленіе.

Читатели наши, когда они сію повѣсть удостоятъ прочесть съ меньшею нѣсколько бѣглостію, нежели какой Французскій Roman du jour, можетъ быть примѣтятъ, что возстановленіе нашего ироя изъ того состоянія, въ которомъ онъ конечно не заслуживалъ сего имяни, собственно не должно приписать ни *разсудку* его, ни *любви къ добродѣтели*. При всемъ добромъ мнѣніи, которое мы имѣемъ о обоихъ, должны признаться, что Агатонъ, когдабъ дѣло дошло до однихъ ихъ, могъ бы долго пробыть въ оковахъ прекрасной Данаи. Да мы имѣемъ причину думать, что *первый* довольно бы былъ способенъ тысячію прекрасныхъ представленій и заключеній мало по малу совер-

шенно

шенно усыпить *другую*, или можетъ быть совсѣмъ склонить къ благосклонному сравненію съ роскошью, естественною и опаснѣйшею ея непріятельницею. Мы не отрицаемъ симъ того, чтобъ она не подала помощи своея къ освобожденію нашего друга. Однако между тѣмъ извѣстно, что *ревнивость* и *оскорбленное самолюбіе* дѣйствовали при томъ по большей части, и что по сему безъ благодѣтельныхъ вліяній сихъ толь поносныхъ страстей прежде толь мудрый, толь добродѣтельный Агатонъ знаменито зачатую жизнь, по всему виду, въ Смирнѣ кончилъ бы безславно подъ розами Венеры.

Мы никакъ не хотимъ симъ примѣчаніемъ большую часть нравоучителей заставить отстать отъ предразсужденій противу стра-

стей, которыя они отъ своихъ предшественниковъ, а сіи (естьли мы за нѣсколько вѣковъ поднимемся выше даже до източника) отъ уединенниковъ, коими Восточныя земли всегда наполнены были, чрезъ не весьма успѣху здраваго разума благосклонное преданіе, кажется, получили въ наслѣдство. Напротивъ того намъ бы весьма радостно было, когда бы настоящая повѣсть могла подать благополучный поводъ какого нибудь изъ сущихъ мудрецовъ нашего времяни ободрить, съ свѣточію природнаго дарованія продраться въ нѣкоторыя нравоучительной философіи темныя страны, которыя, къ знатному ущербу общаго блага, еще тысящи лѣтъ остались бы *неизвѣстною землею*, естьли бы надлежало дожидаться услугъ сихъ превозходныхъ мужей, чрезъ коихъ не-

неутомимую ревность нѣсколько лѣтъ Нѣмецкія печатныя станы подъ вылитою во всѣ возможныя формы смѣсью неопредѣленныхъ, а не рѣдко самопроизвольныхъ понятій, изступительныхъ чувствованій, набожныхъ пустословій, смѣшныхъ свойствъ и надутыхъ произношеній вздыхать принуждены. Тѣ, кои наше усердное желаніе изполнить способны, не имѣютъ нужды, чтобы мы о семъ обстоятельнѣе объяснились, или показали имъ точнѣе путь къ открытію сея нравоучительныя terra incognita (неизвѣстной земли), нежели здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настоящей повѣсти случилось. И такъ мы симъ будемъ довольны, когда мы теперь, по всему виду, ироя нашего изъ всѣхъ большей опасности, въ коей добродѣтель его нѣкогда была погружена, или впредь могла

 вверь-

ввергнуться, благополучно вывлекли, сдѣлаемъ нѣкоторыя разсужденія. — Но какія бы мы сдѣлать могли разсужденія, которыхъ бы Агатонъ самъ (какъ скоро онъ къ тому имѣлъ свободное время) не сдѣлалъ на свое приключеніе, кои тѣмъ естественнѣе и выгоднѣе долженствовали быть, когда онъ дѣйствительно находился въ такомъ положеніи, въ которое мы себя сперва поставить должны помощію силы воображенія, и мысли духу его добровольно представлялись кучами, да и противъ желанія стремились къ нему, вмѣсто того, чтобы намъ сперва надлежало ихъ пріискивать? И такъ лучше подождемъ, пока онъ будетъ находиться въ такомъ положеніи, въ коемъ душа, отдавшись сама себѣ, способна взирать на прошедшее изпытательнымъ окомъ. Однако да будетъ намъ прежде про-

продолженія нашея повѣсти позволено, въ пользу нашихъ молодыхъ читателей, сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія, для помѣщенія коихъ мы не находимъ приличнѣе сего мѣста, и кои тѣ, которые какъ Шахъ Багамъ не охотники до нравоученій, что нибудь другое подѣлали, или пока мы оное оканчаемъ, могутъ прогонять между тѣмъ свое время (естьли имъ угодно) смотрѣніемъ по конецъ своего носа.

И такъ, что бъ вы на то сказали, чувствительные мои молодые пріятели, когдабъ я съ видомъ строгаго нравоучителя сталъ бы геометрическимъ способомъ доказывать, что вы обязаны совершенною нечувствительностію къ симъ любви достойнымъ твореніямъ, для коихъ глаза ваши, сердце ваше и сила воображе-

 нія

нія ваша соединяются вдохнуть въ васъ такую склонность, которая, доколѣ она въ неопредѣленномъ состоитъ чувствованіи, васъ всегда обезпокоиваетъ, и какъ скоро она получаетъ особливый предметъ, то дѣлается душею и жизнію всѣхъ вашихъ прочихъ побужденій?

Чтобы мы были въ состояніи вести таковое доказательство, и (что еще немного жесточае) чтобы мы могли убѣдить васъ въ обязательствѣ никакое изъ сихъ пріятнѣйшихъ твореній, сколько бы оно совершенно всегда ни казалось въ вашихъ очарованныхъ очахъ, не любить прежде, пока вамъ не будетъ повелѣно, что вы должны ихъ любить, — есть безъ сомнѣнія такая вещь, которая вамъ не можетъ быть неизвѣстна. Но для того же самаго,

го, поелику сіе столь чисто доказывается, можемъ мы сіе какъ нѣчто доказанное предположить; и намъ кажется, что вопросъ состоитъ только въ томъ, какъ должно начать, чтобы ваше непереимчивое сердце примирить съ такою должностію, противу которой вы тысячу важныхъ возраженій сдѣлать думаете, когда вы намъ однако наконецъ ничего инаго вмѣсто всего отвѣта не сказали, какъ что *вы не имѣете никакой охоты оную изполнить*.

Рѣшеніе сего вопроса кажется намъ быть изъ числа тѣхъ затрудненій, въ которомъ насъ нравоучители съ такою оставляютъ равнодушностію, которая тѣмъ жесточѣе, когда немногіе между ими ни тѣмъ, ни другимъ образомъ не изпытали, что не такъ легко побѣдить непріятеля,

какъ

какѣ доказать, что побѣжденѣ быть долженствовалѣ. Мы никакѣ себя не ласкаемѣ тѣмѣ, чтобы мы нашли безопаснѣйшее, сильнѣйшее и приличнѣйшее средство толь многими затрудненіями окруженную вещь произвести вѣ дѣйство. Между тѣмѣ осмѣливаемся мы, (сѣ позволенія лучшихѣ намѣреній) отѣ насѣ дать вамѣ совѣтѣ, который хотя ни общій, ни безѣ всѣхѣ неудобствѣ, но однако, разсудя все хорошенько, до изобрѣтенія лучшаго вѣ больше, нежели одномѣ, намѣреніи можетѣ быть великой пользы.

Мы предполагаемѣ при семѣ два неоспоримыя положенія. Первое: что большая часть молодыхѣ людей (и можетѣ быть также довольная часть стариковѣ) или кѣ нѣжности, или по крайней мѣрѣ кѣ любви вѣ обыкновен-

новенномъ смыслѣ сего слова, имѣетъ сильнѣйшую склонность, нежели къ какой другой естественной человѣку страсти. Другое: что Сократъ самъ, на мѣстѣ, о коемъ въ прошедшей главѣ упомянуто было, о вредныхъ слѣдствіяхъ любви, пока она есть сильною страстію къ какому нибудь единому предмету (ибо о семъ родѣ любви идетъ здѣсь единственно рѣчь) не больше сказалъ, какъ показываетъ ежедневный опытъ. Ты, нещастный! говорилъ онъ молодому Ксенофону (который не могъ понять, что сіе есть столь опасная вещь поцѣловать прекраснаго юношу, или, сказать по нашимъ обычаямъ, прекрасную дѣвочку, и довольно былъ легкомысленъ, что признался, что онъ каждую минуту дерзалъ предпринимать сіе предосудительное чудо) „ что думаешъ ты о слѣд-

ствіяхъ

„ствіяхъ такого поцѣлуя? На-
„дѣешся ты сохранить свою
„вольность, или лучше не опаса-
„ешся ты сдѣлаться невольни-
„комъ того, что ты любишъ?
„Не изтратишъ ли ты великаго
„иждивенія на вредныя сладостра-
„стія? Чаешъ ты, что тебѣ
„много останется празднаго вре-
„мяни на попеченіе и предпрія-
„тіе какого нибудь великаго и
„полезнаго дѣла твоему отече-
„ству и человѣчеству? Или не
„будешъ ли ты болѣе принужденъ
„употребить свое время на та-
„кія упражненія, коихъ бы и са-
„мый безумный устыдился„? —
Не можно слѣдствія сего рода любви въ столь немногихъ словахъ описать совершеннѣе. Что бы намъ помогло, друзья мои, естьли бы мы захотѣли насъ самихъ обманывать? Самая невиннѣйшая любовь, та, которая въ моло-

молодыхъ возторженныхъ душахъ, кажется, столь изрядно согласуется съ добродѣтелію, приноситъ съ собою невидимый ядъ, коего дѣйствія только тѣмъ опаснѣе, поколику онъ дѣйствуетъ медлительно и непримѣтными степенями. -- Такъ что же дѣлать? -- Совѣтъ древняго Катона (*), или тотъ, который Лукрецій даетъ по правиламъ своея секты (**), есть въ каждомъ разсужденіи гораздо хуже, нежели зло, которому чрезъ то пособить долженствовало бы. Да и самыя положенія и особенный примѣръ мудраго Сократа въ семъ случаѣ можетъ только принятъ быть подъ нѣкоторыми обстоятельствами; и (когда мы по нашему убѣжденію го-

(*) Во второй Сатирѣ I. кн. Горація ст. 31. и далѣе.

(**) въ четвертой книгѣ de Rerum Natura (о природѣ вещей).

говорить должны) мы бы изъ истиннаго доброжелательства къ благу человѣчества ничего больше не желали, какъ чтобы нѣкогда удалось Сократу бога любви совершенно лишить обожанія и отнять всѣ свойства божіи, и изъ любви сдѣлать только законное укрощеніе физической нужды. Услуга, которая бы чрезъ то оказалась свѣту, долженствовала бы не обходимо составить часть худаго дѣйствія, которое бы на всеобщее притѣсненіе страстей въ человѣческомъ общежительствѣ возпослѣдовало. И такъ вотъ нашъ совѣтъ: — „Мои любез„ные младые друзья, Егистъ „принялъ на себя единственно „для того трудъ обмануть пре„красную Клитемнестру, поко„лику онъ не имѣлъ ни доволь„наго разума, ни бодрости сдѣ„лать что нибудь похвальное.

„Упра-

„Упражняйтесь, друзья мои! Празд„ность есть вашъ опаснѣйшій „непріятель. Будьте упражнены „предуготовленіемъ къ вашему „опредѣленію, или дѣйствитель„нымъ онаго изполненіемъ. Ста„райтесь о заслугахъ, за кои „есть награжденіемъ высопочита„ніе разумныхъ и потомства, и „о добродѣтели, которая одна „составляетъ внутреннее благо„состояніе нашего существа.„ Но я слышу возклицаніе ваше: постой, господинъ нравоучитель! это не то, о чемъ мы отъ васъ желали слышать. О всемъ семъ сказалъ намъ Клавилль лучше, нежели бы вы могли, а Абтъ еще лучше Клавилля. Ваше средство противъ любви! – „Средство противу лю„бви? Сохрани насъ отъ онаго не„бо! – Или естьли вы такого хоти„те, то вы найдете его у всѣхъ „нравоучителей, площадныхъ лѣ-

 „ка-

„карей, и -- во всѣхъ аптекахъ.
„Совѣтъ нашъ стремится прямо
„на противное. А естьли вы
„хотите любить, или должны,
„хорошо; то все, повѣрьте мнѣ,
„зависитъ отъ предмета, кото-
„рый вы изберете. Сыщите вы
„Аспазію, Леонцію, Нинону, и
„старайтесь, естьли вы въ со-
„стояніи, заслужить ихъ друж-
„бу. Выгоды, которыя вы изъ
„того, для вашей головы, для
„вашего вкуса, для вашихъ нра-
„вовъ -- да, друзья мои, для
„вашихъ нравовъ -- и для са-
„мыхъ должностей вашего опре-
„дѣленія, отъ такого соединенія
„получите, послужатъ наградою
„за ваши труды." -- Изрядно;
Аспазій! Нинонъ! -- Да гдѣ мы
ихъ выищемъ? -- „Да и не со-
„вѣтую вамъ ихъ искать; а рѣчь
„только идетъ о случаѣ, когда
„вы ихъ найдете." -- Но естьли

ли мы не сыщемъ? „Хорошо, то
„ищите самую благоразумнѣйшую
„добродѣтельнѣйшую и предо-
„стойную любви женщину, какую
„только можете сыскать. Здѣсь
„позволяемъ мы вамъ искать,
„только не (чтобы поберечь васъ
„отъ околичности) между кра-
„сотками, между коими долго
„проищешъ. Естьли эта женщи-
„на любви достойна, то тѣмъ
„сильнѣе она васъ плѣнитъ;
„естьли она добродѣтельна, то
„она васъ не обманетъ; а благо-
„разуміе ея не допуститъ ее ва-
„ми оставаться обманутою. И
„такъ вы можете любить ее безъ
„всякаго опасенія.„ -- Но тѣмъ
мы не довольны. Вопросъ состо-
итъ въ томъ: какъ бы сдѣлать,
чтобы быть ею любиму? „Ко-
„нечно; это также почтется за
„искуство. Я вамъ не возбраняю
„сдѣлать покушеніе; и я вамъ

,, въ томъ ручаюсь, естьли она ,, и вы, каждый съ своея стороны, ,, будете дѣлать должное, то ,, продолжите вы свой романъ безъ ,, опасности чрезъ десять лѣтъ; ,, и (естьли вамъ вздумается ,, оный выдать въ свѣтъ во столь- ,, кихъ же томахъ) никто въ ,, ономъ не сыщетъ никакой по- ,, хулки. ,,

Конецъ второй части.